

22-23

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес:
390000, Россия,
г. Рязань,
пл. Костюшко, 3.
Для писем:
390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912)77-51-17.
E-mail: karta@glasnet.ru
http://www.karta.org

Учредитель:
Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов
Редакция:
Юлия Середина,
Сергей Романов,
Вадим Шубин,
Петр Митцнер,
Виктор Лозинский.

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.
По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:
А. Блинушов,
С. Романов,
Ю. Середина,
О. Семенова.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ N 20.
Печать офсетная.
Тираж
2000 экз.
Подписано
в печать 22.02.1999

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала "КАРТА", выходящего с января 1982 года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

М. МОЛОСТВОВ. Двунogie и пернатые <i>К 4-й годовщине начала чеченской войны</i>	3
Россия – Чечня: цепь ошибок и преступлений <i>Анонс книги</i>	9
И. МИТЮШОВ. Преподавание прав человека на коми языке <i>Самоопределение и коллективные права. Полемика</i>	10
В. ГЕФТЕР. Узники совести, политзаключенные или...? <i>"Старый" термин в новых условиях. Поиски определения</i>	12
А. И. Солженицыну — 80 лет. <i>Фоторепортаж о пребывании А. И. Солженицына в Рязани</i>	14
Н. МОРОЗОВ. К вопросу о национальном составе сталинских лагерей <i>Исследование</i>	18
Этапы истории инакомыслия <i>Из материалов web-сайта Международного общества "Мемориал"</i>	20
В. ИОФЕ. К десятилетию "Мемориала" <i>Размышление о месте и роли "Мемориала" в обществе</i>	26
К. ЛОЗИНЬСКИ. Революции — 200 лет <i>Очерк истории Китая</i>	29
Китай в XX столетии <i>Даты и события</i>	39
К. ЛОЗИНЬСКИ. Архипелаг лаогаи <i>Система китайских концлагерей</i>	40
А. ИШКИЛЬДИН. Репрессии против инакомыслящих в Китае <i>Нарушения прав человека в Китае</i>	45
А. ПОДРАБИНЕК. Обыкновенный коммунизм <i>Нарушения прав человека в Китае</i>	46
Китай в Тибете <i>Нарушение прав человека на оккупированных территориях</i>	48
Стерилизация <i>Показания сотрудника Центра по планированию рождаемости одной из провинций Китая</i>	53
"Если бы мой ребенок остался жив..." <i>Показания жертвы китайской политики планирования рождаемости</i>	55
К. ЛОЗИНЬСКИ. Врачи-преступники <i>О китайской политике планирования рождаемости</i>	56
В. КАЗАК. Цензура <i>"Во что обошелся" Главлит литературе</i>	57
А. ШЕРЕНАС. Сталинские лагеря Коми АССР <i>Карта ГУЛАГа</i>	60
А. ШЕРЕНАС. Локчимлаг <i>Карта ГУЛАГа</i>	64
И. ПАСЫНКОВ. Сталинские "наборы" за границей <i>Аресты российских эмигрантов в Харбине в 1945 г.</i>	66
Л. ТЕРНОВСКИЙ. Тайна ИГ <i>Из истории инакомыслия</i>	68
А. ЯШИН. "Анализируя опыт поисковой работы..." <i>Почта "Карты"</i>	97
Обращение Союза "За химическую безопасность" к жителям России <i>Почта "Карты"</i>	97

Михаил МОЛОСТВОВ

ДВУНОГИЕ И ПЕРНАТЫЕ

"Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него..."
Ветхий Завет

"Каркнет «невормор» он по Эдгару По..."
Э. Багрицкий

Действующие лица названы подлинными именами. Каждый вправе дополнить меня, оспорить мои свидетельства и соображения.

Борщев Валерий Васильевич, Рыбаков Юлий Андреевич и я — депутаты Государственной Думы. Но что Дума?

*Что Дума? Ничего не может.
Ушел-де поезд... в Аушвиц.
Бездумно генералы мнужат
Число убитых и убийц.*

*Сегодня — не когда-то, где-то —
Руками смертников-салага
Над Грозным, как Варшавским гетто,
Победно поднят грязный флаг.*

Иного не дано. Не испачкав в саже и пепле, не водрузишь трехцветное полотнище на обугленном скелете рескома.

11 января 1995 года

Ночью шел снег, утром проклюнулось солнце, и с крыши капают чернила. На разбитом балконе — забытыми хозяевами кусок баранины. Святочные синички (на меня ноль внимания) пируют и весело звенят.

Отсюда, с четвертого этажа, виден весь двор. Пересекая его, два ополченца с гранатометами через плечо вздымают сжатые кулаки:

— Аллах акбар!

Улица Красных фронтовиков. Дома добротной, еще «культовой» кладки, за забором — то, что осталось от госпиталя, и трибуна стадиона «Динамо». На месте детской площадки — воронки и кучи мусора.

Валерий Васильевич и я поднимаемся в нашу бывшую квартиру, чтобы побриться. Зеркало в ванной на месте.

Когда средства массовой информации еще до Нового года сообщили, что наш дом разбомблен (С. А. Ковалев, слава Богу, отсутствовал), мы восприняли это как ложь. Но это была не ложь. Это было пророчество.

Вечером того же дня, когда Адамыч отбыл в Москву — поднимать

веки Вию, — снаряды или ракеты (тут можно спорить без конца) разнесли в пух и прах и нашу прежнюю квартиру на четвертом этаже, и новую на втором.

Мы только что закончили трапезу. Ахнуло, рамы из окон, двери настезь, дым, пламя. Подгоняемый Валерием и Юлом, чихая и кашляя, на ногах ботинки Адамыча, в руках — свои, я сам не знаю как оказался в подвале.

С той поры и обитаем здесь, в маленьком отсеке, вместе с гостеприимным семейством Исламбака.

Утро начинается с похода за водой. Бидон и два ведра. Перебегаешь через простреливаемую улицу, спускаешься в подвал, гораздо более глубокий, чем наш, и ждешь своей очереди, чтобы подставить ведра под струйку пока еще прозрачной влаги. Час-полтора на всю операцию.

Потом, как и сегодня, восхождение на четвертый этаж и поход к разбитым гаражам: с оглядкой на небо и по большой нужде.

Ко всему привыкает человек. Пользуясь минутами затишья, во двор вылезают жильцы. Женщины что-то варят на костерках. Бабушка прогуливает внучку. Грудного младенца вынесла подышать русскоязычная мама.

Юл, мой зять, держит у уха карманный приемник. Он сменил Петровского в «бандформировании» имени Ковалева». Рядом с ним — три любознательных старика: старик-коммунист, старик-научный работник и старик-еврей. — Говорит радиостанция «Свобода»!

Султан, тоже немолодой, хозяин нашей последней квартиры, молча сует мне откуда-то добытую сигарету. Курим, прислушиваясь к не столь отдаленной канонаде.

— Бьют по рескому. Туда не пройти.

Фото: Энтони Сво
из книги Энтони Сво, Стенли Грин Две правды. Битва за Грозный. —
М.: Агитплакат, 1996.

"Грозный. Подвал, где прятались от бомбежек".

Владимир Веленгурин

— И обратно, иначе бы Лечо вернулся.

— Лечо с Розой давно?

— Едва ли.

Со стороны стадиона чей-то автоматчик в кого-то постреливает. То ли остратку дает, то ли корректирует минометные залпы.

— Это не минометы, а гаубицы.

— Нет, это «Град».

Военная машина наехала на нас и вот уже неделю буксует, постепенно превращая здания в развалины, среду обитания в «конституционное пространство». «Единая и неделимая». «Патриотизм».

Прервав досужие размышления, заглушая уже привычные звуки, с неба на тебя, именно на тебя, обрушивается нарастающий клеток.

— «Грачи» прилетели!

«Грачами» называют здесь пилотов Грачева с их «точечными ударами». Наискосок уносится стая голубей. Люди ныряют в подвал, захлопывая за собой обитую железом дверь.

— Ельцин же обещал не бомбить!

— Это все из-за депутатов! Из-за них...

Толчок, как будто подземный. И по всему подвалу, задувая свечи, проходит волна. Тихо-тихо. Только слышно, как скребется в двери дворовый пес с умной мордой ньюфаундленда. Ему не хватило места. А так хочется вниз, к двуногим, в общий комок вздрагивающей протоплазмы.

— Никак, пронесло? А за депутатов, ты извини, пожалуйста, не права. Без них, может, нас давно бы завалили.

— Завалят еще, не дай, Господи.

— Аллах акбар!

Выглядываем на свет Божий. Пес тычется носом в ладонь. Голуби как ни в чем не бывало воркуют на куче мусора. На стадионе постреливает автоматчик.

— Пойду налажу паяльную лампу, — говорит Исламбек, — а то кишка кишке кукиш кажется. Правильно я говорю?

Полный и усатый, он похож на Саддама Хусейна, знает это и с удовольствием пародирует диктатора. Же-

ной, сестрой и свояченицей командовать немудрено. Чеченские женщины, не в пример нашим, чтут разведчиков популяции. А вот детишки — с ними сложнее. Исламбекович — чуть меньше моего внука, его вполне вразумляет легкий подзатыльник. А Исламбековну, ровесницу Юловой Юльки, никакими репрессиями не унять.

— Моя сволочь, — рычит «Саддам Хусейн», вкладывая в непонятное дочке русское слово столько нежности, что только вмешательство матери избавляет его от атак с тыла и флангов. Во дворе иссеченный осколками автобус Исламбека.

— Хотел вывезти их, да сам видишь.

Юл опять ловит «Свободу». Старик-коммунист спорит со стариком — научным работником: кто виноватее — Сталин, Ельцин или Гайдар. Дудаева ругают оба. И мы с Валерием Васильевичем затеваем спор чисто русский — «бессмысленный и беспощадный».

Валерий Васильевич, человек верующий, отстаивает честь и достоинство науки, я, старый сциентист, несу ее почем зря.

— Парапсихопиротехника! Интеллектуальная подстилка ВПК!

— Вы становитесь невозможным, Михал Михалыч, — и, дернув плечом, Борщев оставляет меня наедине с моим раздражением.

Чернью мысли кружатся в голове. Меряю шагами расстояние между подвалом и аркой. Там, при выходе на улицу, росло фруктовое дерево. Снарядом его выкорчевало. Заломанные ветви и обнаженная розовая древесина. Помню, как когда-то пела мама: «Ворон к ворону летит...»

В чистом поле под раkitой

Богатырь лежит убитый.

Град обреченный — не чистое поле. И обгоревшие трупы танкистов — сам видел — клюют не вороны, а обычные голуби, сизые, белые и самой невероятной раскраски.

Смешно упрекать пернатых, не они сеют смерть. Но я о пижонстве, свойственном двуногим. Оно, это пижонство, как его ни называй: честь мундира, верность присяге или компетентность, — имеет последствием разрушения, убийства, разбой.

Ко мне подходит старик-еврей. Он часто делится со мной своими сторонними и очень верными наблюдениями. В Израиле, должно быть, со временем исчезнет эта исключительная способность стороннего видения, как идиш, как юмор Шелома Алейхема, как грустная улыбка человека, способного сострадать и чужому горю.

— А вы, Михал Михалыч, не еврей?

— Нет, — отвечаю я, хотя мне неприятно и нелегко в данном случае говорить правду.

И вспоминаю, как давным-давно, сто лет назад, я с моей младшей дочерью приезжал сюда, в Грозный, к другу юности Давиду Мазуру. Встречавший нас Давид бежал по перрону.

— Брата встречаете? Вы с ним как две капли, —

улыбалась с подножки проводница.

Да что проводница! Дочь Мазура Мирьям, когда мы на автобусе приехали в Кизляр, всплеснула руками:

— Ой, дядя Миша! Вы еще больший еврей, чем папа! И таты в Кизляре и Дербенте не сомневались: к Давиду в гости приехал брат.

*Побывал я на Кавказе,
Видел горы и базар,
Принят был за ашкенази*

У мазуриков-хазар.

*Воротясь к себе в Тверскую,
Замерзаю и тоскую.*

И пока я не замерз,

От тоски зверея,

Привези мне, тепловоз,

С Терека еврея.

Теперь Мазуры на исторической родине. А я вот здесь. Белая ворона, вообразившая себя голубем мира.

— Михал Михалыч! Кажется, опять «грачи»!

— Вон он, смотрите! Сокол, орел двуглавый, Су... двадцать пять!

Во тьме подвала мысли не становятся светлее. Об опасности фашизма мы говорили и писали много. Нам было ясно: фашизм — это война. Полвека прошло после уничтожения гетто в Варшаве и депортации чечено-ингушского населения подручными Берии. Сегодня не свастика и не серп и молот, а чернобыльский пернатый мутант, принятый за эмблему возрождения России, осеняет бойню, механизированный погром, войну против маленького народа. Баркашovy и Жириновские, Невзоровы и Лимоновы оказались не авангардом черных сил, а обозной командой, тыловым обеспечением кровавой авантюры, развязанной Егоровым, Степашиним, Грачевым и Ериным при прямом попустительстве гаранта — гм! — Конституции... Не первый раз телега оказывается впереди лошади. Эта война, как бы она идеологически ни камуфлировалась, означает наступление фашизма.

— Что вы сказали, Михал Михалыч?

— Да вот хочу прощения у вас попросить, Валерий Васильевич! Не сердитесь. Конечно, я перегнул палку. Наука прекрасная вещь, да только дуракам досталась.

— Может быть, пойдем наверх, вечерним воздухом подышим?

— С удовольствием.

Зарево пожаров, осветительные ракеты, трассирующие пули.

— Как вы думаете, Адамыч найдет нас?

— Найдет... Юлий Андреевич, вы бы не высовывались на свет.

— Мы с вами тут как пионер в рассказе Пантелеева. А что поделаешь?

— Ничего не напишешь.

По «Свободе» читают отрывок из «Хаджи-Мурата». Слушаем как замороженные. «Непротивление злу...» Никто, пожалуй, не воспел так *стихийное сопротивление* машине насилия, как Лев Николаевич, и притом на старости лет.

— Господа депутаты! Кончайте гулять и двери за собой не забудьте запереть. Как бы кто из наших-ваших гранату не бросил в подвал!

Ввинчиваемся ужами в наш спальный отсек. «Тепло и сыро». Мелкокалиберная лампочка от аккумулятора освещает не настолько, чтобы можно было читать, но в картишки переброситься — пожалуйста.

— Говорят, будто наш министр обороны тоже играет в дурака и всегда проигрывает.

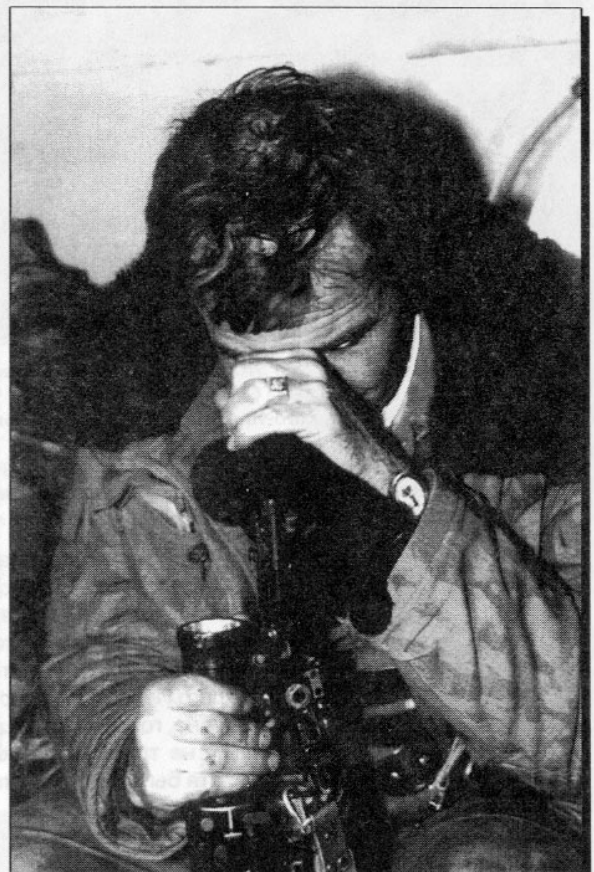
— Как и вы, Михалыч.

— ЦК большевиков, — Крупская пишет, — в 1905 году в Финляндии коротало время за картами.

— А Валерий Васильевич очень похож на дедушку Ленина.

Шустрые Исламбековичи карабкаются на Юла и на меня, лопочут по-чеченски, и никакого языкового барьера, кроме родительских подзатыльников. Наконец их укладывают спать. Исламбековна, слава Богу, поправилась. Детей подземелья, стариков и раненых пользуют самозванные доктора из журналистов, попавших, как и мы, между молотом (завод «Красный молот») и наковальней (реском, он же президентский дворец). Молодцы: добыли кое-какие медикаменты в разбитом госпитале и под огнем ходят из подвала в подвал, кого перевязают, кому дадут таблетку, кого просто утешат. Во главе их — Лена Петрова, «Дважды два», со стеариновой свечкой, девица-кавалерист. Как-то ее схватили фээскашники, но отпустили — ввиду отсутствия «белых колготок». Нашего соподвальника, раненного осколком в пах, она буквально выходила. Минуй ее шальная пуля и злой глаз.

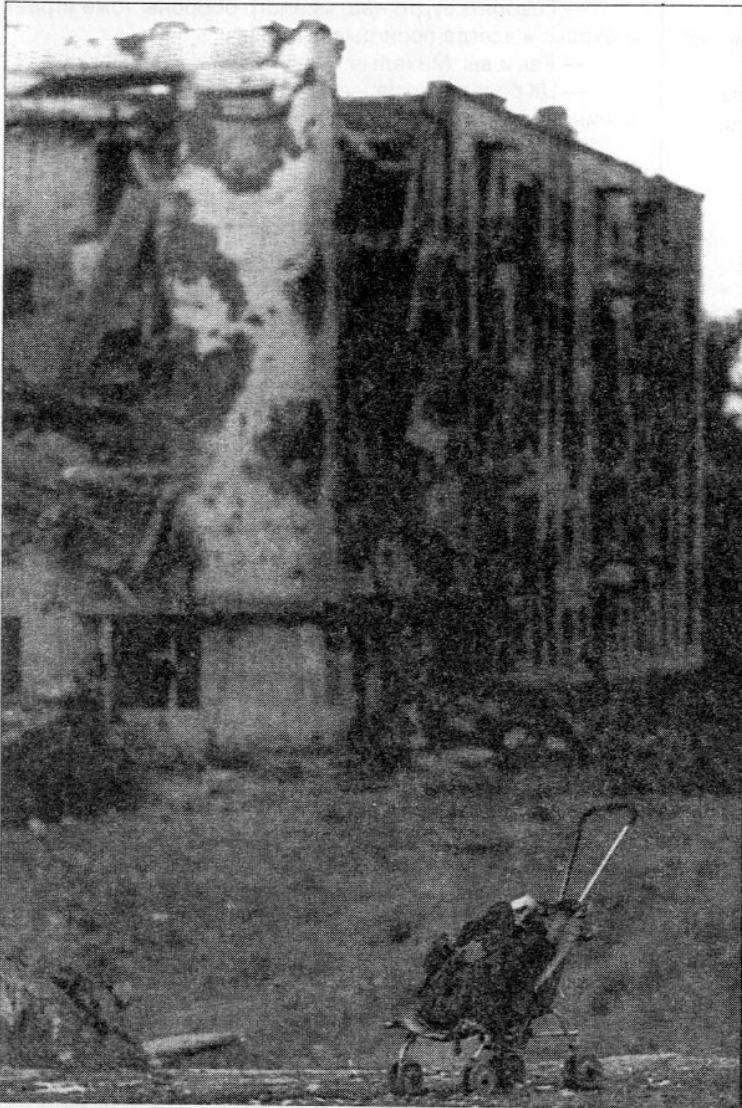
Укладываюсь. О семье лучше не думать. Перетасовываю, как карты, сильных мира сего. Этот надут как индюк, тот — гусь лапчатый с самоуважением на длинной

«Вертолет из Грозного в Моздок в октябре 1995 года. Федералы перевозили своего раненого.

...А этот офицер сидел напротив меня и все время в этой позе. В печали. Весь полет. Я его долго снимал. Но кто он — я не знаю.»

Владимир Веленгурин

"Сначала мне показалось, что это детская коляска. Но потом я увидел в ней пожитки для взрослых. С такими тележками по Чечне ходили беженцы. Эта тоже была кого-то из них. Но где сам человек, я не знал. Вокруг никого не было. Это Грозный".

Руслан Ямалов

шее. И предельная ситуация не избавляет от тщеславия. Тщеславие выделяется, как пот, растет, как дурной волос. Я это не от других, по себе знаю. Когда первый раз над головой прошелестела, уронив на нас проволочку, управляемая ракета, а команда «Ложись!» не успела дойти до моего сознания, я, глядя на упавшего Петровского, произнес (хорошо, что мысленно): «Стыдно, господин офицер». Петровский — добрый товарищ и не трус. А я не князь Андрей. Тем не менее желание хотя бы словесно попетушиться явно проявило себя. Впадаю в сон...

12 января 1995 года

— Вставайте, Михал Михалыч, к вам гонец от Сергея Адамыча!

Выбираемся друг через друга. В проходе со свечой Аркадий Желудков, корреспондент «Известий», уже писавший о нас.

— Знакомьтесь, это Усман.

Колблющееся пламя выхватывает из тьмы бронежилет, как панцирь, каску, задевающую потолок, лицо, нет — лик... Помните иллюстрации Врубеля к Лермонтову? Гонец, посланец, витязь.

— Я сталкер, — говорит Усман, — здесь, в Грозном, все ходы и выходы знаю. Вам я помогал воду тащить из подвала. А Осовцова раньше видел по телевизору. Смотрю: ходит туда-сюда, очень расстроенный. «Вы из группы Ковалева?» — спрашиваю. — «Да, а что?» — «Своих ищите?» — «Да что искать, — отвечает, — не попасть к ним, машину еще на мосту разбили». — «А я, — говорю ему, — приведу их сюда, за «Минутку», только машина из Назрани к вечеру чтоб была. Конечно, риск. Но ночью, с помощью Аллаха, приведу. Конечно, если они согласятся рискнуть».

— Рискнем?

— Рискнем!

— Тогда так. Сейчас четыре утра. Выходим через пять минут. Я иду первым, за мной по одному след в след. Что делаю я, то и вы. Не курить, по-русски не разговаривать, ногами не шаркать. Аркадий (на нем тоже бронежилет) замыкает. Вопросы есть?

Какие там еще вопросы! Прощаемся с семьей Исламбека. Женщины плачут, и не только женщины, благо темно. Уже во дворе обнимаюсь со стариком-евреем, стариком-коммунистом и стариком-научным работником.

— Храни вас Бог, — говорит старик-коммунист.

Выходим в арку, где воронка и выкорчеванное дерево. Улица Красных фронтовиков. Серые дома с черными провалами окон, битый кирпич под ногами, стекла, провода и ветки, срезанные осколками. Напряженная тишина рядом. Слева, справа, спереди и сзади — гул и треск. Спасительная мгла, колеблемая заревом и вспышками. Сталкер наш слегка прихрамывает, но движется бесшумно, как тень. Вдруг вспышка магния, нет — молния, но молния, которая может только присниться: замедленная молния. Усман присаживается на корточки и замирает. Мы тоже сидим под спящим светом. Ползут мимо тени раненых деревьев. Сердце стучит о ребра, хотя должно бы уйти в пятки. Ох, сейчас врежут! Как ни странно, не врезают. Наконец осветительная ракета скрывается за громадой здания. Вперед! Из легких с кашлем выходит воздух, задержанный с перепугу.

— Аллах акбар! — вполголоса произносит Усман.

— Аллах акбар! — отзывается подворотня. Ныряем в нее и идем проходными дворами. Дыра в стене. С трудом втискиваюсь, спасибо Аркадию — толкает сзади. Зачем-то я прихватил чемоданчик с грязным бельем, да и шуба на мне, спасавшая раньше от холода, теперь кажется непомерно жаркой, вижу, что наши исчезли в подьезде. За ними. Какой-то коридор. И тьма египетская. Куда сворачивать — налево или направо?

— Подождите, Михал Михалыч, — шепчет Желудков, — схожу посмотрю. Вытираю со лба. Жду.

— Сюда! Дайте руку.

Оказываемся в помещении с окнами. Усман, Валерий Васильевич и Юл ждут нас, прилепившись к стене.

— Улица простреливается. Бегом. Дистанция два-три шага.

Перебегаем и уже на той стороне, за каменной стеной, слышим: пах-пах-пах!

— Проснулся, соколиный глаз!

— А у них что, приборы ночного видения?

— Тихо! Аллах акбар!

И опять карабкаемся по битому кирпичу, один дом, другой.

— Стоп, — говорит Усман. — На той стороне гостиница «Кавказ», правее — видите? — реском.

Как не видеть — черный небоскреб в фейерверке трассирующих пуль.

— За мной!

Вторым бегу я, и, как мне кажется, след в след. Как вдруг... Выражение «провалиться мне на этом самом месте», знаете ли, очень точное. У меня опыт по этой части. Когда мы (еще Ковалев и вся компания) разговаривали с Александром Васильевичем, командиром десантников, в горячей пятиэтажке у вокзала, моя левая нога неожиданно ушла в пол. Ощущение не из приятных, но тогда я стоял, а тут на полном ходу правой ногой в канализационный люк. И крышка, перевернувшись, бьет по бедру. Натуральная мышеловка. Пытаюсь вытянуть ногу и встать. Подбежавший Валерий — откуда силы столько! — за шкуру дергает меня и вырывает, как пробку из бутылки. Вбегаем в гостиницу «Кавказ». Нога цела, хоть и ободрана. Байковые кальсоны помогли.

— Аллах акбар!

— Аллах акбар!

Хромаю за хромым сталкером по вестибюлю, усыпанному стеклом. Здесь должны были, по сведениям из «компетентных источников», квартировать афганские моджахеды. Их даже просили не покидать здание до налета «грачей». Налет был, но ни одна бомба не попала в заведомо пустой «Кавказ». Окрестным домам досталось, а тут только стекла на всех этажах вдребезги. За «Кавказом» какие-то сожженные строения, деревья поваленные, ларьки. Парламент.

— Передохнем, — говорит Усман. — Теперь, если перебежим мост, будем живы.

Вспышки разрывов у рескома, мертвый танк, мертвое пространство через реку.

Валерий Васильевич шевелит губами, наверное, молится. У Юла лихой вид: одно ухо у шапки вверх, другое вниз. Аркадий тяжело дышит — бронезилет под демисезонным пальто. Глаза Усмана сверкают антрацитом.

— Смотреть под ноги. По сторонам не смотреть. Тронулись!

Голова вобрана в плечи, во рту сухо, сердце колотится, а ноги работают как железные.

Пах! Над нами эта самая замедленная молния. Не останавливаемся. Тени с той стороны тянутся к нам, будто желая помочь. Провода, камни, куски металла, воронки — все отчетливо. Когда уже дыхание на исходе и даже на страх не остается сил, падаем на асфальт — и уже, как выясняется, по ту сторону мертвого пространства моста. Светящиеся пунктиры штрихуют наш след, разле-

таются брызгами, задев перила или мотки проводов. Спуск, обходим дворами какие-то солидные и безмолвные строения. Переулок, из-за угла внезапно вырастают силуэты танков.

— Сожженные. Не наступите на трупы. Примета плохая. Широкая улица. Чтобы не спотыкаться, идем по асфальту проезжей части. Позади — всполохи огня, впереди — наши тени, то вырастающие, то уползающие под ноги. Слева — церковь. Валерий Васильевич снимает шапку и крестится. Я тоже снимаю шапку. Совсем не как Вольтер. Вольтерьянство — преднамеренная выдумка, благоспитанный жест, демонстрация уважения к тому, что чтут другие. А я...

«Господи!» — сказал я по ошибке.

Сам того не думая сказать...

Божье имя, как большая птица,

Выпорхнуло из моей груди.

Впереди густой туман клубится,

И пустая клетка позади.

Сегодня бывшие богборцы вместе с Лужковым восстанавливают храм Христа Спасителя, а завтра, быть может, российские бомбы сровняют с землей эту грозненскую церквушку, давшую приют десяткам русскоязычных стариков и старух. В ней служат отцы Петр и Анатолий. Я помню отца Петра, стоявшего рядом с Валерием Васильевичем под пулеметным огнем. Ветки, сбитые пулями, падали им на головы. Потом у шестидесятивосьмилетнего священника начался нервный тик, да и Валерий Васильевич стал часто дергать плечом.

— Аллах акбар!

Своему поделщику, Николаю Солохину, я как-то подарил пародию на песню, популярную в годы нашего детства:

От Москвы до самой до Казани,

От Казани и до Колымы

Отбывают люди наказание,

Наказанье, Коля, — это мы.

Тяжела ты, шапка Мономаха,

«...Стену храма я снимал много раз. И просто так, и с детьми, и с женщинами. ...Это Игорь, кажется. Он из пермского ОМОНа или с Дальнего Востока. С ним я познакомился в комендатуре. Ночевал. Они меня возили с собой на зачистки...»

Анвар Галеев

Как желудок, голова пуста.
Нету Бога, окромя Аллаха,
Только жаль распятого Христа...

В стране, где десятилетиями воспитывалось бескультурье, даже пробуждение религиозных чувств несет на себе печать этнической обособленности и ксенофобии. Неужели это правило? Тем отраднее видеть исключения из него. Вот наш сталкер.

— Бог нам его послал, — скажет потом Валерий Васильевич.

— Не Бог, а Адамыч, — автоматически возражу я. На самом деле, что подвигло Усмана предложить свои услуги Осовцову и рисковать жизнью ради нашего спасения? Уж точно не корысть, не тщеславие. И не мы первые и не мы последние будем спасены им.

— Можете передохнуть и перекурить, — улыбается он. — «Вот вы и в Хопре». От ближайшего дома отделяются две тени.

— Аллах акбар!

— Аллах акбар!

Ополченцы с автоматами. Голова одного в бинтах. Обмен репликами по-чеченски. Имя Ковалева. Улыбаются, пожимают нам руки.

— Идите свободными!

Прекрасно пожелать встречному *доброе утро*, мне очень по душе наш еще не изжитый деревенский обычай говорить даже незнакомому «здравствуйте». И неужели *вайнахи* — чеченцы и ингуши, у которых приветствие означает пожелание свободы тебе, — не станут полноправными хозяевами в собственном доме?

Идем предместьями. Нога саднит, в боку покалывает. Чтобы взбодрить нас, Усман декламирует рубайи Омара Хайяма.

— Да, потрепанный вид у господ депутатов. Ужо опишу вас, — говорит Аркадий.

— Люмпен-депутаты.

По мере того как светлеет, обнаруживается наш более чем неприглядный вид. Жирный чеченский чернозем, а также копать превратили даже приличную дубленку Борцова в пятнистую униформу. О Юле и о себе умолчу.

— Бандформирование имени Ковалева.

Пересеченная местность, одноэтажные, часто заколоченные дома. Там и сям лежит снег. В центре мы его не видели. В центре слишком жарко. Сворачиваем с дороги, тропинка, довольно скользкая, узкий проход между выбеленными заборами. Тявкают собаки.

Усман стучит в дверь. В окне загорается свет. Снимаю ботинки. Для этого необходимо: а) согнуться; б) распустить шнурки. Пальцы как ватные. Наконец эта задача решена, и я попадаю... в рай. Тепло и сухо.

Мелькают какие-то лица. Возгласы. Я жму руку и представляюсь... Кому бы вы думали? Аркадию Желудкову, успевшему сбросить пальто, снять бронезилет и принятому мной за хозяина.

— Ну, Михал Михалыч, канализационный люк явно вскружил вам голову!

— Это Валерий Васильевич мне устроил такую встряску. Чуть из шубы не вытряхнул.

В комнате приемник. Говорит громко и внятно, подмигивает зеленым глазом. Ложусь возле него на ковер.

— Сначала чайку попейте!

Встаю по частям: на четвереньки, потом опираясь на стул. На кухню не иду — шестую.

Чай крепкий и сладкий. Хлеб — вкуснейший белый хлеб, которого мы не видели с Рождества. Чувствую, как

воскресает моя брэнная плоть. Тут как тут журналистка с микрофоном. Эксклюзивное интервью. Отвечаю на вопросы: да, в Грозном уже месяц; нет, в подвале рескома только три дня; да, уничтожение города — это преступление; да, мы и теперь выступаем за переговорный процесс... Говорю, а в голове вертится глупая присказка полувековой давности: «Ничтяк, оперимся», — сказал индюк, вылезая из супа». А приемник подпевает мне голосом Окуджавы: «...Мы перья белые свои почистим». Засыпаю с микрофоном у рта.

Стыдно сказать, какая радость переполняет каждую клеточку тела, когда просыпаешься в сухой и светлой комнате, опасность где-то далеко, еле слышно, как бухает и ахает, а газовая печка — вот она...

Нет, это не *Erfurcht vor dem Leben**, а голый эгоизм, едва прикрытый пухом тщеславия.

Постскриптум

Приехав в Москву, я почувствовал: у меня вырастают крылья. Митинг? Пожалуйста, выступаю на митинге. Пресс-конференция? Пожалуйста, говорю до тех пор, пока средства массовой информации не начинают сматывать удочки. Жена сунула мне под мышку градусник — выше тридцати девяти.

— Пневмония, — сказали врачи и отправили меня в Кремлевку.

Уколы, горчичники, банки, массаж — все, что положено больному с депутатскими привилегиями. В палате телефон, и в палате я один.

— А знаете ли, голубчик, что вице-премьер Егоров делит с вами лечебное пространство?

— Невермор***! — прокаркал я и выписался досрочно.

С инициаторами чеченской авантюры у меня не может быть точек соприкосновения.

Впервые опубликовано в книге "Рыцари без страха и упрека". — М.: Независимое изд-во ПИК, 1998.

В материале использованы фотографии из сборника "Фотообъекты с авторскими комментариями фотокорреспондентов, проводивших съемку во время военных действий в Чеченской Республике". — A.D.&T. :Люцерн - Рим - Москва, 1996.

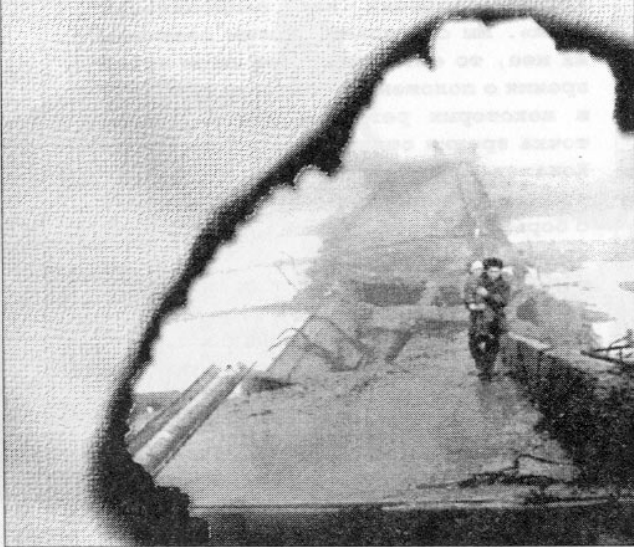

* *Erfurcht vor dem Leben* — страх за жизнь (нем.).

** Невермор — от англ. never more: никогда больше.

РОССИЯ - ЧЕЧНЯ: ЦЕПЬ ОШИБОК И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Россия-Чечня: цепь ошибок и преступлений / Об-во «Мемориал». — М.: Звенья, 1998. — 399 с.

Прошло два года после окончания самой кровавой из войн, происходивших на территории бывшего Советского Союза после его распада. И в России, и в Чечне (независимо от ее будущего статуса) обществу необходимо осмыслить трагический опыт Чеченской войны и сделать из него выводы. Иначе наши надежды на мир и благополучие останутся лишь призрачными мечтами.

Однако мы видим, как набирает силу другой процесс — создание мифов, вытеснение ими реальной памяти и реальных знаний. Так обычно происходит после любого значимого исторического события, и в этом таится большая опасность.

Именно в помощь трудной работе осмысления произошедшего авторы и предназначают данный сборник, который включил в себя тексты, очень разные по жанру, стилю и даже подходу к материалу исследования. В «Хронике событий» сделана попытка проследить основную их канву, включая предшествовавший войне период. Статья В. Когана-Ясного посвящена политическим аспектам предыстории конфликта. В третьем тексте — докладе Правозащитного Центра «Мемориал» — делается попытка оценить действия обеих сторон вооруженного конфликта с помощью универсальных критериев гуманитарного права и норм прав человека.

Следует отметить, что в Чечне во время войны работали представители многих российских и международных правозащитных организаций. Часть из них координировала свою работу в рамках постоянно действовавшей На-

блюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне (НМПО), организатором которой выступил Правозащитный Центр «Мемориал». В 1995-1997 гг. Наблюдательная миссия и Общество «Мемориал» подготовили и издали ряд докладов и материалов. Обычно они были посвящены либо отдельным аспектам происходящего (условиям содержания задержанных, положению пленных военнослужащих, практике захвата заложников, использованию гражданского населения в качестве «живого щита»), либо отдельным эпизодам войны. В представленном в этом сборнике докладе авторы попытались обобщить собранную Наблюдательной миссией информацию, привлекая для этого и уже опубликованные, и еще не публиковавшиеся материалы.

Сборник не претендует на полноту в описании событий. Более того, авторы понимают, что очень многого они не знают, очень важная информация остается, к сожалению, недоступной, о многом приходится судить лишь по внешним проявлениям, не имея даже возможности точно определить, откуда исходили те или иные приказы и распоряжения. Кроме того, за рамками этого сборника остались вопросы нарушения прав человека на территории Чечни в период 1991-1994 гг., а вместе с тем необеспеченность защиты этих прав, в том числе прав многочисленного русского населения, которая привела уже тогда к вынужденному исходу из Чечни десятков тысяч человек (об этом ПЦ «Мемориал» писал еще в 1991 г.).

Тем не менее в представленных материалах авторы стремились, по мере своих возможностей, к точности и четкости. Насколько это удалось — судить не нам.

Предлагаемый сборник не мог бы появиться без постоянного сотрудничества и помощи со стороны общественных организаций, журналистов, государственных структур и неправительственных фондов — всех их здесь просто не возможно перечислить.

Особую благодарность мы выражаем организациям солдатских матерей России, чеченскому обществу «Жертвы войны», чеченскому отделению общества «Мемориал», а также Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки. Мы выражаем признательность президенту Республики Ингушетия Р. С. Аушеву и вице-президенту Б. Н. Агалову, содействовавшим работе Наблюдательной миссии правозащитных общественных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне. Мы хотели бы поблагодарить всех депутатов Федерального Собрания РФ, поддержавших и принявших участие в работе Наблюдательной миссии. При подготовке этой книги широко использовались материалы, представленные Информационно-экспертной группой «Панорама» и мониторинговым агентством «WPS». Наконец, и работа Наблюдательной миссии в зоне конфликта, и работа над этой книгой были бы невозможны без поддержки Фонда Форда и Института «Открытое общество».

Правозащитный Центр "Мемориал"
103051, Россия, Москва,
Малый Каретный пер., 12
Телефон: (095) 200 65 06
E-mail: memhrc@glasnet.ru

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА?

Публикация в «Карте» концептуального материала Сергея Адамовича Ковалева о правах человека вызвала оживленную реакцию региональных правозащитников и активистов демократических организаций. Сегодня мы публикуем материал, присланный нам из Коми Республики. Не скроем, понятия, которыми оперируют авторы материала – коллективные права, право нации, – представляются нам более чем спорными. Но члены редакции решили обратиться к столичным и региональным правозащитникам с просьбой высказать свою точку зрения на этот счет. Главная тема этой публикации – право наций на самоопределение и коллективные права – не просто предмет для дискуссии. Тема эта становится для современной России все более актуальной (Татарстан), если не сказать «горячей» (Чечня). Редакция «Карты» надеется, что читатели не останутся безучастными к обсуждаемому вопросу.

Андрей Блинушов,
редактор журнала "Карта"

В журнале «Карта» № 21 нам очень понравилась статья Сергея Ковалева «Права человека как национальная идея». Мы с друзьями хотим ответить на нее, то есть высказать свою точку зрения о положении с правами человека в некоторых регионах России. Наша точка зрения отличается от мнения С. Ковалева в том, что мы, прежде всего, ассоциируем понятие «права человека» с борьбой народа за свои национальные права.

Нам кажется, московские правозащитники «проморгали», что в регионах появились и окрепли национальные движения, строящие свои идеологии на принципах прав человека, в основе которых, мы убеждены, лежит право наций на самоопределение.

Под национальными движениями мы имеем в виду прежде всего Карельское движение, Движение за равноправие и развитие в Саранске (Мордовия), Коми партия (Сыктывкар).

С уважением Надежда Митюшева
Сыктывкар, Коми Республика

Илья МИТЮШЕВ

Преподавание прав человека на КОМИ ЯЗЫКЕ

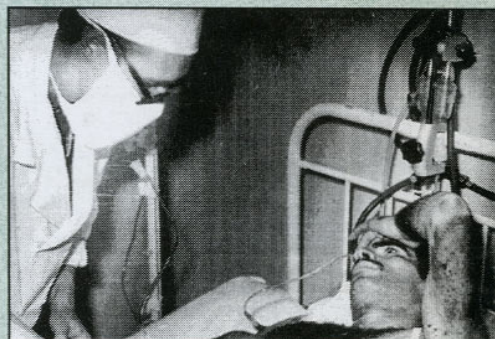
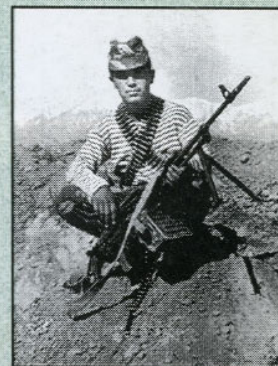
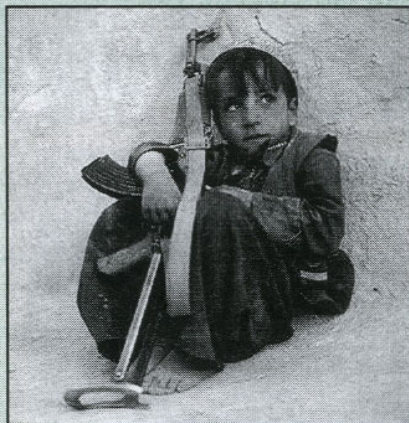
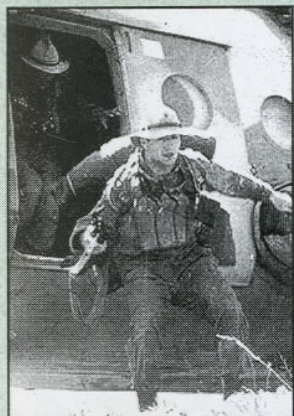
То, что когда-то имело место в советской школе под названиями «политинформация», «политчас», «уроки мира», а также «обществоведение» и «основы советского государства и права», представляло собой часть предметной области «права человека», приспособленной для нужд тоталитарной системы. Идеология советского государства в корне отличалась от концепции прав человека тем, что ставила на первое место интересы государства, а не личности.

То, что правозащитники и правозащитные организации раньше делали подпольно, теперь, в силу официального декларирования государством своей приверженнос-

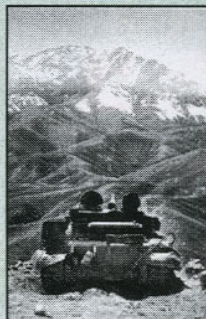
ти правам человека, разрешено распространять и на официальные учреждения, в том числе и на школы. Однако при составлении учебного курса для комиязычной национальной школы вопрос преподавания прав человека не рассматривается. Правозащитные организации коми народа, в частности, такая как «Доръям асьнымос» («Защитим себя»), указывают на это как на серьезнейший недостаток.

Одна из главных задач — гарантировать сохранение и развитие коренного народа — не может быть успешно решена, если в школьном курсе «История, искусство и культура коми народа» не будут рассматриваться вопросы прав человека, механизмы их реализации и способы защиты. Без этого школа не сможет воспитать в молодом поколении гражданственности. В настоящее время мы часто видим, как все происходящие положительные изменения снова преподносятся в виде «заботы государства», а не как завоевания самих граждан. Такое воспитание уводит ребенка от того, чтобы самому задуматься о своих и общественных проблемах, причащает его к мысли о том, что от него как от личности ничего не зависит. В конце концов, и национального гуманитарного образования, ограничивающегося пока только языком и литературой, —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Десять лет назад мы ушли из Афганистана

Афганский альбом

недостаточно. Это видно хотя бы из такой ситуации. В магазине человек, при разговоре с продавцом, невольно переходит на русский, ибо не имеет уверенности, что у него *есть право* говорить в этой ситуации (как и в большинстве других!) *на родном языке*. Его *не научили* этому! Можно и дальше продолжать недоумевать, в чем причина угасания коми языка, если мы не поймем, что именно такой «добровольный» переход на русский и означает объективное исчезновение из широкой сферы применения языка национального. Если школьники и студенты не обретут уверенности, что они знают язык и могут на нем говорить, надежды на сохранение и развитие коми народа останутся весьма мало.

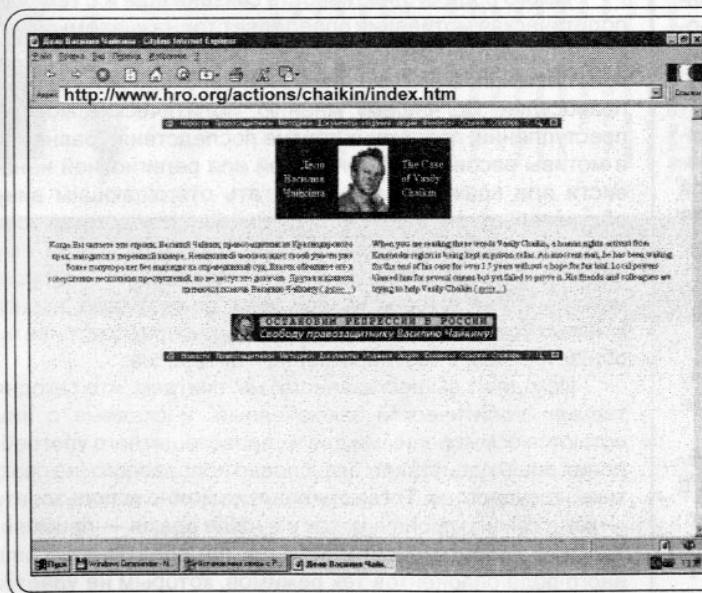
Что же должен включать в себя курс «Права человека» для коми школ? В странах, где существует реальная демократия, школьный предмет «Права человека» направлен на изучение принципов демократического устройства. В России общественно-политическая ситуация характеризуется как посттоталитаризм. Но в Коми она отличается тем, что помимо посттоталитаризма мы имеем еще и скрытую форму колониализма. Следовательно, курс «Права человека» в школе должен быть направлен на разрешение проблем, порожденных не только советским тоталитаризмом, но и советско-российским колониализмом. Последний пытается подмять под себя все прогрессивные и опасные для него идеи. Есть серьезные опасения, что основные понятия прав человека могут быть искажены в угоду колониальным идеям. Сегодня нам хотелось бы поговорить о том, без чего, на наш взгляд, нельзя обойтись, преподавая права человека в Коми.

Лидерами правозащитной организации «Доръям асьнымос» разработан план лекций и семинаров «Права человека», который уже был однажды апробирован (прочитан в педучилище N 1 Сыктывкара). Ситуация в республике описывается словами «сдерживание процесса самоопределения коми народа», что фактически означает «грубое массовое нарушение прав человека». Следовательно, защита прав человека именно коми народа является наиболее актуальной для республики и, стало быть, для курса, если мы хотим связать его с реальной жизнью. Значит, в курсе, безусловно дающем знания о всех правах человека, наиболее пристальное внимание должно быть

уделено исследованию влияния колониальной политики на жизнь народа коми и, разумеется, обучению практическим действиям по защите своих прав. В идеале концепция школьного курса «Права человека» не должна жертвовать ни индивидуальными, ни коллективными, ни национальными правами человека. Однако, исходя из сегодняшней жесткой ситуации в отношении прав коми народа *как народа*, приоритет должен отдаваться именно *правам народа*. Поэтому в курсе, подготовленном «Доръям асьнымос», правам народа коми отводится должное место. В четырех разделах составленного курса: «Все о правах человека», «Права человека и народы», «Права человека и коми народ (исторический и современный аспект)» и «Нарушения и защита прав человека» — везде предусмотрены отдельные лекции, связанные с правами народов, такие как: «Индивидуальные и групповые права человека», «Права и свободы народов в современных источниках международного права», «Из истории национального движения Венгрии, Финляндии и Эстонии за независимое государство», «Современное правозащитное движение финно-угорских народов», «Право на существование коми народа — основополагающее право», «Выработка программы сохранения коми народа как части мировой цивилизации», «Правозащитные организации в России и Коми».

Теперь хотелось бы перейти к прикладным проблемам, связанным с преподаванием, и сказать, что уже делается правозащитниками в этом направлении. Во-первых, хочу поздравить и себя, и весь коми народ с выходом в свет на коми языке Всеобщей декларации прав человека. Это весьма знаменательное событие, результаты которого дадут знать о себе в будущем. Говоря о другой литературе по предмету и различных пособиях, адаптированных к нашим условиям (в том числе и на языке коми), нужно сказать, что таковые пока фактически отсутствуют. Кое-что все же можно почерпнуть из неформальной правозащитной газеты «Доръям асьнымос», которая, к сожалению, из-за финансовых трудностей не выходит уже в течение полугода. Но, благодаря усилиям комиссии по языку все той же «Доръям асьнымос», мы имеем теперь еще и Декларацию прав человека в изложении для детей. В настоящее время готовится (находится в стадии редактирования) пособие по правам человека для учителей.

Сыктывкар

Когда Вы читаете эти строки, Василий Чайкин, правозащитник из Краснодарского края, находится в тюремной камере. Невинный человек ждет своей участи уже более полутора лет без надежды на справедливый суд. Власти обвиняют его в совершении нескольких преступлений, но не могут это доказать. Российские и зарубежные правозащитники пытаются помочь Василию Чайкину.

Подробно о деле Чайкина читайте на сайте "Human Rights Online":

<http://www.hro.org/actions/chaikin/index.htm>

Валентин ГЕФТЕР

УЗНИКИ СОВЕСТИ, ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ ИЛИ...?

В некоторых странах бывшего СССР все еще задают «вечным» вопросом: «Есть ли у нас политзаключенные?» Под этим словом в общественном сознании чаще всего подразумеваются незаконно и/или несправедливо осужденные люди, которые вообще невиновны, а если даже и преступили закон, то сделали это осознанно, исходя из благородных, по собственному и их сторонников мнению, политических целей.

Почему человек, называемый «политзаключенным», уже в силу этого вызывает у многих особое сочувствие — не надо объяснять знающим историю царской России и Советского Союза. Однако со временем понятия «справедливость», «борьба за благородное дело» и связанные с ними политические мотивы разнообразных действий, направленных против государства, его институтов и их отдельных представителей, стали восприниматься все более неоднозначно.

Наверно, и по этой причине в 1961 г. основателем организации «Международная Амнистия» Питером Бененсоном правозащитному сообществу был предложен термин «узники совести». Под ним стали понимать тех, кто преследуется в уголовном порядке или лишен свободы без суда и следствия только за публичное выражение своих взглядов и убеждений, не содержащих призыва к насилию. Естественно, что во всем мире требуют немедленного освобождения таких людей и безусловного прекращения какого бы то ни было их преследования.

Позднее той же организацией понятие «узник совести» было конкретизировано и расширено, так что теперь оно стало чуть ли не каноническим: «Узниками совести можно считать тех, кого преследуют по самым разным причинам, независимо от того, находились ли они в невооруженном противостоянии правящему режиму или работали в легитимных рамках политической системы данной страны, отстаивали свои неотъемлемые права и гражданские свободы или стали жертвами ничем не спровоцированного преследования со стороны властей, — в любом случае, если их держат под следствием или в заключении».

Наряду с этим, издавна использующийся термин «политзаключенный» так и не получил общепризнанного определения, не говоря уж об отсутствии его юридической дефиниции. Возможно, не только из-за того, что он часто применяется в политических целях, но и потому, что до сих пор нет единого мнения о том, как его истолковывать и для чего использовать. Вследствие этого нет также и общепринятых ответов на более частные вопросы:

— нужен ли политзаключенным особый статус?

— являются ли заявленные политические мотивы совершенного преступления достаточным основанием, чтобы считать уголовное дело политическим?

— как определить политическую заданность в действиях властей, основанием которых стали обвинения в адрес лиц, реально совершивших правонарушения?

— следует ли считать политические мотивы преступления смягчающим обстоятельством, или они лишь усугубляют вину?

Несмотря на трудности такого рода, «Международная Амнистия» все же дает определение термина «политзаключенный»: «любой заключенный, дело которого содержит значительный политический, понимаемый в широком смысле слова, элемент: либо мотивы действий заключенного, либо сами эти действия, либо мотивация властей».

Из приведенного определения следует, что к данной категории преследуемых можно отнести как «узников совести», так и тех, «кто прибегает к преступному насилию по политическим мотивам». Мы считаем, что объединение обеих этих групп в одном понятии, давно и определенным (в том числе и эмоционально окрашенным) образом «задействованном» в общественном сознании, приводит к нечеткости его применения на практике.

Для того, чтобы не использовать рассматриваемый термин в безгранично широком контексте всего относящегося к политике, есть несколько причин.

Далеко не во всех случаях подследственными и заключенными, а тем более, властями прокламируется или признается политическая мотивация своих действий. К тому же, далеко не всегда заявленные политические мотивы действий обвиняемых на самом деле имели место до совершения вменяемого им правонарушения. Поэтому недостаточно просто указать на хотя бы один из трех приводимых в определении «Международной Амнистии» мотивационных факторов, которые считаются необходимой «приметой» для предположения о существовании политической подоплеки данного дела. Уже только по этой причине использование термина «политзаключенный» носит далеко не безусловный характер и во многом зависит от позиции, с которой выносятся суждения о характере дела.

Такого рода субъективность связана еще и с тем, что политическая мотивация определяет так называемый «интеллектуальный» или «волевой» момент совершенного преступления, а его учет является необходимой задачей правосудия. По нашему мнению, политические мотивы преступлений, повлекших тяжкие последствия, «равно как и мотивы расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды», можно считать отягчающим вину обстоятельством. Конечно, суд не может заведомо во всех случаях применять такой подход. Но почти всегда ему предстоит решать вопрос об ответственности подсудимых, действия которых исходили из «ложно» либо «верно» понятий (смотря с какой точки зрения их рассматривать) общественных и государственных интересов.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что сегодня термин «политический заключенный» и сходные с ним остаются осмысленными для их правозащитного употребления лишь к действиям безусловно неправового (на практике!) государства. Тогда эти понятия можно использовать — как в связи с прошлым, так и в наше время — применительно к репрессивным мерам против политических или иного рода оппонентов тех режимов, которым не удастся

скрыть поспраивание ими международно признанных норм права и гуманитарных стандартов. В таких случаях принято говорить о наличии в государстве политических репрессий – независимо от того, связана ли с преследованием общественная активность пострадавших или ее вообще не было. Но и здесь, если ситуация не характеризуется преследованием только тех, кого называют узниками совести, мы сталкиваемся с массой “смешанных” случаев, когда возможны реальные правонарушения со стороны обвиняемых.

Таким образом, сегодня в рамках правового подхода приложение определения “политический” к понятиям “заключенный” и “уголовное преследование” оказывается малопродуктивным, даже если каждый раз делать специальные оговорки. Иногда предпринимаются попытки предложить несколько иную терминологию. Например, в практике Международного Красного Креста встречается определение “арестованные по соображениям безопасности”, которое может оказаться более удачным для обозначения некоторых категорий заключенных. И все-таки подобные изменения терминологии или обобщения неюридического характера вряд ли способны спасти ситуацию.

Чуть ли не единственным последовательным выходом здесь может быть отделение внеправовых понятий “политического” характера от тех, что используются в правовом поле и относятся к уголовному законодательству, субъектам права, стадиям процесса.

Тогда в отдельную, хотя, возможно, также не абсолютно строго определяемую категорию выделяются те, кого преследуют по заведомо неправовым основаниям, как бы этих людей не называли – узниками совести, арестованными по соображениям безопасности, жертвами политических репрессий или политзаключенными (в узко традиционном смысле слова).

К ним относятся: 1) преследования и притеснения дискриминационного и насильственного характера, которые лежат вне собственно правовой сферы и обычно описываются как произвол или террор; 2) привлечение к ответственности на основании законов и иных нормативных актов в области уголовного и административного права, явно противоречащих международно признанным стандартам. (Заметим: в данном контексте в эту категорию включены только те из не совершивших ничего противозаконного, чьи преследования определяются общественно-политической мотивацией.)

Все другие случаи неправомερных (в целом или хотя бы частично) преследований, относящиеся к совершенным правонарушениям, которые инкриминируются в рамках действующего законодательства, могут отличаться друг от друга мотивами действий обеих сторон правового конфликта, а также характером и степенью возможных нарушений законности и прав человека. Если эти нарушения либо подозрения об их существовании имеют место, в том числе и в случаях вооруженного или политического противостояния, то можно ввести обобщающий термин “объект/жертва преследования, осуществляемого с нарушениями законности и прав личности”.

Такое понятие, видимо, должно включать в себя все виды преследования, для которого характерны любые из следующих основных особенностей: 1) не адекватное содеянному применение действующего законодательства; 2) фальсификация обвинений, их отдельных эпизодов или доказательной базы; 3) иные формы нарушения правовых и процессуальных норм, в т.ч. их крайнее проявление – пытки, физические истязания и угрозы их применения.

В силу всех этих аргументов мы будем избегать, по мере возможности, употребления прилагательного “политический” применительно к уголовным делам, проходившим по ним обвиняемым и заключенным, чтобы исключить ту субъективность, которая вносится в понимание этого термина. Там, где нам этого не удастся сделать, это понятие будет заменять более точную, но излишне многословную характеристику уголовного преследования участников внутренних конфликтов или любого иного противостояния граждан, в основе которых были политическими “либо мотивы действий заключенного, либо сами эти действия, либо мотивация властей”.

Но какой бы термин нами не использовался, очевидно, что при предположениях о наличии политических (в широком смысле слова) мотивов необходимо особо пристальное внимание ко всем аспектам предшествовавшей деятельности обвиняемого и реакции на нее властей. В правозащитной практике окончательное суждение об общественной значимости данного дела и, тем более, об отнесении его к категории “узников совести” или других заведомо неправовых преследований должно выноситься на основе анализа конкретных нарушений законности и прав человека в контексте действий жертв преследования, достоверности полученной информации, а также при соотнесении с общественно-политической и правовой ситуацией в целом.

Подчеркнем еще раз, что такое обособление не связано с “привилегированным” выделением данного рода уголовных преследований за совершение реальных или надуманных правонарушений по сравнению с преступлениями по “обычным” корыстным или бытовым мотивам. Причин такого обособления может быть несколько.

Одна из них состоит в том, что с преследованиями по политическим мотивам связана повышенная вероятность нарушений прав человека и несоблюдения законности. Помимо того, на таких преследованиях часто акцентируется внимание общества и государства, а потому защита прав их жертв становится актуальной и для решения правозащитных задач в подавляющем большинстве иных случаев, и в системе в целом. Добиваясь открытого и объективного рассмотрения т.н. “политических” дел, мы считаем, что наши усилия приведут к созданию гарантий справедливого разбирательства и в остальных случаях.

Условность такого разделения видна из анализа проблемы смертной казни как высшей меры наказания: большинство правозащитников требует ее отмены или неприменения ко всем приговоренным к ней без всякого исключения.

Кроме того, в связи с обсуждаемой категорией заключенных часто ставится вопрос об особых условиях применения к ним амнистии и помилования. Ведь в дальнейшем соблюдение закона теми, кого принято считать “политзаключенными”, зависит от изменения общественной ситуации не в меньшей мере, чем от продолжительности сроков лишения их свободы. Не случайно первым шагом демократических реформ в большинстве стран становится освобождение политзаключенных прежнего, чаще всего тоталитарного, режима. В этих случаях амнистия или помилование, рассматриваемые одной стороной как акт восстановления справедливости, а другой как акт милосердия, призваны свести гражданский конфликт на нет или хотя бы перевести его в рамки нормальной политической борьбы.

Москва,

Правозащитный Центр “Мемориал”.

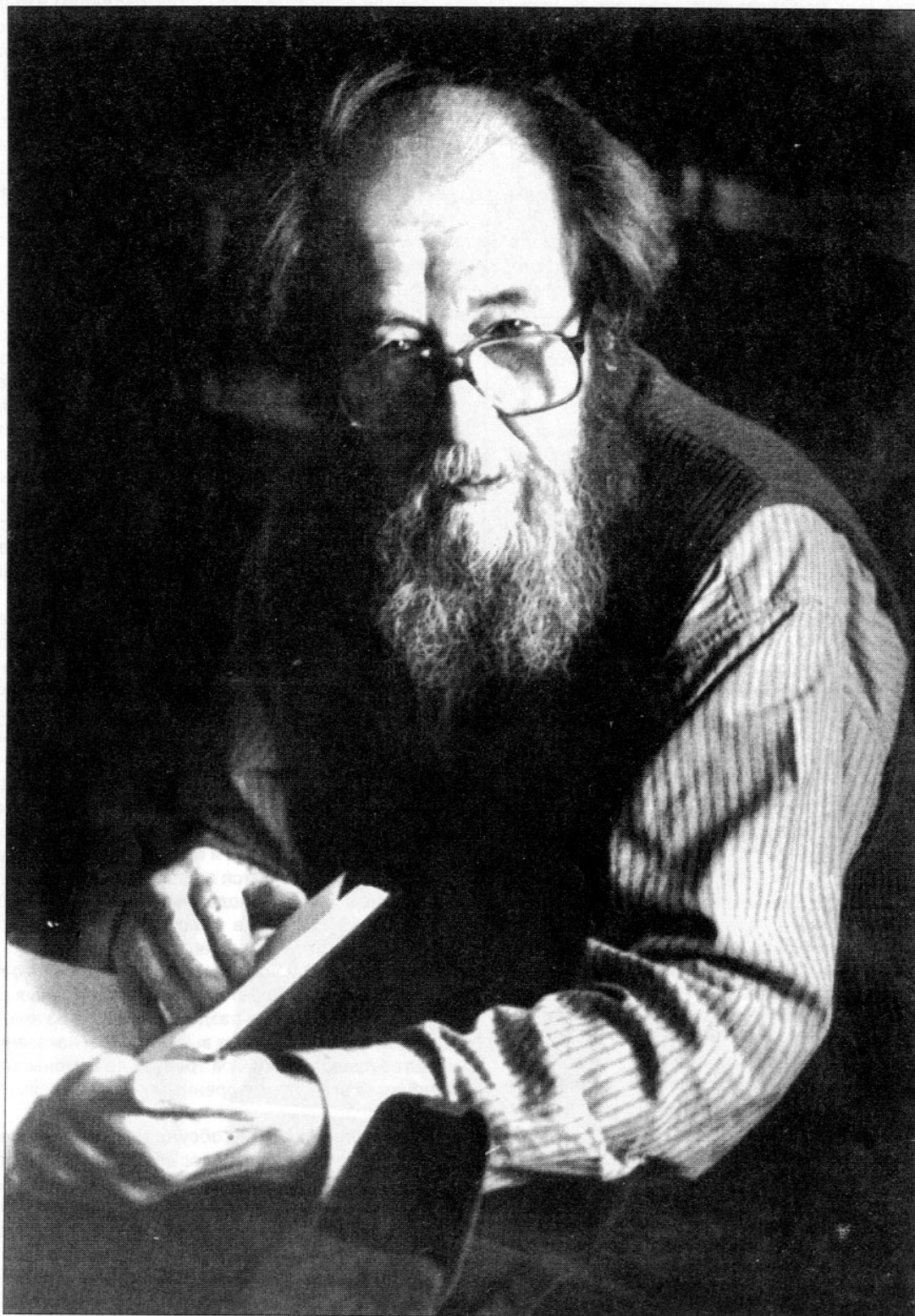

Фото: Е. КАШИРИН фотоклуб "Ока", Рязань

«Спрашивают: «Откуда вы черпали жизненные силы, какая вера вела вас по жизни?» Я верил в то, что я служу России. И: что я делаю — поможет русской истории. И это давало мне постоянный заряд. Еще и — любовь к литературе. Это давало мне пружину, постоянную пружину, которая меня двигала. Мне не нужно было никогда, я не помню случая за все годы моей жизни... чтобы я себя принуждал к работе, которую делаю. Мне принуждения не надо, и я не нуждаюсь в отдыхе. Просто всегда работаю, постоянно. Я думаю, что в этом и сила».

У дома в Солотче. Здесь А.И. Солженицын писал, а позднее — прятал главы рукописи "Архипелаг ГУЛАГ"

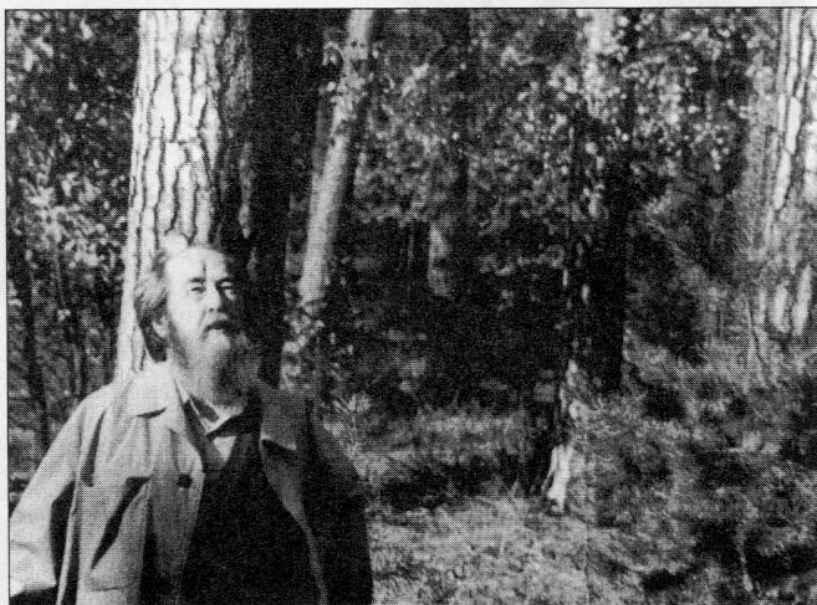
Фото: А. ПАВЛУШИН Фотоклуб "Ока", Рязань

В селе Пощупово, Рязанская обл. 1994 г.

Фото: А. ПАВЛУШИН

«Сейчас меня спрашивают: определитесь по отношению к нынешним событиям. Да я давно определился. Я вижу, что происходит в России, — в России происходит очередная большая беда. Я приехал сюда и убедился — все точно-точно, один к одному, все, что я видел из Америки, настойчиво три года следя и собирая все материалы. Везде звучало — и в этом зале тоже — «нет, у нас была свобода, мы ее потеряли 3-4 октября». Простите, пожалуйста, — раньше. Мы свободу могли потерять или приобрести в августе 91-го. И тогда-то мы ее и упустили...»

Пос. Солотча под Рязанью. 1994 г.

Фото: А. ПАВЛУШИН

«Спрашивают — кому будет принадлежать XXI век? XXI век не надо рисовать благополучным. Когда кончался XIX, начинался XX — все думали: XX век будет век великого расцвета. Вы видите, какой он был, XX, — волчий век. XXI — может оказаться не слаще. На Западе изобилие, да, все великолепно, все достигнуто. Запад процветает — да, материально. Но души, души людей опустошаются и изнеживаются. А XXI век — будет век страшного конфликта между так называемым Третьим Миром, большинством человечества, и так называемой белой расой. Будут тяжелые события. Это всех коснется, и если мы не достигнем роста души, без крепости и чистоты души — мы все, человечество, погибнем. И здесь, у нас, я возвращаюсь к тому, с чего началась сегодня беседа: что без духовного целения ран — невозможно и экономическое выздоровление, ибо без духовного очищения мы будем просто волки, волки, перегрызающие друг другу горло...»

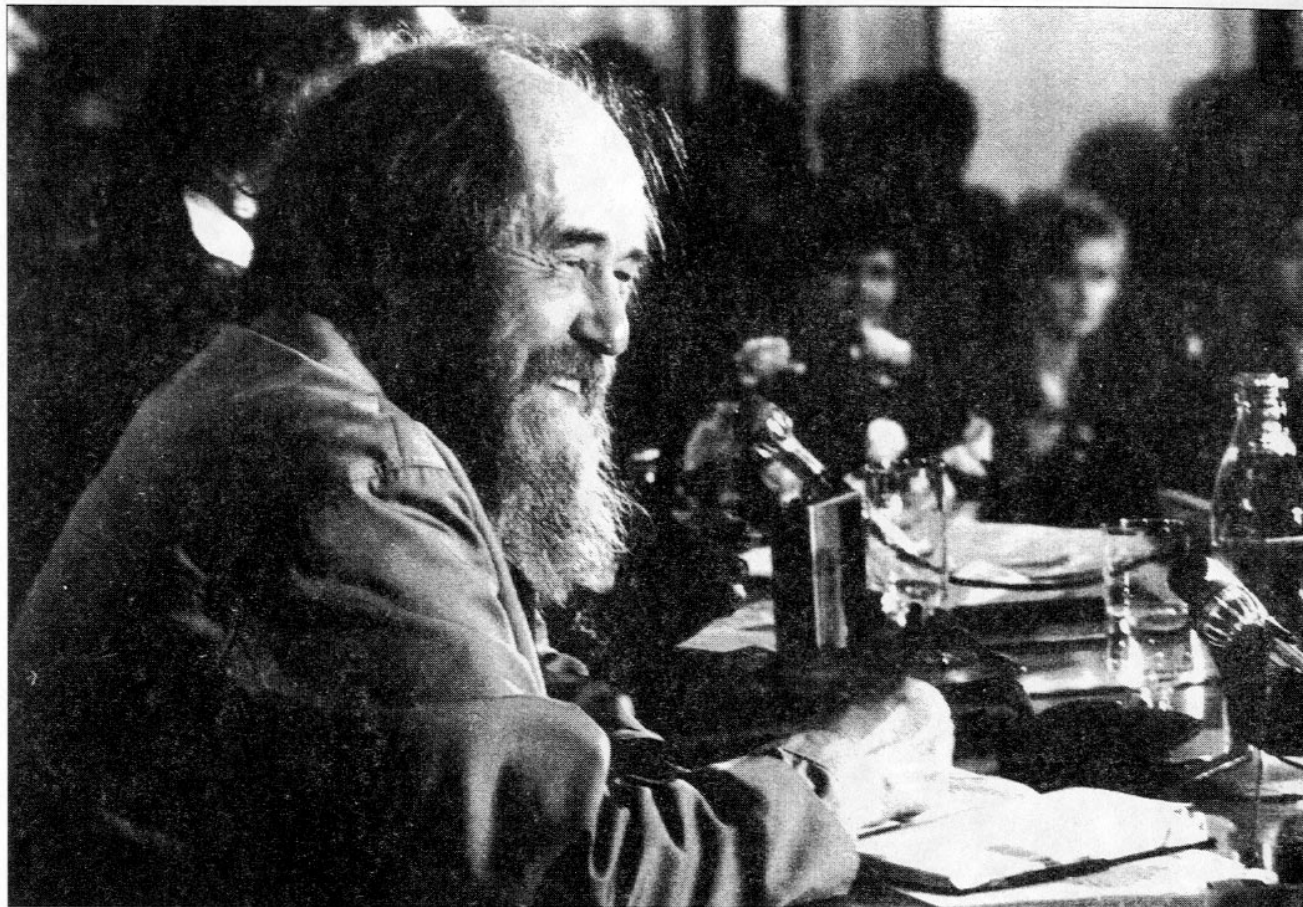

Фото: А. ПАВЛУШИН

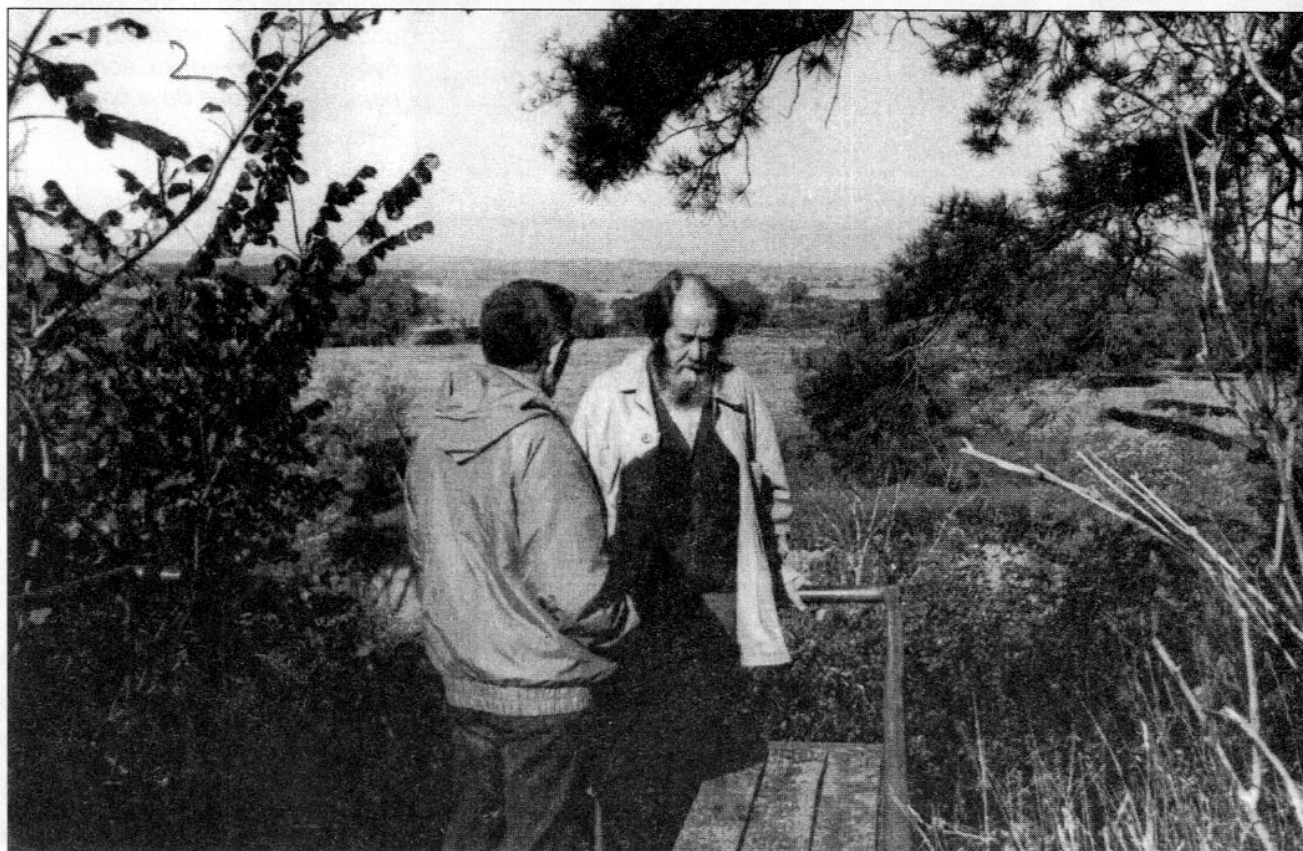
Рязань. Встреча в Государственном педагогическом университете.

Фото: А. ПАВЛУШИН

В селе Пощупово, Рязанская обл. 1994 г.

— Здравствуйте.
 — Здравствуйте.
 — Вам не тесно?
 — Да нет, ничего.
 — Давно сидите?
 — Порядочно.
 — Осталось меньше?
 — Да почти столько же.
 — А смотрите — деревни какие нищие: солома, избы косые.
 — Наследие царского режима.
 — Ну да и советских лет уже тридцать.
 — Исторически ничтожный срок.
 — Беда что колхозники голодают.
 — А вы заглядывали во **все** чугушки?
 — Но спросите любого колхозника в нашем купе.
 — Все посаженные в тюрьму — озлоблены и необъективны.
 — Но я сам видел колхозы...
 — Значит, нехарактерные.
 ...
 — Но спросите вы старых людей: при царе они были сыты, одеты, и праздников сколько!
 — Не буду и спрашивать. Субъективное свойство человеческой памяти: хвалить все прошедшее. ... А праздники наш народ не любит, он любит трудиться.
 — А почему во многих городах с хлебом плохо?
 — Когда?
 — Да и перед самой войной...
 — Неправда! Перед войной как раз все наладилось.
 — Слушайте, по всем волжским городам тогда стояли тысячные очереди...
 — Какой-нибудь местный незавоз. А скорей всего вам изменяет память.
 — Да и сейчас не хватает!
 — Бабы сплетни. У нас 7-8 миллиардов пудов зерна.
 — А зерно — перепревшее.
 — Напротив, успехи селекции.
 — Но во многих магазинах прилавки пустые.
 — Неповоротливость на местах.
 — Да и цены высоки. Рабочий во многом себе отказывает.
 — Наши цены научно обоснованы, как нигде.
 — Значит, зарплата низка.
 — И зарплата научно обоснована.
 — Значит, так обоснована, что рабочий большую часть времени работает на государство бесплатно.
 — Вы не разбираетесь в политэкономии. Кто вы по специальности?
 — Инженер.
 — А я именно экономист. Не спорьте. У нас прибавочная стоимость невозможна даже.
 — Но почему раньше отец семейства мог кормить семью один, а теперь должны работать двое-трое?
 — Потому что раньше была безработица, жена не могла устроиться. И семья голодала. Кроме того работа жены важна для ее равенства.
 — Какого ж к черту равенства? А на ком все домашние заботы?
 — Должен муж помогать.
 — А вот вы — помогли жене?
 — Я не женат.
 — Значит, раньше каждый работал днем, а теперь оба ещё должны работать и вечером. У женщины не остаётся времени на главное: на воспитание детей.

— Совершенно достаточно. Главное их воспитание — это детский сад, школа, комсомол.
 — Ну, и как они воспитывают? Растут хулиганы, воришки. Девчонки — распущенные.
 — Ничего подобного. Наша молодежь высокоидейна.
 — Это — по газетам. Но наши газеты лгут!
 — Они гораздо честнее буржуазных. Почитали бы вы буржуазные.
 — Дайте почитать!
 — Это совершенно излишне.
 — И все-таки наши газеты лгут!
 — Они открыто связаны с пролетариатом.
 — В результате такого воспитания растет преступность.
 — Наоборот падает. Дайте статистику!
 Это — их любимый козырь: дайте им статистику! — в стране, где засекречено даже количество овечьих хвостов. Но — дождутся они: еще дадим мы им и статистику.
 — А почему еще растет преступность: законы наши сами рожают преступления. Они свирепы и нелепы.
 — Наоборот, прекрасные законы. Лучшие в истории человечества.
 — Особенно 58-я статья.
 — Без нее наше молодое государство не устояло бы.
 — Но оно уже не такое молодое.
 — Исторически очень молодое.
 — Но оглянитесь, сколько людей сидит!
 — Они получили по заслугам.
 — А вы?
 — Меня посадили ошибочно. Разберутся — выпустят.

(Эту лазейку они все себе оставляют.)
 — Ошибочно? Каковы ж тогда ваши законы?
 — Законы прекрасны, печальны отступления от них.
 — Везде — блат, взятки, коррупция.
 — Надо усилить коммунистическое воспитание. И так далее. Он невозмутим...
 О таких людях говорят: все кузни исходил, а некован воротился.

...
 Спорить с ним бесполезно. Гораздо интересней сыграть с ним... нет, не в шахматы, «в товарищей». Есть такая игра. Это очень просто. Пару раз ему поддакните. Скажите ему что-нибудь из его же набора слов. Ему станет приятно. Ведь он привык, что все вокруг — враги, он устал огрызаться и совсем не любит рассказывать, потому что все рассказы будут тут же обращены против него. А приняв вас за своего, он вполне по-человечески откроется вам ...

Или расскажет что-нибудь интересное: в Комакадемии наметили они *съесть* одного товарища, чувствовали, что он какой-то не настоящий, *не наш*, но никак не удавалось: в статьях его не было ошибок, и биография чистая. И вдруг, разбирая архивы, о находка! — наткнулись на старую брошюрку этого товарища, которую держал в руках сам Ильич и на полях оставил своим почерком пометку: «как экономист — говно». «Ну, вы сами понимаете, — доверительно улыбается наш собеседник, — зато после этого нам ничего не стоило расправиться с путаником и самозванцем. Выгнали и лишили ученого звания».

Вагоны стучат. Уже все спят, кто лежа, кто сидя. Иногда по коридору пройдет конвойный солдат, зевая.

Пропадает никем не записанный еще один эпизод из ленинской биографии...

**А. СОЛЖЕНИЦЫН "Архипелаг ГУЛАГ".
 Фрагмент 4.3 гл. "Благонамеренные".**

Николай МОРОЗОВ

К вопросу о национальном составе сталинских лагерей

Журнал «Kardas» (Vilnius, 1997, N 3-4) опубликовал таблицу «GULAGo lageriu kaliniu tautine sudetis 1942-1947 m.m.». Автор статистических данных не указан. Поскольку я давно занимаюсь проблематикой ГУЛАГа, то заинтересовался этой публикацией. Просмотрел литературу. Долго искать не пришлось. Таблица перепечатана с сокращениями из статьи русского историка В. Н. Земскова «ГУЛАГ: историко-социологический аспект». ¹

Автор приводит национальный состав заключенных лагерей за 1942-1947 годы. Редакция журнала «Kardas» опустила в своей перепечатке 1943 и 1946 годы. Почему? Видимо, потому, что Земсков указывает неполные сведения о национальном составе. Например, за 1946 год нет данных о национальности 145974 заключенных, на 1.01.1947 года нет аналогичных данных о 22398 заключенных. Кроме того, отсутствие сведений за 1948-1953 годы вообще значительно усложняет ответ на вопрос о национальном составе заключенных ГУЛАГа. Если официальная статистика отсутствует, ее должны восполнить региональные архивные исследования историков и краеведов. А в этом случае потребуются долгие годы, чтобы восстановить подлинную картину.

Но людям не терпится поскорее узнать то, что раньше было большим секретом большой тоталитарной системы. Это нетерпение может сыграть злую шутку, потому что вместо одного мифа (что никаких массовых репрессий не было) может появиться другой — да, репрессии были, но не такие масштабные, как утверждает А. И. Солженицын. Поэтому и нельзя говорить о геноциде, никакого геноцида не было. Ну что такое 1,5 миллиона заключенных для страны с населением 150-200 миллионов человек? И что такое 10-15 тысяч для Литвы с населением 3 миллиона человек? Пустяки... И вот уже журнал печатает неполные и неточные данные, не предупреждая об этом читателей, не указывает автора публикации. К сожалению, этим могут воспользоваться как примером аутентичной публикации в литовском издании, хотя сведения «импортные».

Думаю, что и сведения г-на Земскова, основанные на статистике ГУЛАГа, неполные и неточные, явно преуменьшены. По его сведениям, на 1.01.1942 года в лагерях ГУЛАГа находилось 3074 литовца. Но Главное управление лагерей НКВД СССР контролировало также и места «трудовых поселений». Значит, надо анализировать и количество высланных из Литвы на спецпоселение.

Обратимся к статистике. Известно по советским источникам, что с 1.01.1941г. по 22.05.1941г. из Литвы выселили 39395 человек.² Известно также, что в июле 1941 года в Коми АССР были доставлены эшелонами из Литвы 1549 человек, а всего прибыло 3106 человек, т.е. литовцы составили 49,87% депортантов.³ Следовательно, в 1941 году в сталинском ГУЛАГе оказалось не 3074 литовца, а около 20000!

На 1.01.1943 г. в лагерях насчитывалось 3128 литовцев, на 1.01.1944 г. — 2048. Комментарий: это увеличение численности заключенных-литовцев трудно объяснимо,

ведь с 22 июня 1941 года людоедский сталинский режим потерял Литву. А вот уменьшение литовского «ручейка» более чем на 1000 человек за 1943 год более чем объяснимо — люди умирали от непосильного труда, голода и болезней. На 1.01.1945 г. — 1805 литовцев были в лагерях. Комментарий: еще 243 литовца умерли. В годы войны никого не освобождали — до «полной победы».

На 1.01.1946 г. в лагерях ГУЛАГа насчитывался 11361 литовец. Комментарий: пошел поток резистентов. В соответствии с приказом Берии от 12 октября 1944 г. — об усилении борьбы с литовским сопротивлением, — на 15.03.1945 г. были захвачены 10923 «литовских бандита» (фактически все немедленно отправлялись в лагерь); арестованы 31674 человека (11412 националистов, 655 агентов, 101 парашютист); выявлено 33670 дезертиров и уклонистов от службы в Красной Армии; 9371 «бандит» явился с повинной.⁴ Комментарий: таким образом, по советским данным, более 50000 литовцев активно или пассивно участвуют в национальном сопротивлении летом 1944-го весной 1945-го годов. Осуждены к заключению в лагерь — 10000 человек (20%). Парадокс — Советская власть была более снисходительна к настоящим врагам, чем к невинным жертвам произвола. Пример тому в послевоенный период только один — Русская освободительная армия генерала Власова.

На основании распоряжения НКВД СССР N 323 от 16.06.1945 г. в Коми АССР, Молотовскую и Свердловскую области были депортированы 6320 литовских резистентов.⁵ С 1.07.1945 по 1.09.1945 в Литве русские убили 3337 резистентов, захватили — 4388, арестовали — 7099. Явилось с повинной нелегалов, выявлено дезертиров и уклонистов от службы в Красной Армии — 31368 человек.⁶

На 1.01.1947г. в лагерях ГУЛАГа содержалось 15328 литовцев. Комментарий: 46192 человека участвуют в национально-освободительной борьбе. 3967 человек попали в лагерь (8,6%). Сопротивление литовского народа нарастает, а поток в ГУЛАГ ослабевает? Кто в это поверит? По нашим подсчетам, только в лагерях Коми АССР в конце 1946 года было не менее 15000 литовцев.

Известно постановление СМ СССР N 417-160 от 21.02.1948 г. о депортациях из Литвы, Латвии и Эстонии. По инструкции МГБ N 00118 от 16.03.1948 г. во исполнение этого постановления депортировались, в основном, члены семей резистентов и зажиточные крестьяне. Депортация шла в Красноярский край, Иркутскую область, Бурятия-Монголию и Якутию. В ходе операции «Весна» намечалось депортировать 48000 человек (12134 семьи). 22.05.1948 года депортировали 11345 человек: членов семей и друзей повстанцев. Среди них: 16499 женщин, 12370 мужчин, 10897 детей до 15 лет.⁷

Еще одна депортация — по постановлению Совета Министров СССР № 390-138сс от 29.01.1949г. — из Литвы, тех же категорий: 29180 человек. С учетом высланных в 41-45 годах, всего было депортировано из Литвы 47534 человека (14048 семей): 13437 мужчин, 19742 женщины и 14355 детей.⁸

Всего с 1945-го по 1949 год было депортировано 80189 литовцев, 38911 латышей и 19237 эстонцев.⁹ В 1953 году в ГУЛАГе насчитывалось 81158 литовских депортантов, в том числе в Коми — 22515 человек.¹⁰

На конец ноября 1941 года всего было депортировано из западных районов (Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина, Молдавия) 88097 человек. По данным НКВД СССР, к концу 1945 года находилось на спецпоселении 2342506 человек (967085 семей).¹¹

Справка о количестве лиц некоторых категорий, высланных на спецпоселение в северные и восточные районы страны с территории Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Армении и Псковской области за период с 1940 по 1953 год, без права возвращения к прежним местам жительства: всего — 1769453 человека, в том числе из Литвы — 118599 (6,7%).¹² Комментарий: подверглись арестам и депортациям за 1941-1953 годы 122273 человека, следовательно, 4326 репрессированных не были высланы из Литвы. Всего в СССР в 1953 году насчитывалось 2819776 спецпереселенцев.¹³

К сожалению, пока отсутствует статистика национального состава заключенных лагерей за 1948-1955 годы. А она могла бы многое рассказать. Именно в эти годы существовали так называемые Особые лагеря, большинство узников которых составляли украинцы, белорусы, литовцы, латыши и эстонцы. Подтверждением этому являются данные, обнаруженные нами в Коми республиканском архиве общественных движений и формирований (бывший партийный архив). В фонде политотдела Особого лагеря №1 (Минерального), который состоял из комплекса лаготделений Инта-Абезь, сохранились справки о национальном составе политзаключенных семи из двенадцати лаготделений на 11506 человек.¹⁴

Таким образом, национальный состав сталинских лагерей был весьма пестрым, с тенденцией к максимальному втягиванию все новых контингентов заключенных из «освобождаемых» стран Европы, — в полном соответствии с замыслом установления всемирного коммунистического рабства и глубинной целью системы на отрыв человека от национальных корней, нивелирование национальных различий, с конечным итогом в виде создания интернационального монстра — HOMO SOVETICUS.

Сыктывкар

Примечания

1. СОЦИС. — 1991. — N 6. — С.10-26.
2. Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». / Сост. Н.Ф. Бугай. — М.: Дружба народов, 1992. — С.13.
В книге *Lietuvos gyvetoju genocidas, t.1, 1939-1941, Vilnius, 1992* указано, что в 1941г. депортации подверглись 27806 человек: 15530 литовцев, 3924 поляка, 2052 еврея, 439 русских, 78 белорусов, 40 немцев, 5743 — других и неизвестных национальностей.
Правильный подход к анализу ГУЛАГа — сочетание всех видов репрессий — демонстрирует Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е начало 1950 гг. — Нижний Тагил: Изд-во Нижнетагил. пед. ин-та, 1996. Он же: История репрессий на Урале. 1920-е начало 50-х годов (на материале Нижнетагильского региона): Автореферат докторской диссертации. — Екатеринбург: УрГУ, 1996. Он же: Карта ГУЛАГа. Свердловская область и Ивдельлаг // Карта. — 1996. — N 13-14. — С.81.
3. Докладная записка начальника УНКВД Коми АССР Кабакова. Июль 1941 // Бугай Н.Ф. Л.Берия — И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М.: АИРО-XX, 1995. — С.190.
См. также: Борисов Б. Только факты. Националистическое подполье в Литве. 40-50-е годы // Союз. — 1990. — 1-11 марта.
4. Докладная записка Берии от начальника отдела НКВД по борьбе с бандитизмом Леонтьева от 26 марта 1945 г. // Там же. С.214.
5. Распоряжение НКВД СССР N 323 от 16.06.1945 г. — о депортации из Литвы членов семей главарей банд и активных бандитов // Там же. С.219.
6. Из докладной записки Берии Сталину, Молотову, Маленкову от 19.09.1945 г. // Бугай Н.Ф., 1992. С.195.
7. Бугай Н.Ф., 1995. С.226,228.
8. Там же. С.230. Те же цифры и в издании 1992 г. С.199.
9. Бугай Н.Ф., 1992. С.14.
10. Бугай Н.Ф., 1995. С.262,263.
11. Там же. С.191. 1992. С.14.
12. Бугай Н.Ф. Л.Берия — И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: — АИРО-XX, 1995. — С.6.
13. Там же. С.266.
14. КРГА ОПФД. Ф.2174. Оп.1. Д.304. ЛЛ.161,163,165,174-176.

Национальный состав политзаключенных семи из двенадцати лаготделений особого лагеря №1 (Минерального). Инта-Абезь

национальность	1-е л/о	2-е л/о	4-е л/о	5-е л/о	6-е л/о	8-е л/о	12-е л/о	Итого	%% к списочному составу
белорусы	124	129	56	57	60	32	45	503	4,4
латыши	150	-	71	88	95	35	45	484	4,2
литовцы	423	271	147	227	-	86	126	1280	11,1
немцы	4	38	25	247	23	15	13	365	2,9
поляки	6	70	27	50	39	17	21	230	2,0
русские	389	306	239	288	145	65	114	1546	12,5
украинцы	772	532	333	532	343	204	566	3282	28,5
эстонцы	161	95	69	99	73	20	21	538	4,7

Общее число учтенных национальностей — 69 (без иностранцев).

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ИНАКОМЫСЛИЯ

Материалы web-сайта Международного общества "Мемориал"

История советских диссидентов — важная часть общей истории сопротивления государственному произволу, насилию и лжи, которое, в самых различных формах, не прекращалось даже в самые страшные годы господства тоталитарной системы.

После подавления военной оппозиции большевикам в Советской России в течение еще нескольких лет существовало политическое подполье, группировавшееся, в основном, вокруг остатков дореволюционных социалистических партий — меньшевиков и социалистов-революционеров. А когда оно было разгромлено, уже возникла политическая оппозиция внутри самой ВКП(б). Конечно, теоретические платформы внутрипартийных оппозиций едва ли можно назвать демократическими, но вряд ли было бы правильно сводить их историю исключительно к междоусобной борьбе коммунистических вождей за власть. Многие рядовые оппозиционеры изъяснялись языком большевизма просто потому, что не знали никакого другого языка; внутренней же мотивацией их деятельности могла быть полусознанная тяга к иным общественным отношениям, более соответствующим интуитивным представлениям о праве и справедливости, чем реальность строящегося тоталитарного государства. Позднее эти же мотивы двигали участниками подпольных кружков учащейся молодежи (также по преимуществу марксистского толка), во множестве возникших в первые послевоенные годы и продолжавших возникать после смерти Сталина.

Что еще важнее, машине государственного террора так и не удалось до конца искоренить инакомыслие — не только политическое, но и культурное, религиозное, социальное, гуманитарное. Религиозные течения и целые конфессии отказывались подчиняться коммунистическому диктату и уходили в подполье. Люди продолжали сочинять стихи и прозу, философские и научные трактаты, не соответствующие требованиям государственной цензуры; другие люди переписывали запретные тексты от руки, а позднее — на пишущей машинке. Правда, до середины 1950-х гг. эти тексты не выходили, как правило, за пределы узкого круга близких друзей. Но тем не менее старая русская традиция распространения "крамольной" литературы в списках воскресла уже в 1940-е гг. Для нее даже было изобретено специальное слово: "самиздат".

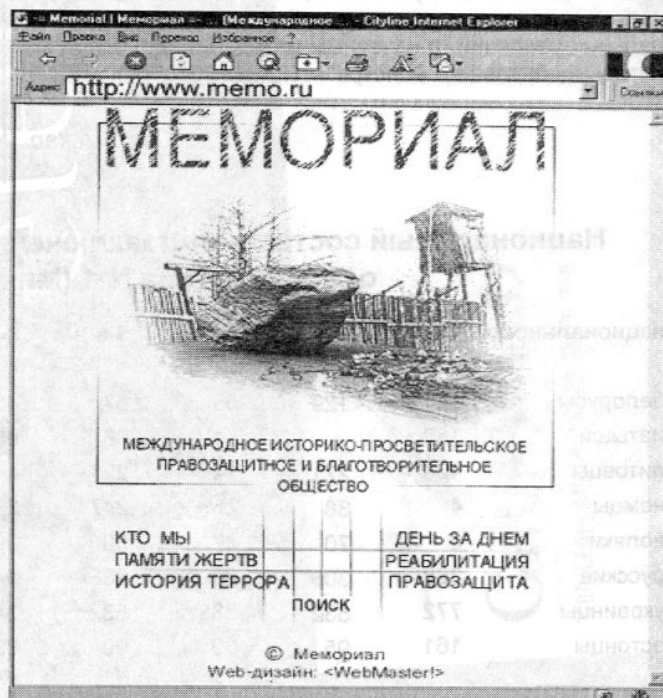
Через несколько лет после смерти Сталина, когда за инакомыслие перестали немедленно убивать, в обществе наметилось несколько путей для выражения неортодоксальных взглядов. Часть интеллигенции боролась за свободу мысли и творчества, оставаясь в рамках институций, подконтрольных государственной власти, пытаясь "проталкивать" идеологически сомнительные произведения через цензуру. Очагами свободомыслия становились, например, редакции либеральных журналов, театры, некоторые научные коллективы. При этом, правда, приходилось соблюдать определенные ограничения, подвергать свое творчество самоцензуре.

С другой стороны, продолжали возникать группы, которые ставили своей задачей политическую борьбу с существующим режимом. Разумеется, такую борьбу мож-

но было вести только в подполье, ибо участие в политической оппозиции и после Сталина рассматривалось властью как нелегальная деятельность.

Но с конца 1950-х гг. в обществе стала вызревать потребность в активности принципиально иного типа. Эта активность не должна была сводиться к подпольной борьбе с режимом: значительная часть советской интеллигенции видела в политическом подполье прямой путь к новой революции, неизбежно сопряженной, по общему убеждению, с насилием. А повторения пройденного не хотел почти никто. Но и подконтрольное существование в рамках дозволенного также не устраивало свободомыслящую молодежь. Выход был подсказан, вероятно, самиздатом — стихийно возникшим общественным механизмом, принципиально неподконтрольным государству. Самиздат не "боролся" за свободу слова, а просто реализовывал ее самим своим существованием. Он и стал главным инструментом, с помощью которого независимая мысль научилась выражать себя публично, полностью сохраняя при этом свою свободу.

Идея, что можно действовать не против власти и не за нее, а независимо от нее, что культурная или гражданская инициатива может просто игнорировать негласные запреты, не имеющие никакого законного обоснования, была, конечно, абсолютно нова для советского человека. Но она была и привлекательна — тем, что позволяла проявлять себя открыто, не прячась, не уходя в подполье. Ключевым для нового типа социального поведения стало слово "независимость".

Заглавная страница web-сайта Международного "Мемориала".

Именно этот тип поведения впоследствии стали называть "диссидентским", а людей, систематически следующих ему, — "диссидентами".

Понятно, что режим, претендующий на гордое звание тоталитарного, не мог позволить себе мириться с независимой гражданской активностью. Вероятно, партийные верхи и руководители КГБ искренне считали такую активность "политическим преступлением" и пытались пресечь ее с помощью соответствующих статей Уголовного кодекса. Обнаружилось, однако, что эти статьи, замечательно приспособленные для борьбы с революционерами-подпольщиками, в применении к диссидентам попросту не срабатывают. То есть: конечно, нет никаких затруднений в том, чтобы, располагая отлаженным механизмом тайной полиции и полным контролем над судебными органами, посадить человека в лагерь на много лет за самиздатский поэтический альманах, или за несанкционированный интерес к отечественной истории, или за принадлежность к определенной религиозной общине, или за желание эмигрировать. Но вот объяснить на языке права, почему это является преступлением, оказалось невозможным. Более того: политические преследования реанимировали в общественном сознании и придали актуальное звучание тем положениям советской Конституции, которые, как подразумевалось по умолчанию, никем и никогда не должны были приниматься всерьез. К несчастью для режима, среди этих положений оказались и свобода мысли и слова, и свобода вести, и свобода шествий и митингов, и даже свобода ассоциаций.

Как только это было осознано мыслящей частью общества, значительная доля диссидентской активности сосредоточилась на организации общественного протеста против политических преследований. Вскоре этот протест превратился в небольшое по численности участников, но весьма энергичное общественное движение, которое стали именовать правозащитным.

Мало кто из правозащитников предполагал, что протесты и в самом деле могут защитить кого-то от гонений. Однако сам факт предания этих гонений гласности оказался психологически значимым и для преследуемых, и для преследователей. Репрессии, которым подвергались диссиденты, ставили отныне в положение "правонарушителей" не их, а власть, которая в своих репрессивных реакциях никак не умела (хотя и пыталась) уложиться в собственные законы.

Первоначально адресатами правозащитных петиций были официальные советские органы, позднее возник жанр "открытых писем", еще позднее — заявления в международные организации. Но куда бы ни были адресованы протесты правозащитников, они, в первую очередь, информировали о политических гонениях общественное мнение в СССР (через Самиздат и передачи западных радиостанций) и за рубежом (через тамошние масс-медиа). В конце 1960-х гг. правозащитники организовали собственные информационные бюллетени, создали собственные независимые ассоциации.

Правозащитная активность консолидировала отдельные проявления диссидентства, превратила его в единую или, во всяком случае, связную среду. Правозащитное движение стало ядром советского диссента и одновременно — его информационной базой.

Под влиянием правозащитников менялось и отношение к праву у диссидентов, а также у сочувствующих им социальных групп: из инструмента защиты от преследований оно становилось самостоятельной ценностью, столь

же важной, как личная независимость и гражданская ответственность. Помимо прочего, эта система ценностей была хороша тем, что в ней сравнительно мирно могли сосуществовать приверженцы самых разных политических доктрин (от анархистов до монархистов, включая сторонников либеральной демократии западного образца, коммунистов-ортодоксов, националистов-почвенников и изрядное количество граждан, абсолютно индифферентных к политике как таковой), националистов и интернационалистов, представителей различных религиозных конфессий, людей самых разнообразных интересов — культурных, общественных, научных и пр. В СССР начала складываться первая, еще грубая и несовершенная, модель гражданского общества. А Самиздат (с конца 1960-х гг. это слово начали писать с заглавной буквы) выполнял в этой модели роль свободной прессы.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что государственная система продолжала считать диссидентскую и правозащитную активность проявлением политической оппозиции. В определенном смысле она таковой и была, ибо независимая гражданская инициатива действительно несовместима с тоталитарным государством, пусть даже с той сравнительно травоядной его формой, которая имела место при Брежневе.

Итак, *диссидентством* или *диссентом* (англ. Dissent) мы именуем совокупность движений, групп, текстов и индивидуальных поступков, разнородных и разнонаправленных по своим целям и задачам, но весьма близким по основным принципиальным установкам:

- ненасилие;
- гласность;
- реализация основных прав и свобод "явочным порядком";
- требование соблюдения закона;

по формам общественной активности:

- создание неподцензурных текстов;
- объединение в независимые (чаще всего — неполитические по своим целям) общественные ассоциации;
- изредка — публичные акции (демонстрации, распространение листовок, голодовки и пр.);

по используемому инструментарию:

- распространение литературных, научных, правозащитных, информационных и иных текстов через самиздат и западные масс-медиа;
- петиции, адресованные в советские официальные инстанции, и "открытые письма", обращенные к общественному мнению (отечественному и зарубежному); в конечном итоге петиции, как правило, также попадали в самиздат и/или публиковались за рубежом.

Внутри самого диссидентского мира особое место занимало правозащитное движение, объединившее ранее разрозненные проявления независимой гражданской и культурной инициативы в единое целое. Правозащитники создали единое информационное поле, которое поддерживалось самой диссидентской активностью (факт, радикально отличающий данное явление, например, от разрозненных попыток создать политическое подполье в пятидесятые годы).

На определенном историческом этапе освободительной борьбы (середина шестидесятых — начало восьмидесятых) данный способ независимой гражданской активности абсолютно доминировал на общественной сцене.

Ниже мы пытаемся коротко представить историю советского диссента и правозащитного движения в СССР, перечислив основные вехи в их становлении и развитии. При этом мы неизбежно выходим за рамки собственно диссидентского мира: перечень включает в себя имена и эпизоды, выходящие за рамки наших определений, но существенно повлиявших на ход событий. Мы также включили в перечень наиболее важные политические процессы и другие шаги, предпринимавшиеся властью в борьбе с диссидентами.

Наша периодизация следует, с некоторыми изменениями, периодизации, разработанной известным правозащитником и первым историком советского диссента Л.М. Алексеевой и представленной в ее книге "История инакомыслия в СССР" — первом фундаментальном исследовании на данную тему.

Каждому периоду мы предпосылаем краткий комментарий, который, на наш взгляд, характеризует его суть.

I. ПРЕДЫСТОРИЯ (1956—1965)

Системообразующий компонент советского диссента — правозащитное движение — возникло (по крайней мере, в России) не в качестве наследника нереализованных общественно-политических интенций предшествующего периода, хотя некоторые заметные участники правозащитного движения и прошли через опыт политического подполья. Оно выросло из ожесточенного противостояния советской художественной и научной интеллигенции политике правительства в вопросах свободы творчества, прежде всего — в сфере художественной литературы.

В течение 10-15 лет, прошедших после XX съезда КПСС, либерально настроенная интеллигенция настойчиво пыталась отвоевать для себя минимально свободное от государственного диктата пространство в рамках системы (попытки выпусков литературных сборников и альманахов; поэтические вечера в Политехническом музее и на стадионе "Лужники"; "студийные" театральные коллективы; многочисленные литературные студии и кружки, участники которых старались свести к минимуму соприкосновение с официальными культурными инстанциями; выставки художников-авангардистов в Манеже; многолетняя эпопея борьбы редакции журнала "Новый мир" с цензурой и многое другое). Правительство столь же настойчиво пыталось пресечь "легализацию" либеральных течений в официальной советской культуре, используя традиционные средства: цензурные запреты, административные гонения, погромную критику в печати и т.п.

Одновременно все большее место в культурной жизни начало занимать то, что уже тогда назвали "второй культурой", т. е. творческая активность, не направленная на завоевание какого-либо места в официально контролируемой культурном процессе и попросту игнорирующая неписанные нормы этого процесса. Возросло значение традиционного для России способа бытования литературных произведений — самиздата, т. е. машинописной перепечатки рукописей в процессе их никем (в т. ч. и автором) не контролируемого распространения. Появились самиздатские литературные сборники и альманахи. Одновременно с появлением в личном пользовании магнитофонов возникла "авторская" или "бардовская" песня. Художники стали выставлять для публичного обозрения в своих мастерских собственные работы и работы своих коллег, не испрашивая на это ничьего разрешения. Молодежь несколько

лет подряд устраивала регулярные публичные поэтические чтения на площади Маяковского в Москве, а затем организовала первое за много десятилетий независимое литературное объединение — СМОГ. Отдельные литераторы начали публиковать свои произведения, не имеющие шансов пройти через советскую цензуру, за рубежом — под своим именем, как Б. Пастернак или А. Есенин-Вольпин, или же под псевдонимами, как А. Синявский и Ю. Даниэль.

В этой накаленной атмосфере перманентного противостояния либеральной (как "системной", так и "внесистемной") интеллигенции и правительства последнее совершило неосторожный шаг: применило против нескольких представителей "второй культуры" уже не административные, а уголовные репрессии.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1956

25 февраля. Доклад Н. С. Хрущева о "культе личности" Сталина на закрытом заседании XX съезда КПСС.

Лето-осень. Выход в свет альманаха "Литературная Москва". Публичные дискуссии в ряде вузов и НИИ на политико-культурные темы.

24 октября-4 ноября (?). Венгерская революция и ее подавление советскими войсками.

19 декабря. Закрытое письмо ЦК КПСС "Об усилении борьбы с антисоветскими элементами" — сигнал к временному (до начала 1959 г.), но заметному увеличению масштаба политических репрессий.

1957-1961

30 (?) октября 1957. Начало кампании против Б. Л. Пастернака в связи с публикацией за рубежом романа "Доктор Живаго".

19 (?) июля 1958. Начало несанкционированных встреч московской литературной молодежи на пл. Маяковского (продолжались до 1961 года).

1959-1960

Александр Гинзбург издает в Москве машинописный поэтический журнал "Синтаксис" — первое периодическое издание Самиздата, получившее широкую известность.

1962-1963

Ноябрь 1962. Публикация в "Новом мире" повести А. Солженицына "Один день Ивана Денисовича".

1 декабря 1962. Посещение Н. С. Хрущевым выставки к 30-летию МОСХа в Манеже. Начало кампании против "абстракционизма" и гонений на художников-авангардистов.

7-8 марта 1963. Встреча Н. С. Хрущева с творческой интеллигенцией в Кремле. Общее ужесточение государственной политики в области культуры.

1964

13 февраля. Арест ленинградского поэта Иосифа Бродского по обвинению в "тунеядстве".

Март. Суд над Бродским. В самиздате широко распространяется запись судебного процесса, сделанная журналисткой Фридой Вигдоровой.

Весна. Образование в Москве молодежной литературной группы "СМОГ".

14 октября. Снятие Н. С. Хрущева с партийных и государственных постов.

1965

8—12 сентября. Арест писателей Андрея Синявского (лит. псевд. Абрам Терц) и Юлиа Даниэля (лит. псевд. Николай Аржак).

II. ЗАРОЖДЕНИЕ (1965—1967)

Непосредственным толчком к возникновению в СССР правозащитного движения оказались события, связанные с арестом двух московских литераторов — Андрея Синявского и Юлия Даниэля, в течение ряда лет тайно публиковавших свои беллетристические произведения на Западе под псевдонимами “Абрам Терц” и “Николай Аржак” соответственно. Их арест и, в особенности, суд над ними, сопровождавшийся массивной газетной пропагандистской атакой на литературную деятельность обвиняемых, вызвали бурную (явно не просчитанную властями заранее) реакцию за рубежом и, самое главное, внутри страны. В отличие от предыдущего громкого “литературного” дела — суда над Бродским, протесты общественности не ограничились частными обращениями в ЦК, а стали достоянием гласности.

Дальнейшее развитие событий кто-то удачно охарактеризовал как “процесс цепной реакции”: репрессии против тех, кто наиболее активно протестовал, протесты против этих репрессий, новые репрессии и, соответственно, новые протесты. . . К концу этого периода факт наличия в стране политических преследований прочно вошел в общественное сознание.

Одновременно шел процесс знакомства и установления связей между отдельными кружками, группами и компаниями, для которых открытое инакомыслие стало нормой поведения.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1965

5 декабря. “Митинг гласности” на Пушкинской площади в Москве — первое в СССР публичное выступление под лозунгами защиты права, при активном участии ряда СМОГистов. Впоследствии митинг стал традиционным.

1966

Январь—апрель. Массивная газетная кампания, направленная против Синявского-Терца и Даниэля-Аржака, и суд над ними (11—14 февраля). 1-я петиционная кампания (в защиту Синявского и Даниэля).

Лето — осень. А. Гинзбург работает над составлением “Белой книги” — сборника документов по делу Синявского и Даниэля (в декабре издана за рубежом).

Сентябрь. В Уголовный кодекс вводятся 3 новые статьи — “клевета на советский строй”, “оскорбление флага или герба”, “групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок”.

1967

Январь. Арест Юрия Галанскова (друга Гинзбурга, составителя машинописного альманаха “Феникс-66”), машинистки Веры Лашковой и А. Добровольского — знакомого Галанскова и Гинзбурга. Митинг на Пушкинской площади в защиту арестованных и задержание нескольких участников митинга (22 января). Арест Гинзбурга (23 января).

Весна—лето. Суды над участниками демонстрации 22 января.

Июнь. Обращение А. Солженицына к съезду Союза писателей о необходимости освободить литературное творчество от цензурного гнета.

Июль. В Комитете государственной безопасности организовано т. н. 5-е Управление — по борьбе с “идеологическими диверсиями”.

Лето—осень. Павел Литвинов работает над составлением документального сборника по делу о демонстрации 22 января.

Ноябрь. Анатолий Марченко заканчивает работу над книгой “Мои показания” — первым документальным свидетельством о послесталинских политических лагерях.

III. КОНСОЛИДАЦИЯ (1968—1969)

Протестная кампания, начавшаяся в связи с судебным процессом Гинзбурга, Галанскова и других, охватила гораздо больший круг людей, чем в предыдущие (и последующие) годы. Формы протеста, в основном, остались прежними — петиции в официальные органы власти, но была освоена и новая, более радикальная, возможность — прямая апелляция к общественному мнению (т. н. “открытые письма”). “Эпистолярная революция” (по тогдашнему выражению) не ограничилась конкретным поводом — делом Гинзбурга, Галанскова и др., ее предметом стали самые разнообразные случаи нарушения государством гарантированных Конституцией прав и свобод. Поток информации о подобных нарушениях возрастал по мере того, как в стране становилось известно о существовании, преимущественно в Москве, группы людей, рискнувших предавать эту информацию огласке. Была осознана ключевая роль самиздата в этом процессе. Возникли новые информационные механизмы, область применения которых быстро расширялась, охватывая все новые регионы.

Возникшее брожение начало приобретать некоторые признаки общественного движения, хотя названия у этого движения еще не было, но стержневой темой для него стали права человека.

Весь этот период внутри движения шли бурные дискуссии о формах и методах деятельности, о возможности создания организационных структур, о характере самого движения (политическое оно или нет?). Конечным итогом этих споров стала выраженная не столько в документах, сколько на практике концепция правозащитного движения, не ставящего перед собой политических целей, но и не исключającego определенных, открыто и гласно действующих, организационных форм.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1968

Январь. Начало “пражской весны”.

Январь—март. Суд над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой. Обращение Л. Богораз и П. Литвинова “К мировой общественности”. 2-я петиционная кампания.

МЕМОРИАЛ

ПАМЯТИ ЖЕРТВ

Увековечение памяти жертв репрессий

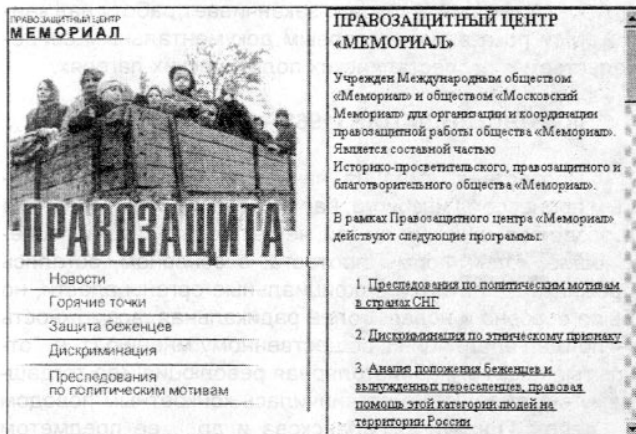
Увековечение памяти жертв — одна из важнейших задач нашего общества. Именно вокруг этой задачи объединяется «Мемориал» с 1962 года. Сделано за прошедшие десять лет немало, но предстоит сделать еще много раз бывало.

Три важнейшие работы с самого начала представлялись: сбор биографий, установление имен всех жертв и публикация списков имен, выделение мест захоронения погибших, установка на этих местах памятных знаков.

Уже в 1962-69 гг. во многих местах начинала публиковаться список жертв советского режима. К сожалению, в начале 1990-х гг. власти общества своего аннулировали списки, и сегодня только редкие публикации — редкость. Вместо этого общество разрозненно ищет жертв — как правило, по инициативе «Мемориала» и с его участием — и имена известны — специальным изданием, где

Места захоронения
Памятники и памятные знаки
Книги памяти

Фрагмент web-сайта Международного “Мемориала”.

Фрагмент web-сайта Международного "Мемориала".

Весна. Гонения на "подписантов" (участников петиций).
Апрель. Эссе А. Сахарова "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе".
30 апреля. Первый выпуск "Хроники текущих событий" — машинописного информационного бюллетеня о нарушениях прав человека в СССР и борьбе за их соблюдение.
Июль. Арест Анатолия Марченко.
21 августа. Вторжение войск стран Варшавского договора в Чехословакию.
25 августа. Публичный протест против интервенции — "демонстрация семерых" на Красной площади в Москве.
Октябрь. Суд над пятью демонстрантами: К. Бабицким, Л. Богораз, В. Делоне, В. Дремлюгой, П. Литвиновым.
1969
Март—май. Аресты активных участников движения — И. Яхимовича, И. Габая, П. Григоренко.
18 мая. Создание Инициативной группы по защите прав человека в СССР (ИГ) — первой независимой правозащитной ассоциации (15 чел.), основной формой деятельности которой стали открытые письма, обращенные в ООН.
Лето—осень. Аресты ряда членов ИГ.
Декабрь. Арест Натальи Горбаневской — члена ИГ, основателя и составителя первых выпусков "Хроники текущих событий".

IV. РАСШИРЕНИЕ (1970-1972)

Основным содержанием данного периода становится включение в орбиту правозащитной деятельности целого ряда достаточно массовых оппозиционных движений, как возникающих в эти годы, так и имевших собственную предысторию. Разумеется, все эти движения имели свои цели и задачи, отнюдь не сводящиеся к защите прав человека, однако они приняли и освоили правозащитный инструментарий, широко применяли его — в первую очередь, для защиты прав и интересов, связанных с их собственной деятельностью. Установили тесные связи с "московскими" правозащитниками, создали собственные структуры, аналогичные "московским".

В то же время проблемы "периферийных", или "партикулярных", общественных движений расширили и углубили первоначальную концепцию правозащитников. В их сферу внимания вошли такие вопросы, как права наций (в том числе право на культурное развитие и право на мирное самоопределение), право на выезд из страны, свобода вероисповедования и пр.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1970

Январь. Начал выходить "Украинский вестник" — информационный бюллетень украинского национально-культурного движения.

Лето. Попытка угона самолета группой "отказников" — в основном, евреев, пытавшихся эмигрировать в Израиль.

Ноябрь. Создание в Москве Комитета прав человека — независимой организации экспертно-аналитического характера (А. Твердохлебов, А. Сахаров, В. Чалидзе, позднее — И. Шафаревич).

Декабрь. Суд над угонщиками самолета. Смертный приговор двум членам группы. Массовые протесты за рубежом и замена смертной казни 15-ю годами заключения. Ослабление неофициального запрета на эмиграцию; консолидация движения евреев-"отказников". Начал выходить информационный бюллетень "отказников" "Исход" (позднее — "Вестник исхода").

1971

Массовая петиционная кампания прихожан и клира Литовской католической церкви. Возникновение национально-религиозного движения литовских католиков. Начало систематического появления в "Хронике текущих событий" материалов из Литвы.

Начал выходить "Бюллетень Совета родственников узников Евангельских христиан-баптистов" — информационный бюллетень, посвященный преследованиям за веру сторонников Совета Церквей ЕХБ (т.н. баптисты-"инициативники", не признаваемое властями объединение части баптистских общин).

Начал выходить журнал "Вече" — орган русских националистов, один из первых "толстых" журналов самиздата.

1972

Начало т.н. "третьей", диссидентской, волны эмиграции. Возникновение "диссидентской диаспоры" на Западе.

Март. Начала выходить "Хроника Литовской Католической Церкви" — информационный бюллетень литовского национально-религиозного движения.

Май. Самосожжение в Каунасе (Литва) Ромаса Каланты. Беспорядки в Каунасе.

Октябрь. Александру Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе.

V. КРИЗИС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ (1972—1974)

Кризис 1973 г. в правозащитном движении, по нашему мнению, возник не только и не столько в связи с очередной репрессивной кампанией по искоренению инакомыслия, и даже не из-за слабости, проявленной рядом видных деятелей движения после ареста и на суде, сколько в силу внутренних причин. В первую очередь, мы бы отнесли к таким причинам "знаковый" характер значительной части диссидентской активности предшествующей эпохи, зачастую не связанный ни с какой-либо конкретной полезной деятельностью, ни с углубленной интеллектуальной работой. "Диссидентский поступок" — а таковым могла стать просто подпись под письмом протеста — чаще всего имел значение экзистенциального самовыражения; дальнейшее зависело от личной стойкости автора поступка. Внешняя легкость перехода грани дозволенного порождала возможность "салонного диссидентства", что не избавляло от возможных последствий, но в какой-то мере расшатывало чувство ответственности и солидарности. Кроме того, это не прибавляло доверия к диссиден-

там со стороны естественной социальной базы их поддержки — свободомыслящей части интеллигенции, и без того относившейся к активистам движения со смешанным чувством уважения и скепсиса.

Движение оказалось на грани распада, и для того чтобы вернуть себе нравственную и социальную идентичность, оставшиеся диссиденты вынуждены были опереться на такие консолидирующие ценности, как профессионализм, систематическая работа, специализация по интересам и пр.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1972

Январь. Массовые аресты активистов национально-культурного движения на Украине.

Лето. Арест членов ИГ Петра Якира (одного из наиболее известных активистов правозащитного движения) и Виктора Красина.

Октябрь. Выход 27-го выпуска "Хроники текущих событий".

Ноябрь 1972-январь 1973. Якир и Красин из тюрьмы сообщают об изменении своей общественной позиции и призывают других правозащитников к "почетной капитуляции" перед властью. Госбезопасность шантажирует участников выхода "Хроники" общим усилением репрессий, если издание будет продолжено.

1973

Январь. Решение о приостановке издания "Хроники".

Август. Массированная газетная кампания против А. Сахарова. Обнаружение Комитетом госбезопасности рукописи "Архипелага ГУЛАГ" А. Солженицына.

Август-сентябрь. Суд над Якиром и Красиным; телетрансляция пресс-конференции, на которой они осудили свою прежнюю деятельность.

Октябрь. Прекращение работы Комитета прав человека.

Декабрь. Публикация "Архипелага ГУЛАГ" на Западе.

1974

Январь. Газетная кампания против А. Солженицына.

Февраль. Арест и высылка Солженицына на Запад. Объявление о создании общественного Фонда помощи политзаключенным в СССР под патронажем Солженицына.

Май. Возобновление "Хроники текущих событий"; одновременный выход 28-го, 29-го и 30-го (чуть позднее — 31-го) выпусков.

Лето. Появление в сообщениях "Хроники" материалов из Грузии.

Весна-лето. Осуществлено подпольное типографское издание "Архипелага ГУЛАГ".

Сентябрь. Скандал вокруг разгона бульдозерами выставки-пленэра неофициальных художников. Начало смягчения запретительной политики в отношении художественного авангарда.

30 октября. Политзаключенные мордовских и пермских лагерей, а также Владимирской тюрьмы проводят согласованную акцию — День политзаключенного. Пресс-конференция в Москве на квартире Сахарова, посвященная Дню политзаключенного.

Декабрь. Арест Сергея Ковалева — одного из 4-х оставшихся на свободе и не уехавших за рубеж членов ИГ, с 1971 г. — одного из ведущих участников выпуска "Хроники текущих событий".

VI. "ХЕЛЬСИНКСКИЙ" ПЕРИОД (1975—1979)

Вторая половина 1970-х гг. — пик диссидентской активности в СССР. В стране возникает ряд независимых

открыто действующих групп и ассоциаций, большинство из которых сосредотачивается на конкретных общественных проблемах. Эти группы стараются работать профессионально или, по крайней мере, декларируют подобное стремление. В деятельности почти всех возникших групп присутствует правозащитный аспект; для большинства из них этот аспект является (или становится) основным. Многие ассоциации издают собственные бюллетени.

Стержнем этого процесса становится Хельсинское движение, возникшее в Москве, но быстро распространившееся в некоторых союзных республиках (где оно, конечно же, имело отчетливо национальный оттенок) и получившее небывало широкую поддержку зарубежного общественного мнения и даже ряда западных правительств. Хельсинские группы собирали, систематизировали и обобщали данные о нарушениях прав человека в СССР; полученная информация регулярно передавалась правительствам стран-участниц Хельсинских соглашений и западным масс-медиа.

Для самиздата этот период — время "толстых" машинописных журналов, сборников, альманахов. Помимо Москвы, множество периодических изданий выпускается в Ленинграде (здесь они, по преимуществу, представляют т. н. вторую культуру) и Литве. Появляются самиздатские журналы и в Грузии, Эстонии, на Украине. В то же время все больше публицистических и литературных произведений, минуя самиздат, публикуется в эмигрантских органах печати на Западе и возвращается к советскому читателю лишь по "нелегальным" каналам.

В целом, диссидентство в течение этого периода было весьма заметным явлением в общественной жизни страны, а проблема соблюдения прав человека в СССР приобрела международное значение.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1975

В Грузии начал выходить самиздатский литературно-публицистический журнал "Окрос Сацмиси" ("Золотое руно").
Август. В Хельсинки подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включающий в себя т. н. "третью корзину" — раздел, содержащий определенные обязательства стран-участниц по соблюдению прав и свобод граждан.

Октябрь. Андрею Сахарову присуждена Нобелевская премия мира.

Ноябрь. В Литве начал выходить самиздатский литературно-публицистический журнал "Аушра" ("Заря").

1976

12 мая. Создание Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР (Московской Хельсинской группы, далее — МХГ).

Июнь. Начал выходить самиздатский исторический сборник "Память" (Ленинград—Москва), посвященный проблемам советской истории.

9 ноября. Создание Украинской Хельсинской группы.

25 ноября. Создание Литовской Хельсинской группы.

Декабрь. Создание Христианского комитета защиты прав верующих.

1977

5 января. Создание при МХГ Рабочей комиссии по исследованию использования психиатрии в политических целях.

14 января. Создание Грузинской Хельсинской группы.

Февраль. Аресты Юрия Орлова — руководителя МХГ, Александра Гинзбурга — члена МХГ и распорядителя

Фонда помощи политзаключенным, Микола Руденко — руководителя Украинской Хельсинкской группы.

1 апреля. Создание Армянской Хельсинкской группы.

Март-декабрь. Аресты среди членов всех хельсинкских групп и практическое прекращение деятельности Грузинской группы. Пополнение Московской, Украинской, Литовской групп новыми членами.

1978

Март. Создание Инициативной группы защиты прав инвалидов.

Апрель. Массовые демонстрации в Тбилиси с требованием сохранить грузинский язык в качестве официального.

Лето. Начал выходить самиздатский литературно-публицистический журнал "Поиски" (Москва).

Ноябрь. Создание в Литве Католического комитета защиты прав верующих.

Декабрь. Презентация неподцензурного литературного альманаха "Метрополь".

Февраль-декабрь. Попытки создания в СССР независимого профсоюзного движения. Учреждение СМОТ — Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. Начало издания "Информационного бюллетеня СМОТ".

1979

Февраль. Создание группы "Выборы-79", попытавшейся выдвинуть своих кандидатов на выборы в Верховный Совет СССР.

Лето. Создание группы "Право на эмиграцию", занимавшейся проблемами граждан, не желающих или не имеющих возможности покинуть страну по "израильскому каналу".

Ноябрь-декабрь. Арест Татьяны Великановой — члена ИГ, бессменного (с 1970 г.) организатора работы "Хроники текущих событий". Арест о. Глеба Якунина, православного священника, руководителя Христианского комитета защиты прав верующих. Арест Валерия Абрамкина, главного редактора "Поисков".

29 декабря. Вмешательство советских войск в события в Афганистане и свержение ими афганского правительства. Начало афганской войны и конец "детанта".

Москва, 1998 г.

Опубликовано на Web-сайте Международного общества «Мемориал»:

<http://www.memo.ru/HISTORY/DISS/index.htm>

Вениамин ИОФЕ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ «МЕМОРИАЛА»

Десятилетие «Мемориала» — прекрасный и своевременный повод задать себе некоторые вопросы. Что же это такое — «Мемориал»? Куда мы пришли со времени громокипящих восьмидесятых? Что мы поняли о себе самих за эти десять лет?

Пойдем от противного — чем мы не являемся. «Мемориал» сегодня много занимается делами бывших узников ГУЛАГа, их реабилитацией, их медицинскими и социальными проблемами. При обществе стали создаваться медицинские центры и социальные станции. Но само общество с самого начала было задумано (спасибо отцам-основателям) и сохранило себя по сей день, безусловно, не в виде ветеранской организации в классическом смысле слова, такой, как различные ассоциации жертв советской власти (чернобыльцы, ветераны подразделений особого риска, военные ветеранские организации), ставящие своей исключительной целью поддержание материального благополучия своих членов и установку памятников. Самый драматический эпизод в истории «Мемориала» — отделение от него Ассоциации жертв необоснованных репрессий (декабрь 1989) — был связан именно с отказом «Мемориала» стать рядовой ветеранской организацией с ограниченной сферой деятельности.

«Мемориал» много занимается правозащитной деятельностью и включает в свой состав подразделения, некоторые из которых стали вполне профессиональными

в своей области. Зачастую весь «Мемориал» относят к правозащитным организациям, но это, безусловно, неверно, так как специфически правозащитная работа привлекает лишь небольшую часть его членов. Это же можно отнести и к исторической работе «Мемориала», которая ведется также специализированными структурными подразделениями. Несмотря на расхождение реальной работы по таким несхожим направлениям, как социальная опека, правовая защита и историография, и появление специальных функциональных органов, «Мемориал» не распадается на части, а сохраняет свое единство под громоздким названием «благотворительной, правозащитной, историко-просветительской организации».

Общие акции, проводимые «Мемориалом», легко собирают всех его членов и работников под общие знамена. В биологическом организме жизнь обеспечивает ток крови, который изнутри омывает все органы, в общественном организме имеет место нечто подобное. Наша задача определить, что же является невидимым внутренним флюидом, который обеспечивает жизнеспособность «Мемориала» и его единство живого организма.

Попытку определить в качестве главной и объединяющей функции «Мемориала» просветительную деятельность следует признать крайне неудачной. Разумеется, такая постановка вопроса удобна, так как она позволяет демонстрировать результаты работы общества в виде конкретных дел: публикаций, выставок, конференций, — но она автоматически переводит общество в разряд просветительных организаций (типа общества «Знание»), т.е. в круг общественных организаций третьего эшелона. Можно из практических соображений (например, из удобства

финансовой отчетности, или применяясь к пониманию сути дела грантодателем) принять такую позицию, но не следует тогда обижаться, что общество начинает рассматривать нас как третьеразрядную организацию.

Поясним. Третий уровень — это уровень популяризации на основе сложившейся и устоявшейся в обществе идеологии. Ему предшествуют: уровень второй — научная и правовая разработка исторической и современной реальности (чем «Мемориал» в лице своих вспомогательных структур занимается) в свете принятых ценностных установок, и уровень первый, где идет выработка этих ценностных установок общества и где формулируются гражданские приоритеты.

Иногда, но не всегда, в этой роли выступают религиозные институты, в любом случае это уровень, на котором формируется самосознание общества. Именно для работы в этой сфере был создан «Мемориал» — как организация, чья миссия — вывести Россию из мира ГУЛАГа, в котором она пребывает и по сей день, говоря его языком, живя по его нормам, принимая его ценности.

Основная задача «Мемориала» — на основании уникального исторического опыта России XX века найти выход из идеологического тупика XX века, в котором слова-символы «Колыма», «Освенцим» и «Хиросима» означают кризис основных направлений мировой политической мысли: государства социальной справедливости, государства национального единства и государства рациональной демократии. Причастность к этой миссии и создает то высокое напряжение служения, которое придает смысл и значение всей мемориальной работе.

Разницу между просветительной деятельностью и служением можно проиллюстрировать на простом гипотетическом примере (к сожалению, недалеко от реальности). При отсутствии публики лекцию или кинофильм отменяют, а церковную службу (любой религии) и, соответственно, мемориальскую акцию — нет. Именно это наше общественное первородство доброжелатели пытаются продать за чечевичную похлебку просветительной или демократической функции.

Ни демократизация страны, ни строительство гражданского общества не являются миссией «Мемориала». Устроение демократии как институализированной власти большинства не может быть нашей задачей, так как в России власть, какими бы институтами она себя ни оформляла, всегда принимала во внимание мнение большинства, и ни к чему хорошему это не вело.

Тратя колоссальные средства на то, чтобы заткнуть рот народу (цензура, репрессивный аппарат), государство расходовало не меньшие силы и средства (аппарат политического контроля) на то, чтобы узнать, что же народ на самом деле думает, и учитывало это в своей повседневной политике. А народ тогда (как и сейчас) был в своей массе за поиски врагов, за репрессии, за автаркию, за монополию на истину, за полицейское государство, против личностного начала во всех его проявлениях (как это сейчас артикулирует большинство Государственной Думы, избранной вполне демократично и стоящей стране примерно столько же). Впрочем, опыт Хиросимы свидетельствует, что это не только российская проблема.

Можно, разумеется, сказать, что нас интересует демократия как институт защиты прав меньшинства. Можно, но, во-первых, как показывает опыт функционирования демократических механизмов в нашей стране, меньшин-

ства не остаются защищенными даже законодательно (закон о религиозных объединениях, аграрные законы и т.п.), не говоря уже о реальной практике, где подавление их обеспечивается подзаконными актами (прописка!), во-вторых, сами подавляемые меньшинства, как правило, несут в себе семена той же нетерпимости и агрессии, что и их гонители, и в большинстве случаев вряд ли могут претендовать на роль ячеек гражданского общества.

Устроение гражданского общества предполагает наличие гражданского и правового самосознания у какой-то заметной части населения, чего в настоящее время в нашей стране нет и предполагать появление чего в ближайшее время не приходится. Как мы знаем даже из древней истории, освобождение от рабства не порождает автоматически свободных граждан, а зачастую создает мстителей и новых насильников, в чем отдает себе отчет народное сознание, скептически относящееся к идеям правозащиты, видя в ней в первую очередь не защиту идеи права, а защиту интересов той или иной группы с использованием инструмента права. Каждый при этом знает, что договориться с начальником эффективнее, чем ввязываться в юридический процесс. Поэтому бесспорно — необходимую работу по защите меньшинств разного рода следует не связывать с формулами права, демократии и гражданского общества, а в соответствии с реально действующими ценностными предпочтениями возводить... к чему?

По-видимому, только к личностям, как защищаемым, так и к защищающим. При той слабости правосознания, которая нам исторически досталась, юридическая норма — это не аргумент, а человеческая личность — доказательство. Впрочем, это совпадает с новозаветным тезисом, что истина — это не что, а кто. Так что и здесь очень мало от демократии.

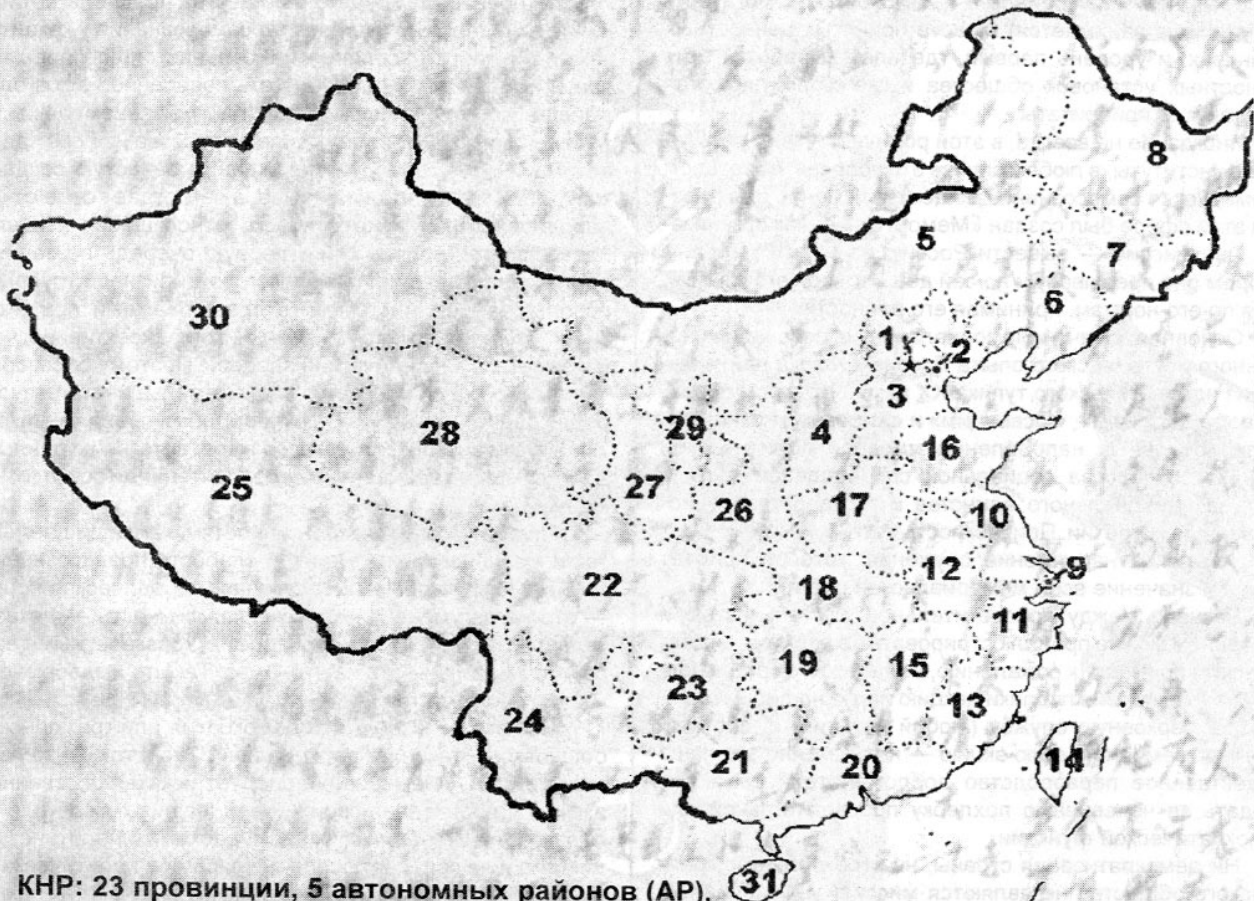
Все это не к тому, что демократия или гражданское общество — такие уж плохие вещи. Это к тому, что язык этот не наш. «Мемориалу» следует искать собственный язык для достижения своих целей (защиты людей), а не пользоваться заемным языком расхожих политических доктрин и не связывать себя альянсами с политическими силами, как бы симпатичны по целям и задачам они нам ни были, но говорящими на приблизительном языке практической политики (как это было с вхождением в «ДемРоссию»). Наш тезис, что «Мемориал» не политическая организация, не просто дань вынужденной необходимости (поскольку мы объединяем бывших зеков вне зависимости от их политических взглядов), а следствие иной общественной функции.

Мы должны создавать и поддерживать то ценностное поле, внутри которого должны действовать политические организации. Кстати, во многом слабость нашей политической жизни объясняется и тем, что действующие в ней политические силы, со своей стороны, также смешивают язык практической политики с языком морального максимализма, то есть вторгаются в функции, приличествующие именно «Мемориалу», обрекая себя на неуспех.

Подводя итог сказанному, уточним, что задачей нашей является не формирование общественного мнения, — это задача средств массовой информации. Наша задача и наша миссия — выявление ценностных ориентиров в нашей истории и в нашей современности, по которым можно нормировать современную политическую и общественную жизнь.

Китайская Народная Республика

КНР: 23 провинции, 5 автономных районов (АР),
3 города центрального подчинения

1. г.Пекин	17. Хэнань
2. г.Тяньцзинь	18. Хубэй
3. Хэбэй	19. Хунань
4. Шаньси	20. Гуандун
5. АР Внутренняя
Монголия	21. Гуанси-
Чжуанский АР
6. Ляонин	22. Сычуань
7. Цзилинь	23. Гуйчжоу
8. Хэйлунцзян	24. Юньнань
9. г.Шанхай	25. Тибетский АР
10. Цзянсу	26. Шэньси
11. Чжэцзян	27. Ганьсу
12. Аньхой	28. Цинхай
13. Фуцзянь	29. Нинся-
Хуэйский АР
14. Тайвань	30. Синьцзян-
Уйгурский АР
15. Цзянси	31. Хайнань
16. Шаньдун	

中国

Кшиштоф ЛОЗИНСКИ

Революции — 200 лет

Сто лет потерянного времени или три поворота Дэна

Этот рассказ я рекомендую прочитать тем, кто утверждает, что перемены в Китае протекают быстро, легко и без жертв, потому что там «все под контролем, посты укомплектованы кадрами, государство стабильно, а кока-кола и хот-доги вполне удовлетворяют потребности общества». Процесс перемен в Китае, от империи к гражданскому обществу, начался в начале XIX века серией поражений Маньчжурского двора. Это одна из величайших революций в истории мира, которая длилась почти двести лет и, поглотив около 300 миллионов жертв, все еще далека от окончания. С перспективы этих двухсот лет видно, что реформы Дэн Сяопина — это не конец дороги, а только очередной оборот колеса истории, который неизменно несет кровь, пот и зло вместо обещанногорая.

Другое государство, другие люди

На протяжении многих веков Китай не имел стыка с западной цивилизацией. Он сам собой представлял целый мир. В XIII веке в Китае насчитывалось 110 миллионов жителей, что составляло около 30% всего населения земного шара. Священная Римская Империя в это же время имела не более 10 миллионов, а Польша — около 2 миллионов. Сейчас в Китае насчитывается около 1,3 миллиардов жителей.

В 221 году до нашей эры начинается новый период в истории Китая: рождается империя Цин — тоталитарное государство, структура которого с небольшими переменами существует и в наше время. Во главе государства стоит император, обладающий абсолютной властью, такой, какой не имел ни один из европейских властителей. Небеса «дали ему власть над миром от места, где всходит солнце, до места, где оно заходит». Он окружен почестями, подобающими Богу. В понятии простых людей он не человек, но дракон, существо высшего порядка. Исполнители власти — чиновники-управляющие, поделенные на несколько категорий. Императорский указ заменяет им мораль.

В конфуцианском обществе каждый имеет свое место и исполняет свою роль. На вершине император, над ним небеса, ниже — государство с управляющей иерархией, еще ниже — работа и связанная с ней община, далее — родственники с культом предков и уважением к старшим, в конце — человек, мужчина, а на дне, на уровне домашней утвари, — женщина.

Европеец всегда был индивидуалистом, восточный же человек — членом клана. Угрозу государству китаец чувствует лично, а из мощи государства он черпает гордость. Оскорбление государства он трактует, как католик оскорбление костела.

Подчинение группе, служение ей — цель, а принадлежность является честью. В Европе честью считалось

противопоставление себя всем. В Древнем Китае, когда вождь хотел устрашить врагов своего войска, он вызывал приговоренных к смерти, которым давался шанс спасти свою честь. Они должны были выйти перед строем, издать «страшный вопль» и перерезать себе горло. Европейские властители были не менее жестокими, но такое никому из них не пришло в голову.

О позиции в группе свидетельствовали, кроме старшинства, связи и авторитет. Связи важнее, чем должность или титул. Можно сегодня быть министром, а завтра уже нет. Гораздо важнее поддержка войска и императорского двора. Авторитет тоже важен. Мастером в производстве фарфора, кулинарном искусстве или в кунфу считается тот, у которого другие хотят учиться. Для западных людей важен диплом. Для человека Востока он не имеет никакого значения. Не показывай бумаг, покажи, что ты умеешь. Это народная иерархическая лестница. Эти две категории всегда сталкивались. Когда доходило до восстаний, командиром карательного войска был человек со связями, предводителем крестьян — человек с авторитетом.

Призрак коммунизма кружит от века

Почему коммунизм привился в Китае? Демагогия попала на благодатную почву многовекового крестьянского освободительного движения. Тоталитарная империя с самого начала наталкивалась на сопротивление. Лишенные прав и достоинства крестьяне начали создавать нелегальные союзы, со временем описанные как тайные общества (хуэйданы). Крестьяне из близлежащих деревень объединялись для борьбы с разбойниками, а также выходами деспотов. На основе этих союзов родилась и развивалась народная борьба кунфу.

Тайные союзы были организаторами тысяч крестьянских восстаний. Для императорской армии состояние подавления какого-то восстания, а то и нескольких сразу, было перманентным. Быть может, Китай не вел много внешних войн потому, что в стране постоянно велась гражданская война, а для двора главным врагом было общество.

Идеология всех тайных объединений содержала общие элементы. Это были требования справедливости, свержения злого императора и замены его добрым, равных прав для всех, ограничения своеволия управляющих, изгнания чужеземцев (главным образом, миссионеров), одновременно — мечта о могуществе Китая. Когда в середине XVII века власть в "поднебесной" захватила маньчжурская династия Цин, целью множества тайных обществ стало возвращение династии Мин (1368-1644), которая установит справедливость. Вступающий в «Братство Южного Кулака» приносит присягу: «Вступаю в Братство, чтобы бороться за возвращение династии Мин, а если предам, пусть убьет меня тысяча ножей!»

Большинство хуйданов – это небольшие союзы, охватывающие одну или несколько деревень. Они имеют разный характер, от школ кунфу до христианских «домовых церквей», религиозных сект и даже полупреступных организаций. В этих движениях очень трудно разобраться, ибо они конспиративные, избегают контактов с иностранцами и прессой.

Слабостью крестьянских восстаний всегда был «синдром лягушки в колодце», то есть вытекающее из вековой изоляции состояние сознания общества, которое никогда не знало иного государства, чем империя, иного правления, чем тирания, иной работы, чем преодоление. Порой предводитель восстания свергал императора и сам становился императором, после чего делал то же самое, что его предшественник. Так было с

восстанием «Красных повязок» (1351-1368), которое свергло монгольскую династию, так было и с республиканской революцией 1911 года, и с коммунистической революцией. Династическая система обнаруживает удивительную способность самовосстанавливаться. Созданное коммунистами государство есть не что иное, как продолжение империи.

...22 августа 1904 года в деревне Пайфангцун в провинции Сычуань родился человек, который на протяжении всего XX века имел существенное, а временами и решающее влияние на все, что происходило в Китае. Это был Дэн Ксийан, известный в наше время как Дэн Сяопин.

Он был сыном землевладельца, жившего в большом 22-комнатном доме вместе с женой, тремя наложницами и слугами. Благодаря богатым родителям он смог получить образование. В 16 лет уехал учиться в Париж. Там, однако, вскоре бросил учебу. Работал во многих местах, в том числе на оружейной фабрике в Бургундии и на заводах Рено. Знание реалий западного мира повлияло в дальнейшем на его позицию, критичную по отношению к прагматике Мао Цзэдуну.

Революция и новая диктатура

В 1911 году в Китае началась буржуазно-демократическая революция. Императорская династия Цин была свергнута. Китайская Революционная Лига под предводительством Сунь Ятсена 1 января 1912 года провозгласила Китайскую республику. Временным президентом стал Сунь Ятсен.

Благодаря серии сложных компромиссов и авторитету Сунь Ятсена удалось избежать гражданской войны. Император Пу И отрекся от власти (императрица Цыси умерла в 1908 году), временный президент пошел на уступки. Новым президентом стал Юань Шикай. В 1913 году выборы в парламент выиграла Народная партия Гоминьдан, получившая 40 миллионов голосов.

Юань Шикай, старый военный и императорский бюрократ, всю жизнь вертевшийся в заговорах и интригах, не был демократом. Ему были противны парламентские дискуссии. Свое вступление во власть он ознаменовал убийством в марте 1913 года кандидата в премьер-министры Сун Цзяожэня. Затем перешел к запугиванию парламента. В 1914 году он упразднил провинциальные представительские органы. В 1915 году попробовал провозгласить себя императором. Годом позже умер, однако успел уничтожить зачатки китайской демократии.

Дальнейшее существование Китайской республики, вплоть до японского вторжения, – это период появления на сцене совершенно новых сил: Народной партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая. Этот период принес целый ряд перемен, которые постепенно могли бы привести к возникновению современного государства. Надежду на долгую счастливую жизнь похоронили иностранная интервенция и коммунистическая революция.

Сначала КПК и Гоминьдан действовали совместно, вплоть до 1927 года, когда произошел раскол и они стали открыто враждовать. В 1937 году они снова стали сотрудничать против агрессии Японии, однако и тогда доходило до стычек. Все время обе группировки поддерживались советской агентурой через Коминтерн.

С 1922 года во главе Гоминьдана снова стал Сунь Ятсен, человек образованный, воспитывавшийся на Гавайях, получивший медицинское образование в Гонконге, приверженец Трех Принципов: национализма, прав народа (демократии) и благосостояния народа. В 1927 году после раскола в Гоминьдане руководство принял Чан Кайши, начальник военной школы в Хуанпу, незадолго до этого через Коминтерн прошедший обучение в Москве. Вплоть до бегства на Тайвань он осуществлял твердую диктаторскую власть, ведя ожесточенную борьбу против коммунистических сил.

Разочарования и новые надежды

Китайская республика не оправдала надежд общества. Не улучшился быт, не прекратился террор, не кончились унижения Китая. Попытка реставрации империи Юань Шикаем, железная диктатура Чан Кайши, постоянные локальные войны и войны с коло-

ниальными государствами, гражданская война между коммунистами и Гоминьданом и, наконец, кровавая японская оккупация. Оказалось, что, когда у Китая появилась возможность модернизации, он не сумел этой возможностью воспользоваться, ибо политическая элита тоже страдала «синдромом лягушки в колодце», — она не знала иных стандартов, кроме террора и самодержавия. Самые добрые начинания теряли смысл, когда их пробовали реализовать традиционным способом. Например, в 1937 году Чан Кайши объявил борьбу с наркоманией. На улицы выставили гробы и судейские столики, за которыми сидели «судьи». Патрули хватили «наркоманов» по своему усмотрению. У них спрашивали фамилию, потом «суд» выносил приговор. Патруль отводил приговоренного на несколько метров, швырял под ноги приговор и стрелял в голову. Только в Кантоне было расстреляно несколько тысяч человек. Снижения уровня наркомании, однако, замечено не было.

Китайцы по-прежнему терпели унижения со стороны колониальных государств. К военным поражениям прибавился обычный расизм. На воротах городского парка в британском районе Шанхая аж до 1939 года висела табличка: «Собакам и китайцам вход воспрещен». Миссионеры проповедовали религиозную нетерпимость и презрение к китайским традициям. В то же время в Китае активно действовали агенты Коминтерна, сулившие обществу поголовной справедливости. Во многом именно колониальные государства толкнули Китай в объятия Коминтерна.

«Сделано в Коминтерне» (Hand made by Komintern)

По окончании Первой мировой войны решением Версальской конференции Японии отошли немецкие концессии в Китае и контроль над провинцией Шаньдун. Это послужило поводом для выступления студентов Пекинского университета. 4 мая 1919 года 3 тысячи студентов вышли на демонстрацию на площадь Тяньаньмэнь и были разогнаны полицией. Это было началом движения «4 мая» — патриотического и продемократического. В июле 1921 года под надзором агентов Коминтерна Г.Н. Войтинского из России и Г. Маринга из Голландии была основана коммунистическая партия Китая. Одним из тринадцати делегатов 1-го съезда Компартии был молодой участник движения «4 мая» Мао Цзэдун.

При помощи Коминтерна образовались молодежные «пристройки» партии, в том числе Лига китайской молодежи в Европе. В ней состояли живущие в Париже Джоу Эньлай и Дэн Ксисян (Дэн Сяопин), выпускающие газету «Красный свет». Дэн, который, благодаря работе на фабриках, имел достаточно технических знаний, обслуживал множительный аппарат. В 1926 году Дэн приехал из Парижа в Москву, где прошел обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока и стал профессиональным революционером. Время, когда Дэн и другие китайские активисты учились в Москве, — это самые черные годы сталинизма: искусственный голод, большая чистка, массовые ссылки в трудовые лагеря. Национальным героем был Павлик Морозов, который донес на собственного отца. В таких условиях формировались взгляды и методы работы Дэна и других.

Поначалу новая партия не могла равняться с Гоминьданом, который в 1923 году насчитывал около 50 тысяч членов, тогда как в КПК было только несколько сотен.

Скоро, однако, стало ясно, что семена коммунистической демагогии исключительно быстро прорастают на китайской почве — извечной тоске подневольного народа, голодного, неграмотного и измученного войнами. Этому благоприятствовал импульс сопротивления деспотичному режиму Чан Кайши и необыкновенной жестокости японских оккупантов, которые живьем закапывали людей и отработывали удары штыком на схваченных крестьянах.

Коммунизм — это обман, утопия. Поэтому в каждой стране коммунисты используют свою, наиболее подходящую к конкретным условиям, демагогическую теорию. В Афганистане один молодой человек объяснил мне, что он коммунист, потому что при капитализме автомобили наезжают на людей. В Калькутте я слышал, как агитатор толковал бездомным беднякам, что после революции и «прихода русских» они смогут есть все, что находится в магазинах. Азиатские бедняки постоянно балансируют на грани между поисками горсти риса и голодной смертью. Их жизненный горизонт ограничен поисками пропитания. Они готовы поддержать каждого, кто обещает сытую жизнь сейчас, а не через годы. Будущий год для них такая же абстракция, как для нас XXV век. Китайские агенты Коминтерна хорошо знали свой народ.

Великий марш

В начале 30-х годов впервые проявляется демонический гений Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна. Когда Чан Кайши, чтобы упредить атаку коммунистов, посадил в тюрьмы и расстрелял многих активистов КПК, нанеся партии большой урон, ей грозило полное поражение. Тог-

Главнокомандующий 8-й армией Чжу Дэ и его заместитель Пэн Дэхуай на фронте антияпонской войны.

Фото из журнала "Китайские рабочие", 1952, № 6

да Дэн и Мао придумали новую стратегию опоры на крестьянские движения. Мао организовал анклав – Советский район Цзянси — и начал партизанскую борьбу против войск Гоминьдана, отодвигая в сторону присланных из России советников Коминтерна, мечтающих о революции в лишенных промышленности городах. За это он попал в немилость Москвы, но Москва была далеко, а крестьянские хуэйданы, знающие местность и «натасканные» в вопросах конспирации, — под рукой. Тактика Мао и Дэна предусматривала нападение на противника из засад, когда продвигающаяся узкими дорогами армия была сильно растянута и не могла сконцентрировать больших сил в одном месте. Четыре карательные экспедиции правительственных войск против анклава закончились неудачей.

Пятая экспедиция войск Гоминьдана одержала победу над армией коммунистов. Чан Кайши прибегнул к помощи экспертов – немецких военных специалистов. В этот раз армия передвигалась, строя блокады, располагая их так, что они могли поддерживать друг друга огнем. Партизаны были бессильны против орудий, фортификационных сооружений и правильной тактики войск Гоминьдана.

Войска Мао были вынуждены искать новые позиции, чтобы отсидеться и восстановить силы. Это было непросто, потому что территория контролировалась правительственными войсками, местными генералами или подразделениями больших хуэйданов, таких как, например, «Союз красных копий». Все эти силы не хотели пропустить войска коммунистов. В 1934 году войска Мао были атакованы и двинулись на север. Сегодняшняя пропаганда представляет Великий марш как важную победу. На самом деле через год непрерывного отступления от сотысячной армии осталось около пяти тысяч. Выжил каждый двадцатый. Пешее войско может преодолеть расстояние в 10 тысяч километров только одним способом: до финиша доходят только командиры. Остатки армии осели в лессовых пещерах Яньани и сидели там аж до окончания войны с Японией.

В период Великого марша сформировались новые кадры. Дэн Сяопин стал военным комиссаром 8-й армии, составляющей половину вооруженных сил коммунистов. Он выполнял эту функцию на протяжении шестнадцати лет. Это было начало его карьеры. Раньше, в 1933 году, он подвергся резкой критике со стороны антимаоистской фракции за новую стратегию и противопоставление себя коминтерновскому подходу к революции. Даже жена ушла от него к одному из его главных противников.

Вторжение Японии в сентябре 1931 г. было трагедией для Китая и спасением для коммунистов. Годы войны, когда они, оставаясь в формальном союзе с правительством, фактически избежали борьбы с агрессором и росли в силе, позволили им построить армию. В это время войска Гоминьдана теряли силы в борьбе с современной японской армией.

Китай возвращается на дно

После капитуляции Японии в сентябре 1945 г. коммунисты возобновили гражданскую войну в Китае. Дэн Сяопин был уже членом ЦК КПК. Новая стратегия опоры на крестьянские хуэйданы начала приносить результаты. Часть тайных сообществ поддерживала Мао. Огромные поставки денег и оружия из России изменили существующее положение вещей в Китае. Наступлением на реке

Желтой, переломившим фронт, руководил необыкновенно способный командир Дэн Сяопин. Отряды Гоминьдана капитулировали. Измученный тиранией и войной, одурманенный пропагандой народ выдал огромный кредит доверия коммунистам. 1-го октября 1949 года Мао Цзэдун провозгласил Китайскую Народную Республику.

В то время пешая армия Дэна была одной из самых мобильных армий в мире. В 1949 году она завоевывает Восточный Туркестан (сейчас это Синьцзян-Уйгурский автономный район). В 1951 году занимает Тибет, чтобы оттуда сразу двинуться на помощь коммунистам в Корею, где наносит чувствительное поражение американским войскам. В 1959 году армия возвращается в Тибет, чтобы подавить восстание, убив при этом свыше миллиона тибетцев. Это называлось «мирное освобождение Тибета». Были и другие командиры в китайской армии, однако победы одерживал Дэн.

Хитрый и ревнивый политик Мао понимал, что те же силы, которые привели его к власти, могут его и свалить. Хозяйственная реформа должна была не только ввести коллективизацию по советскому образцу, но и разбить структуру хуэйданов. Вместо частных хозяйств были образованы тысячи народных коммун. Тайные общества и изучение кунфу были запрещены под страхом смерти. По стране прокатилась волна классовой борьбы, напоминающая массовое помешательство. Эта волна унесла около полутора миллионов жизней. Сумасшедший замысел сделать убийство коллективной акцией оказался необычайно эффективным. В этом случае нельзя было обвинить власть в том, что она проводит политику террора, ибо все принимали в ней участие, а тот, кто отказывался, мог сам разделить судьбу жертвы. Народ был поделен на пять красных и пять черных категорий. Черными элементами, подлежащими уничтожению, оказались представители интеллигенции, с таким трудом воспитанной реформаторами. Той самой интеллектуальной элиты, которая была наиважнейшим завоеванием борьбы с консервативным конфуцианством. Борьбы, длившейся 150 лет. Теперь эти люди оказались на самом дне. Образование стало позорным пятном, опасным для жизни.

Большинство руководящих деятелей КПК происходили из богатых и образованных семей. Такие люди, как Дэн, всегда помнили, что каждую минуту они сами могли быть

1 октября 1949 г. Мао Цзэдун объявляет об образовании Китайской Народной Республики.

Фото из книги: Китай. — Пекин: Синьсин, 1993.

названы «правыми» или «буржуазными контрреволюционерами». Ликвидация судебной системы и замена ее «митингами классовой борьбы» прошла гладко. Суд и право были нововведениями в Китае, которыми никто не дорожил. Журналистка Бетти Грахам (Betty Graham) в 1947 году описывала такую ситуацию: губернатор Хан Фуху покусился на жену одного юриста. Тот подал в суд и ... сам оказался приговоренным к двум годам тюрьмы. Он крикнул Хану Фуху: «Я знаю закон, вы не можете этого сделать!» Последний ответил: «Мои слова и есть закон, а твое понимание закона — чушь». «Митинги классовой борьбы» тоже не были чужды давней традиции. Одним из самых мягких наказаний со времен империи было ношение позорных цепей. На голову и руку приговоренного вешались тяжелые деревянные цепи, на которых была написана фамилия и описание преступления несчастного, «украшенные» бранными словами. Наряженного таким образом преступника водили по городу. Наказание могло продолжаться от месяца до года.

Во имя революции, несущей всеобщее счастье и справедливость, Мао уничтожал важнейшее достижение модернизации страны — хозяйство и, по сути, заново возводил империю, провозглашая при этом совершенно иную идеологию. Крестьян лишили не только собственности, но и каких бы то ни было прав, работников загнали в казармы и одели в униформу, а страна была изолирована от внешнего мира в большей степени, чем когда-либо раньше. Снова была выстроена бюрократическая иерархия аппарата КПК во главе с новыми мандаринами — политбюро ЦК. И поселились они, как раньше, под золотыми крышами Запретного города.

Мао знает — во что бы то ни стало он должен обеспечить две вещи: непрерывную пропаганду и террор. Только так он сможет сохранить свой необыкновенный феномен. Люди, лишенные всяких прав и пребывающие в нужде, какой не знали их деды, обожают императора. Люди верят, что Мао вернул им достоинство и приведет их к светлому будущему. Ведь мы все время одерживаем победы! Мы одолели помещиков! Мы присоединили Тибет! Побеждаем в Корее! У нас уже есть атомная бомба! Мы возводим Великую стену из людской массы!

Система опирается на коварное равновесие энтузиазма и страха. Новая власть поддерживает «справедливость и порядок». Провозглашает равноправие женщин, «ликвидирует» нищенство и проституцию. «Ликвидация» инфляции внушает надежду. Одновременно — кампании террора. С обезоруживающей искренностью Мао говорит, что «убивать следует ровно столько, сколько нужно, чтобы реально чувствовалась угроза возвращения террора».

Мао подозрителен. А может, некоторые люди только изображают энтузиазм? Нужно выявить заговорщиков. Значит, «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». Критикуйте, товарищи, смелее! Но через год Мао заявил: меня обманывают, пора «выполоть сорняки». Снова «митинги классовой борьбы» и снова трупы. Мао «заботливо» спрашивает: «Не слишком ли много людей мы караем?» «Масштаб кампании — не проблема. Мы должны уничтожить столько правых, сколько получится», — говорит его соратник Дэн.

Народу нельзя позволять думать, он должен постоянно с чем-нибудь бороться. А поэтому кампания за кампанией. «Кампания трех Анти (коррупции, бюрократии и расточительности)», «Кампания пяти Анти (против капиталистов)», «Надо учиться у китайской Народно-освободительной армии», «Каждый день, каждый месяц, каждый

год надо говорить о классовой борьбе!» — и так постоянно. Развивается «реформа мысли» (совсем как у Оруэлла). Пословица говорит: «Если хочешь укротить змею, держи ее за голову». А значит — одурманивание народа, всеобщий новояз: «Америка — это бумажный тигр на соломенных ногах», «атомная бомба — это бумажный карабин». В стране правит «диктатура народной демократии», это значит, что «демократия существует в массах, которые применяют диктатуру по отношению к своим врагам».

Портреты Мао везде, огромные, цветные. Мао — солнце, Великий Учитель, Великий Кормчий. Кругом нужда, голод и преклонение — как наркотик. Мао путешествует по стране в специальном вагоне-салоне в окружении сорока молоденьких наложниц. Дети поют о нем песенки:

Да здравствует председатель Мао.
Золотое солнце взошло на востоке,
Светит нескончаемым светом.
Восточный ветер веет на тысячу ли.
Великое море красных флагов.
Великий учитель, гениальный командир,
Многочуваемый председатель Мао.

Фото из журнала "Китайские рабочие", 1950, №3.

Высказывания Мао выдают истинное его отношение к народу: «Даже если 300 миллионов китайцев погибнут, все равно останется достаточно, чтобы построить коммунизм».

Великий шок.

Пятьдесят миллионов жизней

В то время, когда китайские коммунисты учились в Москве, в Советском Союзе было поставлено с ног на голову не только общество, но и природа. Всеобщая коллективизация, всеобщая электрификация, поворот рек в пустыни, строительство великих плотин и т.п. Результаты этой революции нанесли огромный урон обществу.

Для великих проектов преобразования природы нужны исполнители. Надо реализовать программы поворота рек, строительства дорог, индустриализации. Дэна учились в Москве и знает, кто строил плотины на великих сибирских реках. Вместе с Чжоу Эньлаем они создают копию советского ГУЛАГа — систему лагерей Лаогаи. Чжоу заготавливает на работы по повороту рек четыре миллиона заключенных. Через год половины из них уже не было в живых. С тех пор и по сегодняшний день система Лаогаи унесла,

самое меньшее, пятьдесят миллионов жизней. Это тоже одно из «великих» дел Дэна. Свидетели событий тех лет в один голос говорят, что Дэн был более скорым на репрессии и зверства, и, будь целиком его воля, значительно больше людей было бы арестовано и убито.

Марксизм, в отличие от других теорий, построенных на знании, опирается на невежество и доходит до отрицания не только всеобщих законов экономики, но и объективных законов природы. Марксизм заявляет, что основой хозяйства является тяжелая и добывающая промышленность, а именно – сталь и уголь. По традиции в Китае император управлял массами. Приказал построить Великую Стену – построили, приказал вырыть Великий Канал – вырыли. Соединение этого стиля управления с марксистским невежеством породило одно из самых идиотских мероприятий XX века – кампанию «Тигр делает большой скачок вперед».

Если Сталин может росчерком пера изменять границы государств, то почему бы Мао не позволить себе тем же способом изменить общество и природу? В 1953 году Мао объявил, что «настоящей Великой Стеной являются массы», и приказал увеличить естественный прирост. Уже были первые результаты. Кто бы мог предвидеть последствия? В конце концов, Сталин тоже не ожидал, что Сырдарья обмелеет, вместо того чтобы питать водой пустыню. «Большой скачок» был логичным последствием того стиля мышления и деятельности.

Творцы «большого скачка» Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин решили радикально увеличить производство стали методом отдания приказа обществу. Каждая деревня, коммуна, фабрика и даже школа была обязана плавить железо. «Три года упорной работы, десять тысяч лет счастья», – обещает Мао. Брошена работа на полях, построены печи, и, поскольку в большинстве деревень не было железной руды, в переплавку пошли металлические предметы. Неграмотные крестьяне в металлах не разбирались и плавил что попало. Писательница Юн Хан

вспоминает, что по пути в школу она подбирала гвозди, куски проволоки, а потом плавил этот мусор в печи. «Правда, то, что выходило, мало напоминало железо». По всей стране рабочий инструмент был переплавлен в бесполезный железный лом. До сих пор эти небольшие терриконы, поросшие сорняками, красуются на окраинах многих китайских деревень.

Маршал Пэн Дэхуай после инспекции в Хунани написал Мао: «Зерно рассыпано по земле, картофельная ботва посохла, молодые сильные люди пошли плавить сталь, только старые женщины и дети убирают урожай. Будут ли они в состоянии пережить следующий год? Позвольте мне выступить в защиту народа. Не могу больше молчать». В ответ Мао сместил его с должности и жестоко отомстил ему во время «культурной революции».

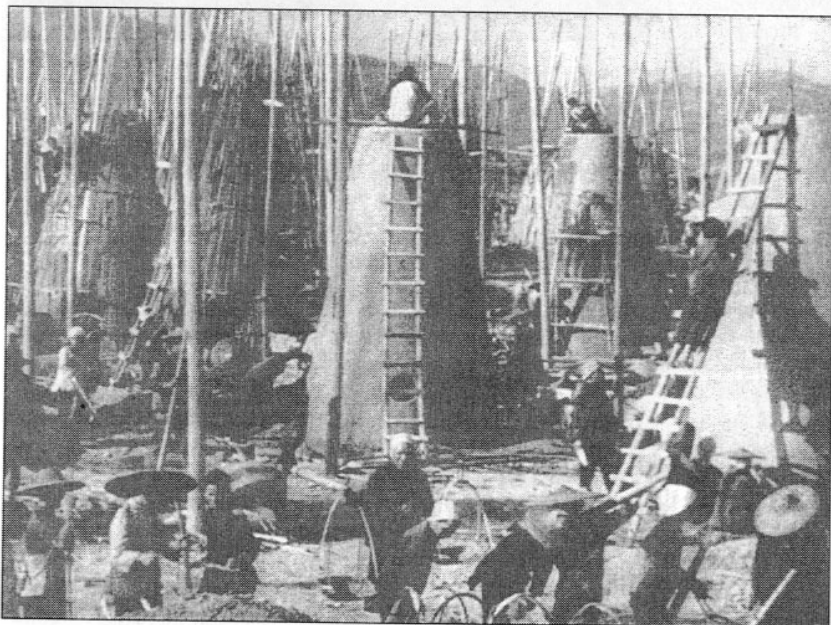
Вместо того чтобы, как ожидалось, обогнать Англию в производстве стали, получили провал в хозяйстве. Остановка сельскохозяйственных работ и уничтожение инструмента привели к резкому спаду сельскохозяйственной продукции. Мао должен был найти виноватого. Ими оказались воробьи, которые «поели зерно».

Воробей может быть в полете только несколько десятков секунд. Если пугать его, не давая ему сесть, то он умирает от разрыва сердца. По всей стране молодежь бросила учебу и, стоя на крышах, балконах и везде, где только было можно, махала длинными ветками, гремела и пускала петарды. Мертвых воробьев нанизывали на шнурки. Ими заполняли кузова грузовиков, которые торжественно дефилировали по главным улицам городов. Воробьи прятались в немногих оазисах покоя, в том числе в польском посольстве. Китайцы обратились со специальной нотой, в которой содержалась просьба к полякам дать согласие уничтожить воробьев на их территории. В ответ на отказ люди с бубнами окружили посольство. Через два дня поляки лопатами собирали мертвых воробьев.

Результатом истребления воробьев было нашествие гусениц, которые сожрали посевы. Трехлетний голод, когда вымирали целые деревни, а люди ели трупы, принес, самое меньшее, 43 миллиона жертв. Сохранился документ того времени – приговор: 25 лет трудового лагеря за «покушение на государственную собственность (поедание коры с деревьев)». В Лаогаи было отправлено 20 миллионов человек. На свободе нечего было есть, а в лагерях – тем более.

«Двор» же, по традиции, купался в роскоши. Когда во время одного из приемов в зале появилась муха, все блюда немедленно отправили в мусорницу, а на столах тут же появились новые.

Какова была роль Дэна в этом безумии? Все говорит о том, что он активно поддерживал все замыслы Мао, будучи членом Политбюро ЦК КПК. Мао говорил о нем: «Дэн – это мой заместитель». Известно также, что Дэн принадлежал к числу тех руководителей, которые до последнего момента отстаивали политику «большого скачка», но, когда нужно было исправлять то, что натворили, он без лишних слов брался за работу. Дэн всегда был сторонником принципа: меньше болтовни, больше дела.

...Мини-печи для выплавки металла выросли как бамбук после дождя. Они строились на улицах, площадях, возле жилых домов, во дворах учреждений, в школах, больницах, детских садах...

Фото из книги: Гао Линвэй, Н. Солнцев. Китай: стены и люди. — М.: Планета, 1980.

Великое безумие. Хунвейбины

Мао был поражен последствиями своего замысла. Исправлением их занялся Дэн Сяопин. Его фраза: «Частное хозяйство – это неплохо, если приносит эффект. Не важно, белый кот или черный, лишь бы ловил мышей». Его рыночные эксперименты критикует догматик Чен Юн: «Птичка может порхать, но только в клетке. Если не будет клетки, птичка улетит».

Великий голод принес отрезвление. Энтузиазм любви к Великому кормчему изрядно увял у голодных крестьян. Мао почувствовал опасность. Все большую популярность приобретали военные командиры Дэн Сяопин, Джу Дэ, Пэн Дэхуай. Конкурентов следовало убрать, а не проявляющих энтузиазм – традиционно убить.

В 1966 году Мао начинает Великую Культурную Революцию. Ее орудием становятся хунвейбины — Красная молодежь, склонная к агрессии, легко возбудимая и поддающаяся манипуляции. Во главе хунвейбинов стала жена Мао Цзян Цин. На площади Тяньаньмэнь Мао встречается с хунвейбинами. После этого подростки собственной кровью писали домой письма о том, что пережили самый счастливый день в жизни – увидели Мао. Страна охвачена угаром массовых убийств. Доходит даже до каннибализма. Подвергаются унижению на «митингах классовой борьбы» и погибают в страшных муках наиболее ценные для страны люди – учителя, деятели науки, образованные командиры. Уничтожаются книги, за исключением трудов Мао. Вождь заявил: «Чем больше читаешь, тем глупее становишься». Официальные китайские историки признают, что погибло свыше миллиона человек (известно, что Дэн Сяопин говорил о трех миллионах). Но и эта цифра неверна. По крайним оценкам их 50 миллионов.

Целью «культурной революции» было уничтожение руководителей партии, которые своим влиянием и авторитетом представляли опасность для Мао. Одним из таких людей был и Генеральный секретарь КПК Дэн Сяопин. В 1967 году он был отстранен от выполнения своих обязанностей, арестован, заклеен на «митингах классовой борьбы» и сослан в деревню. Читит трактора в колхозах, но и там, несмотря на угрозы, не перестает играть в бридж, нарушая запрет Мао. Председатель республики Лю Шаоци объявлен «капиталистом номер 1» и убит. Дэна назвали «капиталистом номер 2, карликом, деспотом и собачьей головой». Однако он выжил. Похоже, что его оберегали Чжоу Эньлай и военные руководители. Сын Дэна, студент, был подвергнут жестокой травле. В конце концов хунвейбины выбросили его из окна пятого этажа. До сих пор он парализован.

А Мао все еще мало. Он решает уничтожить новое поколение кадров, недавних исполнителей своих безумных замыслов. В 1973-1974 годах разворачивается кампания «Критики Конфуция и Линь Бяо» (главного командира «культурной революции»). Линь Бяо погиб, когда пытался бежать на самолете в СССР. Дэн Сяопин снова поднимается на вершину власти. Однако он вступает в конфликт с группой, сосредоточенной вокруг Цзян Цин, названной позже «бандой четырех». Цзян Цин явно намеревается принять власть после Мао. Она говорит: «Политбюро – это я» — и велит называть себя «председательницей ЦК КПК». В 1975 году Цзян Цин начинает кампанию «Борьбы с правым ветром». Ее цель – Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Один умирает в 1976 году, второй – снова удален от власти.

Великий перелом. Китай после Мао

Когда в сентябре 1976 года умирает Мао Цзэдун, страна находится в худшем состоянии, чем перед восстанием «Белого Лотоса» (1796). Большинство людей, получивших, благодаря усилиям реформаторов, образование в начале века, уже нет в живых, библиотек нет, неграмотность приобретает размеры, неведомые уже несколько веков. Законов снова не существует.

Экономика в руинах. Основа сельского хозяйства – рис, выращиваемый вручную, земля обрабатывается деревянной сохой. Основа промышленности – подневольный труд заключенных Лаогаи. Культурной и политической жизни в стране не существует. Никогда китайский народ не был таким бесправным, как при Мао. В международной политике Китай находится в изоляции. Единственными его союзниками являются Северная Корея и Албания.

После короткого периода борьбы за власть, названного «Кампанией уничтожения Банды Четырех» и удаления слабого преемника Мао Хуа Гофена, к власти приходит Дэн Сяопин. Его экономическая реформа последовала

"Со времен "большого скачка" и по сей день у нас в стране есть люди, которые умирают от голода. Разве это говорит о прекрасном положении в стране?"

Чэнь Юнь — член Политбюро ЦК КПК.

Из выступления на III пленуме ЦК КПК в 1979 г.

Фото из книги: Гао Линвэй, Н. Солнцев. Китай: стены и люди. — М.: Планета, 1980.

тельно восстанавливает страну и дает надежду на будущее. Сейчас, после его смерти, как народ, так и иностранные политики охотней вспоминают его реформы, чем 200 миллионов жертв коммунизма, значительная часть которых на его совести.

1977 год был часом мести Дэна, который вскоре (в 1978 г.) захватил полную власть в государстве. Похоже, что это он инспирировал на Западе появление описаний сексуальных походов Мао. Цзян Цин, жена Мао, приговорена к смертной казни.

В Пекине при поддержке Дэна построена Стена Демократии, на которой молодые сторонники режима вывешивают стенгазеты (дацзыбао), — все это нужно Дэну в борьбе за власть. Когда цель была достигнута, авторы газет были арестованы. Вскоре Дэн заявил: «Пресса должна заниматься пропагандой, а не критикой партии».

В 1979 году Дэн провозгласил программу «Четырех Модернизаций»: сельского хозяйства, промышленности, науки и техники (вместе с армией). Одновременно как бы ограничением для «Четырех Модернизаций» должны стать четыре базовых принципа китайского пути: социализм, диктатура пролетариата, руководство партии, марксизм-ленинизм, мысли Мао Цзэдуна. Рецепт ясен: хозяйственные реформы — да, политические реформы — нет.

Первые годы правления Дэна приносят огромные перемены. Сообразительный вождь возвращает мелкую частную собственность на землю и разрешает элементы свободного рынка — «капитализм для некоторых». Вводит строгое регулирование рождаемости (включая «добровольную» стерилизацию), борясь с перенаселением страны. Таким образом он начинает, как это уже было после «большого скачка», исправлять последствия политики, которую сам же проводил. Китай возобновляет отношения с миром, которые были полностью разорваны. Он начинает с политики бриджа и пинг-понга, иными словами, посылает представителей на спортивные соревнования. В ответ на недовольство товарищей по партии тем, что западные взгляды проникают в Китай, Дэн говорит: «Через открытое окно влетают мухи, но не можем же мы задыхаться».

Экономический рост достигает 10 процентов в год. Открытость экономики притягивает заграничный капитал. Однако Дэн не строит капитализм, а строит коммунизм на капиталистические деньги. Одна из основ экономического успеха — использование в огромных масштабах дармового труда заключенных. Особенно эффектным успехом Дэна является победа на переговорах по поводу присоединения Гонконга. В 1982 году он просто заявил премьеру Великобритании: «Если через год переговоры не будут закончены, то я сам объявлю, что будет с Гонконгом».

«Площадь Тяньаньмэнь, апрель 1976 г. Демонстрация протеста против "банды четырех».

Фото из журнала "Index on Censorship", 1997, №1.

«В результате длительной и тщательной работы удалось выявить группу (10-12 человек) из числа наиболее упрямых злостных элементов, сеющих смуту у «стен демократии». Обращаю Ваше особое внимание на то, что в группе есть и военнотруженики».

Из секретного донесения начальника одного из районных отделений Комитета общественной безопасности в вышестоящую инстанцию. Март 1979 года.

Позже, во время визита Маргарет Тэтчер, он ведет себя откровенно грубо. Когда соглашение уже подписано, он обрывает «железную леди» на полуслове и уходит. Таким поведением он добивается уважения китайцев. «Сын Небес» припомнил англичанам былые унижения. Соглашение содержит формулу: «Одна страна — две системы», что позволило госпоже Тэтчер сохранить лицо среди своих избирателей, хотя людям, знающим Китай, ясно, что после объединения никаких двух систем не будет. На сегодняшний день уже нарушены многие пункты того соглашения.

Зимой 1986 года тысячи недовольных отсутствием политических реформ студентов выходят на площадь Тяньаньмэнь. Дэн требует решительной расправы с демонстрантами, но некоторые члены правительства, группирующиеся вокруг Ху Яобана и придерживающиеся более либеральных взглядов, разряжают ситуацию.

Дэн жаждет крови. Он говорит: «Не надо бояться жертв». Но и в этот раз приверженцам либерального курса удается разрядить ситуацию. Все участники демонстрации были арестованы и ... отвезены на занятия. Ху Яобан попал в немилость и был отстранен от власти.

В 1989 году Ху Яобан умирает. Студенты снова выходят на площадь Тяньаньмэнь. В это время в Китай приезжает с официальным визитом лидер ЦК КПСС Горбачев. На этот раз демонстрация достигает огромных размеров, волнение переносится в другие города Китая. В них принимает участие несколько миллионов человек. Дэн стягивает в Пекин 400 тысяч солдат. В ночь с 3 на 4 июня отдается приказ начать атаку. Начинается резня студентов и жителей Пекина. В городе расправа длится целый день, а отдельные столкновения возникают еще на протяжении пяти дней. Китайские власти утверждают, что погибло только 25 человек. Через месяц они говорят: «Около сорока», а через год — «около двухсот». В 1996 году объявлены «в первый раз правдивые данные»: 931 человек убит и 25 тысяч ранено. По неофициальным сведениям из хорошо информированных военных кругов 40 тысяч человек было убито и около 20 тысяч казнено позже.

Дэн на весь мир объявляет, что виноват во всем премьер Ли Пэн, который публично признался, что это он отдал приказ к атаке. Дэн применил в отношении Ли Пэна тот же самый социотехнический прием, что Мао по отно-

шению к нему во время кампании «Ста Цветов». Когда Ли открыто поддерживает резню, Дэн заботливо спрашивает: «А не нарушим ли мы тем самым права человека?» В узком же кругу он награждает и хвалит командиров акции. Он говорит: «К счастью, еще есть старые товарищи, которые знали, что делать». Дэн явно доволен результатом. Студенты оскорбили его, а этого Дэн никому не прощает. Он не мог даже проехать с Горбачевым, который его тогда посетил, в другую часть города. Сидел, как осажденный, в Запретном Городе и показывал Горбачеву демонстрацию из окна. Говорил: «Смотри, там творится история», но когда Горбачев уехал, отдал приказ расстрелять эту историю.

Когда 27-я армия, которая, как считалось, была на стороне Ли Пэна, через несколько дней заканчивала резать жителей Пекина, за городом в боевой готовности стояла верная Дэну 38-я армия. Население видело в ней избавителей. У солдат на рукавах были белые повязки (в Азии это цвет траура). Если бы дело повернулось плохо, старый игрок Дэн вступил бы в город во главе 38-й армии как спаситель народа, в который сам же и приказал стрелять.

(В это время в СССР, на съезде народных депутатов, академик Андрей Сахаров призвал публично осудить китайские власти за бойню на Тяньаньмэнь и отозвать советского посла из Пекина. Горбачев распорядился отключить у Сахарова микрофон, а коммунисты, составляющие большинство депутатов, диким ревом и оскорбительными выкриками встретили выступление Андрея Дмитриевича – прим. ред. «Карты»).

Бойня на площади Тяньаньмэнь разорвала последнюю нить сантиментов, которая связывала власть и общество. «Дэн, ты должен уйти!» – скандировали студенты. Во время боя с солдатами мужчины мочили ладони в крови и писали на стенах: «Кровь за кровь» и «Смерть Ли Пэну». Коммунистическая идеология была уже мертва, и одновременно история повернула колесо. Как известно, Коммунистическая партия Китая родилась из движения «4 мая», которое началось после разгона студентов на площади Тяньаньмэнь в 1919 году.

Экономические реформы Дэна дают побочные эффекты. Партия все больше теряет власть. Принадлежность к партии уже не является необходимым условием построения карьеры. На вновь возникающих капиталистических предприятиях уже не создаются первичные парторганизации. В деревнях стал оживать злой призрак всех китайских династий – тайные общества. Местные власти все чаще вынуждены либо договариваться с ними, либо вести вооруженную борьбу. Каждый год армия подавляет несколько тысяч локальных крестьянских бунтов. Одновременно в невиданных доселе масштабах развивается преступность и коррупция. Бывшие руководители коммунистической партии создают крупнейшие мафиозные организации. Когда в 1996 году ФБР накрыло огромную партию контрабандного оружия, предназначенного для чикагской мафии, оказалось, что за ней стоят китайские предприятия, руководимые сыном Ли Пэна и дочерью Дэн Сяопина. Это одно из самых больших противоречий современного Китая.

Во всем мире главным оружием в борьбе с коррупцией является запрещение совмещать государственную должность с занятием частным бизнесом. В Китае же люди, стоящие у власти, контролируют частный капитал, часто связанный, с одной стороны, со службами безопасности и армией, а с другой – с международными преступными группировками. Государственная власть создает види-

1980г. Спортивная реклама вытесняет портреты Мао.
Фото из журнала "Index on Censorship", 1997, №1.

мость борьбы с преступностью, расстреливая публично на стадионах мелких воришек и случайных людей, а на самом деле проводит политику, способствующую росту преступности и коррупции. Такое государство не может победить коррупцию и бандитизм, ибо еще ни одна власть в мире не победила самое себя.

Экономические реформы привели к огромному раслоению общества. Одни богатеют сверх меры, другие теряют работу и попадают в нужду. Китайское общество представляет собой взрывоопасную смесь, эдакое «кипение под крышкой».

Дэн знал об этом состоянии общества. Во время одного из своих последних выступлений он сказал: «Товарищи, мы не знаем, как перейти через эту реку». Он понимал, что, начиная реформы, выпустил на волю силы, которые никто не сможет более удерживать. Он был достаточно умен, чтобы понимать: командовать в государстве традиционными методами иерархии и террора больше не удастся. Начал проводить систематизацию законодательства. При этом речь не шла о более справедливом обществе, но о поисках более эффективных механизмов управления государством. Суть его правовой реформы заключалась в совершенствовании процедур, сами же законы оставались абсолютно недемократичными.

В последние годы Дэн удалился в тень. В 1990 году он ушел с последней государственной должности. Управлял с помощью секретариата, руководимого его дочерью. Одним словом, последние три года в государстве правила дочь немощного вождя, та самая, связанная с чикагскими гангстерами. С 1994 года Дэн не показывается на людях. В это же время начинается «откат»: политическая оттепель заканчивается, усиливается террор. В несколько раз увеличивается число смертных приговоров, возрастает число заключенных в трудовых лагерях.

В завещании Дэн написал, что не желает для себя мавзолея и хочет, чтобы тело его было кремировано, а прах развеян над Китаем.

Мир предпочитает помнить его успехи, а не поражения; видеть в нем того, кто позволил построить ресторан «Мак Дональдс» на площади Тяньаньмэнь, и забыть о том, что он был соавтором системы, которая поглотила 200 миллионов человеческих жизней.

Баланс в конце века

Что можно записать в плюс реформам Дэна?

Более чем 10 процентов ежегодного экономического

Площадь Тяньаньмэнь, май 1989 г. Демонстрация протеста.

Фото из журнала "Index on Censorship", 1997, №1.

роста. Однако нельзя забывать, что каждая цифра, прибавленная к малому основанию, дает большой процент. В абсолютных цифрах этот прирост не так уж велик.

Возвращение мелкого частного хозяйства и окончание периода голода. Некоторые публицисты пишут, что «Китай впервые за свою историю избавился от голода». Это неправда. В давние времена голод возникал в периоды войн и стихийных бедствий, так же как и во всех других странах. В нормальное время голода не было. Последний период непрерывного голода был обусловлен именно коммунистическим способом хозяйствования.

Строительство рынка и развитие промышленности. Здесь тоже есть оговорки. Это дикий капитализм, структура которого выглядит отсталой даже по сравнению с экономикой Индии. В китайском гражданском праве нет точных определений таких основополагающих понятий, как «собственность» и «правоспособность», что дает почву для любого произвола.

Несомненным прогрессом можно назвать открытие Китая для мира и окончание изоляции, длившейся веками. Впервые после революции китайцы получили возможность выезжать за границу, правда, только в служебные командировки, да и то, в большинстве случаев, за взятки. И коснулась эта перемена менее чем 1% населения.

Успехом можно назвать и силу китайской армии. Китай имеет на вооружении около 400 ядерных боеголовок и большую, оснащенную современным оружием армию. Наверное, ни одна страна не способна напасть на Китай и нанести ему унижающее поражение. С другой стороны, в китайской армии процветает коррупция. Военные занялись бизнесом, а это огромная опасность для любой армии.

Большое значение имеет реформа права, однако на практике она сталкивается с массой препятствий, из-за того что уровень образования и сознания людей не готов ее воспринять.

А каковы минусы реформ Дэна? Главный их порок в том, что они призваны избавиться от половины абсурдных черт коммунизма, оставив вторую половину неизменной. Расширить сферу свободы — значит только ослабить око-

вы, вместо того чтобы их снять. Конечно, для людей, которые всю жизнь провели в оковах, и это успех. Повышение уровня жизни почти не коснулось крестьянской массы. По-прежнему главное орудие земледелия — деревянная соха. На одного владельца земли приходится десять безземельных.

Появился новый класс капиталистов, связанный с преступным миром и, одновременно, с аппаратом власти, полицией и армией. Коррупция приобрела масштабы, о которых не слышали даже при императорском дворе. Снова встала старая проблема — найти непродажного чиновника.

В сфере политических реформ Дэна не сделал даже того, что в свое время удалось императрице Цыси. С реформами Сунь Ятсена нечего и сравнивать. В 1913 году в Китае был демократически выбранный парламент! Через восемьдесят лет нет даже демократически избранного сельского старосты. С точки зрения политического устройства Китай продолжает оставаться традиционной конфуцианской империей.

(В декабре 1998 года в Китае судили двух инакомыслящих «за планы создания и регистрации демократической партии».

Нынешний Председатель КНР Цзян Цзэминь 18 декабря 1998 года заявил: «Китай никогда не будет копировать демократические институты Запада» — прим. ред. «Карты»).

Западные державы не могут, как прежде, проводить политику канонеров, но продолжают мыслить о Китае в категориях колониальных. Заграничные фирмы используют труд заключенных Лаогаи без угрызений совести. Они забывают о правах человека сразу, как только возникает угроза их денежным интересам. Правящей же верхушке, как и встарь, иностранный капиталист ближе, чем собственный народ.

Спустя 200 лет Китай так же далек от понятий современного государства и гражданского общества, как и в начале этой дороги.

Перевод с польского: Ю. Серета
Подготовка к печати: С. Романов

Аньян, Северный Китай. Новый торговый центр в древнем городе. На прилавках сколько угодно порнографических журналов, но — ни слова о политике.

Фото из журнала "Index on Censorship", 1997, №1.

Китай в XX столетии

- 1900-1901.** Антиимпериалистическое Боксерское восстание; войска Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии занимают Пекин.
- 1911.** Буржуазно-демократическая революция против императорского правительства; реформатор Сунь Ятсен становится первым временным президентом Китайской республики.
- 1912.** Сунь Ятсен провозглашает в Нанкине Китайскую республику; император отрекается от престола, конец династии Цин; Сунь Ятсен образует партию Гоминьдан.
- 1921.** Образование Коммунистической партии Китая.
- 1920-1926.** Гражданская война в Северном и Среднем Китае; правительство Гоминьдана в Кантоне.
- 1931-1932.** Японское наступление на Маньчжурию.
- 1934-1935.** Коммунистическое движение консолидируется во время Великого северного похода, несмотря на большие потери в борьбе против Чан Кайши.
- 1937.** Японская резня в Нанкине; 300 000 погибших.
- 1949.** Победа коммунистов в гражданской войне; Чан Кайши бежит на Тайвань. 1 октября Мао Цзэдун провозглашает в Пекине Народную Китайскую Республику.
- 1950.** Начало корейской войны, в которой Китай бросает в бой 350 000 "добровольцев".
- 1950-1951.** Наступление на Тибет.
- 1958.** Полная коллективизация сельского хозяйства (народные коммун); "большой прыжок вперед" приводит к драматическим последствиям — голоду и нужде; 30 миллионов погибших.
- 1959.** Восстание в Тибете; бегство Далай-Ламы.
- 1960.** Разрыв отношений с Москвой и вывод советских специалистов.
- 1964.** Китай взрывает атомную бомбу.
- 1966.** Начало "Великой культурной революции", хунвэйбины терроризируют своих учителей, миллионы интеллигентов отправляются на принудительные работы; Мао избавляется от внутрипартийной оппозиции.
- 1969.** Пограничный конфликт с Советским Союзом на реке Уссури (остров Даманский).
- 1971.** В апреле КНР посещает сборная США по настольному теннису; начало "дипломатии пинг-понга" осторожного премьера Чжоу Эньлая. Министр обороны Линь Бяо погибает при попытке бегства после неудавшегося путча.
- 1972.** Президент США Никсон в Пекине.
- 1976.** 8 января: смерть Чжоу Эньлая. 9 сентября: смерть Мао Цзэдуна. Арест в октябре леворадикальной "банды четырех", образовавшейся вокруг вдовы Мао Цзян Цин.
- 1978.** Реабилитированный вице-премьер Дэн Сяопин добивается признания в ЦК в результате своего умеренного экономического курса; начало времени реформ.
- 1979.** Поворот к Западу; Дэн Сяопин едет в США.
- 1989.** Студенческие демонстрации в Пекине переходят в движение протеста за развитие демократии. Вмешательство армии; около 3000 погибших в схватках 3 и 4 июня на площади Тяньаньмэнь.
- 1992.** Дэн усиливает свой курс политической открытости в результате поездки в процветающие прибрежные регионы Южного Китая, одновременно проводя политические репрессии.
- 1996.** После многократных проведенных ядерных испытаний Пекин заверяет, что больше не будет проводить дальнейших атомных испытаний.
- 1997.** Кровавые столкновения с воинствующими мусульманскими сепаратистами в начале февраля в Хингане. 19 февраля: Дэн умирает в возрасте 92 лет; руководство партии объединяется вокруг Дзян Дзэмина. 1 июля: Народная Республика принимает суверенитет над британской колонией Гонконг и объявляет ее автономным регионом с отдельным управлением.
- 1998.** Всекитайское собрание народных представителей утверждает Дзяна на посту председателя КНР на следующие пять лет. Июнь: государственный визит американского президента Билла Клинтона в Пекин.

По материалам журнала "Der Spiegel"
Перевод с немецкого: Ольга Семенова

Лаогаи (laogai) – это китайский концентрационный лагерь, а точнее – один из видов китайских лагерей принудительного труда. В пенитенциарной практике Китая лагерь представляют собой основной «инструмент диктатуры народной демократии». Они делятся на *kanshousuo* – «учреждения предварительного заключения», «исправительно-воспитательные учреждения» (для несовершеннолетних от 13 до 18 лет); *laojiao* – «центры трудовой реабилитации» (слово «реабилитация» здесь используется в медицинском понимании – «восстановление» – прим. ред.); *laogai* – «исправительно-трудовые учреждения» (для политических заключенных); *laodong gaizao* – «учреждения трудового перевоспитания» (для уголовников).

Эти учреждения отличаются от обычных тюрем тем, что в них попадают заключенные, принадлежащие к категории *xizheng chufen* – осужденные в административном порядке. Каждое из этих учреждений предназначено для определенной категории заключенных и отличается от других условиями отбывания наказания. Например, «центры трудовой реабилитации» предназначены для «бродяг, контрреволюционеров, совершивших не очень тяжкие преступления, или тех, кто отказывался работать либо был выгнан с работы». Здесь условия несколько лучше, чем в лаогаи. Во всех лагерях заключенные поделены на категории, которые отличаются размером продовольственного пайка, например, 15 юаней, 21 юань в месяц и т.д. (соответственно, 2 USD, 3 USD, по курсу на то время, когда производились эти подсчеты). Несмотря на высокую инфляцию, автор статьи не имеет информации о том, чтобы эти ставки повышались.

18 кругов ада

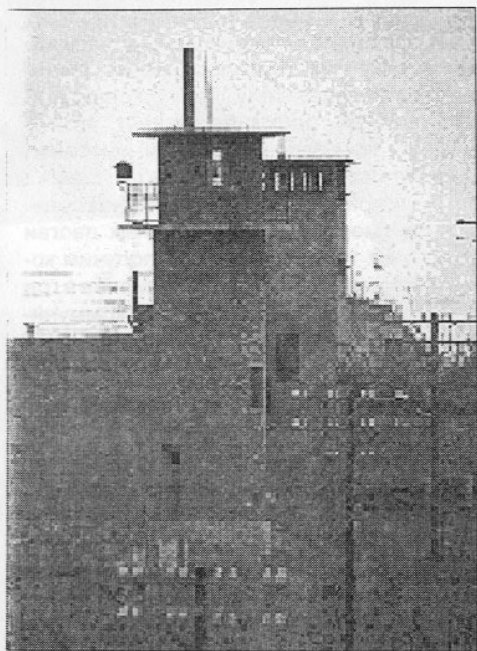
В Китайской Народной Республике существует расширенная система внесудебной слежки и наказания. Основа этой системы – бюро «комитетов жителей» (от 100 до 600 домовых хозяйств), «народных коммун», «производственных бригад» и «производственных групп». В этих бюро находятся личные дела каждого из жителей, в которых содержатся все данные о человеке, от начальной школы и до старости. Эти дела передаются при каждой смене места жительства или работы. В них заносятся результаты работы, активность во время политических кампаний, а также – доносы. Дополнительный контроль осуществляется с помощью «домового реестра» – специального удостоверения личности, в котором обозначена принадлежность человека не к семье, а к производственной единице (например, бригаде). Существуют реестры сельские и городские. В сочетании с «книжкой государственной системы социальной опеки», недействительной

вне места регистрации, такой документ является мощным инструментом контроля государства над жизнью гражданина. В этом удостоверении отмечена, например, приписка гражданина к одной из «пяти красных категорий» или к одной из «пяти черных категорий».

Принадлежность к категории *zhishifenzi* (интеллигент, дословно – имеющий образование) или признание человека «правым» может иметь самые серьезные последствия, особенно учитывая, что эта запись следует за человеком всю жизнь. Писатель Чжан Санлянь был назван «правым» в критической статье о поэме, которую он написал. На этом основании он был осужден на «митинге классовой борьбы». Слово «осужден» не означает здесь приговора суда. Просто партийный активист созвал собрание, на котором объявил, что отныне писатель срочно будет помещен в лагерь труда лаогаи. В изданной в Польше автобиографической повести он вспоминает, что через четыре года в лагере, где он остался жив потому, что «сумел выползти из-под горы трупов», его перевели в категорию «работника, самостоятельно зарабатывающего на свое содержание», и был освобожден. При росте 175 см весил 44 килограмма. Затем он был

Лаогаи – не просто система лагерей. Это основной инструмент коммунистической диктатуры

Завод тяжелого машиностроения в Лайянг – лагерь лаогаи.

направлен на производственную ферму, расположенную в полупустыне на границе Хинганских гор с очень суровым климатом. Работал практически так же, как в лагере, только что без охраны. В месяц каждому полагалось 12,5 кг хлеба (т.е. 417 г в день. Для сравнения: в сталинских лагерях 400 г – штрафная норма. Средняя же норма была 600 г в день – прим. ред.) и две пачки папирос. «Платили 18 юаней (2,5 USD). Я перенесся из семнадцатого в восемнадцатый круг ада...» (в буддизме ад имеет 18 кругов).

Чжан познакомился с женщиной и получил разрешение жениться, но не знал, что уже есть административное решение высшего уровня о переводе его в бригаду усиленного режима. Формально будучи не заключенным, а «работником, самостоятельно зарабатывающим на свое содержание», не имел права покидать места жительства и встречаться с людьми извне. 10 часов в день двигал камни на строительстве канала. «Вскоре, когда был брошен призыв «каждый час, каждый день, каждый месяц надо говорить о классовой борьбе», за «контрреволюционное сочинение» я был приговорен к трем годам «работы под надзором» в той же самой бригаде. Во время «кампании социалистического воспитания» за то, что якобы добивался пересмотра своего приговора, получил очередные три года лагеря. Когда, отбыв срок, вернулся в деревню, как раз шла «культурная революция». Был произведен в «контрреволюционные ревизионисты», в отношении которых применяется «диктатура масс». В 1970 году меня посадили в лагерную тюрьму. Это было подземелье Святой инквизиции в китайском исполнении...»

Количество заключенных в лагерях принудительного труда сложно определить не только потому, что власть утаивает и искажает эти данные, но и потому, что существует множество промежуточных форм, таких как описанный выше «работник, самостоятельно зарабатывающий на свое содержание», «работа в бригаде под надзором» и т.п. Многие каторжники вообще не имеют никакого приговора. Часто им даже не предъявлено обвинение и не объяснена причина отправки в лагерь. Человек может быть помещен в лагерь не только решением районной или городской Комиссии по трудовому перевоспитанию, но и приказом полиции, решением собрания коллектива или просто направлением на работу. Случается, что в одной и той же бригаде и в одинаковых условиях работают каторжники и люди, никогда ни в чем не обвинявшиеся, то есть теоретически свободные. Тоталитарное государство – само по себе огромный лагерь, в котором просто есть лучшие и худшие бараки и разные степени несвободы. В лагерях, которые поделены на фермы, фабрики, «бригады усиленного режима», лагерные тюрьмы, живут разные категории заключенных. Рядом с «привлеченными к административной ответственности» есть «привлеченные к уголовной ответственности», «временно помещенные», «заключенные» и «свободные работники» (которые уже отбыли наказание, но их «оставили в лагере») и обычные работники, приходящие на работу с «воли».

Деление на типы лагерей условно. Несовершеннолетние чаще всего приговариваются к «исправлению через перевоспитание», «контрреволюционеры» и «привлеченные к уголовной ответственности» (в более-менее нормальном процессе) содержатся в одном месте. О том, как тонка граница между свободными гражданами и заключенными, свидетельствует случай человека, который получил направление на работу в лагерь, как обычный работник. Приходил, как на нормальную работу, но однажды решением комендатуры был «поселен на территории лагеря», где провел 17 лет по причине «пропажи документов».

Самый большой ГУЛАГ в мире

Никто не знает истинного количества заключенных в китайских концлагерях. По некоторым оценкам западных экспертов их от 16 до 20 миллионов. По официальным данным КНР в лаогаи содержится 160000 заключенных, но ясно, что эта цифра занижена во много раз. И дело не только в прямой фальсификации, но и в том, что огромное количество каторжников не были формально осуждены, а значит, не имеют статуса заключенного. Не известно также, как квалифицировать формы, промежуточные между свободным работником, приписанным к месту

В этом лагере производится отборный чай для экспорта.

Пищевая норма заключенного зависит от того, сколько он или она работает.

работы, и заключенным. Оценку затрудняет и огромная разница между теорией, вытекающей из инструкций, и практикой. Теоретически существуют выходные дни, 48-часовая рабочая неделя, отпуск. На практике же для огромного большинства людей воскресенье ничем не отличается от других дней, рабочий день может длиться аж 16 часов. Еще недавно единой одеждой работников была «рабочая форма» — комбинезон, выданный на работе. Большинство питается на месте работы и живет в при заводских домах. Только руководящим работникам полагается отпуск. Немногим лучше обстоит дело и на новых частных «капиталистических» предприятиях, возникших во время введения рыночных отношений. Правда, некоторое повышение оплаты труда привело к исчезновению с городских улиц «рабочей формы». Если так выглядит жизнь обычных людей, то какова же жизнь заключенных? Сравнить лаогаи можно только с гитлеровскими и сталинскими концлагерями. Так же выглядят продуктовые пайки, нормы выработки и правила внутреннего распорядка. Основа выживания — пол-литра мучной похлебки и булка из просяной муки. Иногда — пустой рис. Все лагерные институты, известные из Освенцима и Колымы, можно найти и в лаогаи. Есть капо (в гитлеровских концлагерях — старосты барачков, бригадиры, доверенные лица администрации — прим. ред.), часто назначаемые из числа уголовников; лагерная администрация пользуется услугами уроков; есть карцеры (лагерные тюрьмы). В порядке вещей изнуряющий труд и битье палками, дубинками, металлическими прутьями, пластиковыми трубами, наполненными песком. Используется такое наказание, как стояние нагишом на морозе или под палящим солнцем, помещение на целый месяц в камеру размером с холодильник или в «черную камеру», лишенную освещения, обогрева и туалета. Есть и огромные общие могилы. Широко используются поверки, дополненные «собраниями по разбору проступков», на которых «оступившийся» выступает с самокритикой, а коллектив его «клеимит». Среди изнуренных тяжелой работой и голодом людей буйствуют болезни.

Точно не известно, какая смертность среди заключенных, но можно предположить, что цифры похожи на данные по сталинским и гитлеровским лагерям. Это подтверждают немногочисленные пересланные на Запад описания. Среди 10 000 заключенных, содержащихся в Джанг Цалякхла (шахта по добыче буры, Северный Тибет), каждый день от голода, побоев и истощения умирало от 10 до 30 человек, а в год — около 8 000. В оловянной шахте в Дарцеде за три года погибло 12 019 заключен-

ных. Во время строительства электростанции Лхаса Нгачен каждый день сбрасывалось в реку или сжигалось, самое меньшее, три мертвых тела. Тибетское правительство в эмиграции утверждает, что семьдесят процентов тибетцев, помещенных в китайские лагеря, уже нет в живых.

Если принять (самая осторожная оценка!), что смертность заключенных лаогаи составляет 10% ежегодно, то получим количество жертв от 1,6 до 2 миллионов в год и от 50 до 70 миллионов за время коммунистического правления.

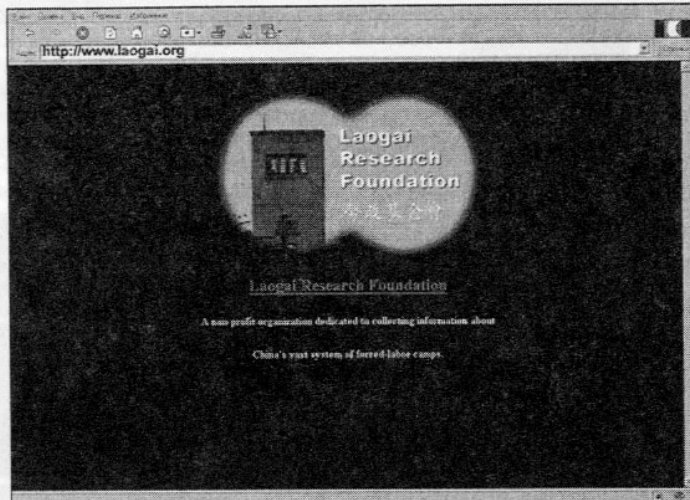
Специальная педагогика

Основой «перевоспитания» в лаогаи является «система 200 баллов», представляющая собой методику наказания и поощрения, а также — свод правил. Обсуждение этой системы превышает возможности данной публикации. Ограничимся примерами провинностей, за которые заключенный получает штрафные баллы, могущие стать причиной продления срока «перевоспитания».

Наказываются: разговоры без разрешения, сон в не предусмотренной правилами позе, сидение в не предусмотренном месте, прерывание работы без распоряжения, «убивание и съедание деревьев и животных» и т.д. (Один из партийных функционеров сказал: «В лагерях не должно быть крыс, ибо заключенные могут их съесть»). Запрещены также споры и «битые и убийство других заключенных».

«Петля затянулась», — обычно говорят китайцы, когда кого-то арестуют.

Web-сайт Фонда исследования лаогаи (Laogai Research Foundation): <http://www.laogai.org>

Из правил распорядка дня заключенных:

«С энтузиазмом участвуй в политической учебе. С особой инициативой читай и изучай политические публикации, чтобы понять свои ошибки, чтобы изменить и исправить свою *основу*. [...] Разговаривай вежливо, веди себя надлежащим образом, говори искренне, но не груби. Непристойное поведение запрещается. [...] Употребляй слова «извините» и «простите меня», когда ошибешься. Говори «не стоит благодарности», когда окажешь кому-либо помощь. Употребляй слова «спасибо» и «извините за хлопоты». [...] Когда официальные гости входят, прерви всякую работу и поприветствуй их. Четко отвечай на их вопросы. Не начинай разговор первым. Не говори слишком громко или слишком тихо. Без разрешения не подходи к гостям».

Некоторые из «Десяти принципов для безусловного соблюдения»:

«1. Любовь к родине обязательна. Это основа единства страны и людей.

2. Главное – это директивы, активисты и политики Китайской коммунистической партии.

3. Социализм и диктатура народной демократии должны быть гарантированы.

4. Указания лагерного персонала и гражданских служб должны выполняться неукоснительно.

[...]

8. Активно участвуй в работе и производстве.

[...]

10. Береги общественную и государственную собственность».

Важный сектор экономики

Одна из главных «провинностей» Харри Ву (*известный китайский диссидент, которому удалось эмигрировать в США – прим. ред.*) состояла в том, что его организация «Фонд исследования лаогаи (Laogai Research Foundation) составила список лагерей принудительного труда (список этот доступен в виде компьютерной базы данных в сети Интернет: <http://www.laogai.org>). Рубрикатор этой базы выглядит так:

Завод: Chongqing Automobile Works;

Расположение: Ксиенг, провинция Сычуань;

Количество заключенных: 2 099;

Примечание: основан в мае 1985. Главная продукция –

автомобили «Isuzu» серии N, с дизельным двигателем на экспорт.

Телефон..., телекс..., факс...

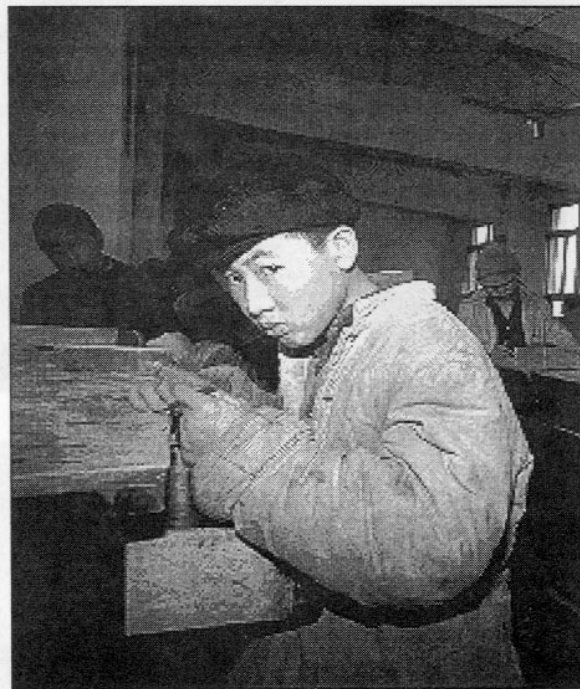
Список содержит несколько тысяч лагерей с количеством заключенных от нескольких сотен до 10 000, производящих буквально все: рис, чай, инструменты, носки, игрушки, карты и печатную продукцию, книги, химикаты, боевые машины пехоты, лекарства, изделия из дерева, сувениры для туристов, фарфор; а также добывающих уголь и руду; строящих дороги и мосты и т.д.

В списке 99 групп китайских товаров, составленном Департаментом торговли США, 64 группы обозначены как произведенные в 990 лагерях принудительного труда, и только о 35 группах не сказано, что они производятся подневольным трудом. Никто не знает, какая часть национального продукта Китая производится заключенными; однако высшие государственные функционеры признают, что ликвидация лаогаи может вызвать серьезный кризис китайской экономики.

Коммунистические власти Китая под напором международного общественного мнения, озабоченного нарушениями прав человека, утверждают, что основные права, такие как право на жизнь и право на труд, в Китае соблюдены. Что ж, «кто не работает, тот не ест», — любили повторять советские вожди. «Труд делает свободным», — было написано на воротах Освенцима. Интересно, как это звучит по-китайски?

По материалам Laogai Research Foundation, Amnesty International, Human Rights Watch Asia, Dharamsala Information Center, US Department of Commerce, китайской литературы, сообщений в прессе и собственной информации.

Перевод с польского: Ю. Середа

Гао Ю (Gao Yu), 54 года, одна из самых популярных китайских журналистов. Была приговорена к 6 годам заключения в ноябре 1994 года за «выдачу государственных секретов иностранным организациям» в серии статей в Гонконгских изданиях *Mirror Monthly* и *Overseas Chinese Daily*.

«Секреты» касались политических решений, принимаемых высшими функционерами Коммунистической партии Китая, и уже

были опубликованы в Гонконгских газетах. Арест и осуждение Гао Ю поднял волну возмущения в Гонконгской прессе. Президент Колумбийского университета и Комитет защиты журналистов направили письмо Президенту Клинтону с настоятельной просьбой вмешаться и потребовать освобождения Гао Ю.

Вэй Цзиншэнь (Wei Jingsheng). Бывший узник совести. Был арестован в Пекине в 1994 году во время волны политических арестов. Поводом послужило открытое выражение взглядов по вопросам прав человека и некоторым политическим аспектам, а также контакты с иностранцами. Является автором целого ряда материалов по правам человека в Китае. В 1998 году получил специальную награду от *National Endowment for Democracy*.

Хан Донгфан (Han Dongfang) был избран представителем Федерации рабочих Пекинского округа, которая была разогнана во время жестокого подавления демократического движения в 1989 году. Постоянно живет в Гонконге, является редактором ежеквартальника *Zhongguo Laogong Tongxun*, издаваемого для Китая, и *China Labour Bulletin* – журнала на английском языке о правах рабочих в Китае.

Лю Нанчун (Liu Nianchun), 48 лет, бывший рабочий, писатель. Был приговорен к трем годам «перевоспитания» в июле 1996 г. Вскоре после того, как он принял участие в продемократической кампании «Извлеките уроки из крови» и подписании петиции, призывающей к «духу терпимости в китай-

ской политической жизни», Лю был схвачен в своей квартире без ордера на арест. Это произошло в мае 1995 г. После этого Лю исчез до тех пор, пока не был объявлен приговор о его «перевоспитании», и его жена (на фото она рядом с Лю) была информирована о том, что он отправлен в лагерь труда *Tuanhe* под Пекином.

Тотчас же Лю предпринял попытку подать в суд на Бюро Общественной Безопасности и Комиссию по трудовому перевоспитанию, но его заявление «утонуло» в бюрократических проволочках. После длительной борьбы и под давлением международной общественности суд, наконец, в сентябре 1996 г. рассмотрел дело. Через три месяца суд объявил свой вердикт, в котором было сказано, что «гражданин не должен принимать участия в акциях, затрагивающих национальную безопасность, честь или интересы. Истец Лю Нанчун участвовал в действиях, не предусмотренных рамками конституции и закона». В январе 1997 Лю подал апелляцию в следующую судебную инстанцию.

Ранее Лю провел три года в тюрьме «за контрреволюционную пропаганду и подстрекательство» после участия в демократическом движении в конце семидесятых. В 1994 он провел 5 месяцев под арестом за попытку организовать Лигу защиты прав рабочих. Перед первым арестом Лю был абсолютно здоров, сейчас же он страдает целым рядом тяжелых заболеваний.

Организация *Human Rights in China* требует немедленно освободить Лю Нанчуна и оказать ему соответствующую медицинскую помощь. Пожалуйста, присылайте письма с требованием немедленного освобождения Лю Нанчуна на английском, китайском или своем родном языке по следующим адресам:

Prison Chief
Jianyu zhang
Tuanhe Laojiaosuo
Beijing shi
People's Republic of China

Acting Governor of the Beijing
Municipal People's Government
Beijing Shi Renmin Zhengfu
Beijing shi
People's Republic of China

The Ministry of Justice of the People's
Republic of China
Sifabu Laodong Jiaoyang Gongzuo
Guanliju
14 Dongchang'anlu
Dongchengqu
Beijingshi 100741
People's Republic of China

Minister of Public Health of the
People's Republic of China
CHEN Minzhang Buzhang
Weishengbu
44 Houhai Beiyuan, Gulou Xidajie
Beijingshi
People's Republic of China

По материалам web-сайта
"Human Rights in China"
<http://www.hrichina.org/>

Human Rights in China (HRC) - Chinese Internet Explorer

Адрес: <http://www.hrichina.org/>

HUMAN RIGHTS IN CHINA 中國人權 HRC

- About HRC 关于中国人权
- Current Human Rights Situation in China 中国的人权状况
- China Rights Forum and other HRC Publications 人与人权和中国人权的其他出版物
- Human Rights Education 人权知识
- Take Action! 您能做什么!

The HRC Copher

391 Fifth Avenue, Suite 2309
New York, NY 10118
Email: hrichina@hrichina.org
Copyright © 1998 All rights reserved.

Webpage made possible with support from the Cof Peace Foundation.
Thanks to Catherine Eng and Mark Oestlin for design work.

Азгар ИШКИЛЬДИН

Репрессии против инакомыслящих в Китае

Приговоры диссидентам на закрытом суде

21 декабря 1998 г. в Пекине закрытым судом осуждён к 13 годам тюремного заключения по обвинению в «подстрекательстве к свержению государственной власти» известный китайский правозащитник Сю Вэньли (Xu Wenli). В ноябре этого года он был избран представителями диссидентских организаций всего Китая на должность лидера Демократической партии Китая. В этот же день по аналогичному обвинению были приговорены судом города Хангжу к 11 годам тюрьмы Ван Йоуцай (Wang Yucai), физик, один из лидеров студенческого демократического движения 1989 года, и судом города Уханя к 13 годам тюрьмы — правозащитник Чинь Йонминь (Qin Yongmin).

Выдвижение столь суровых обвинений связано с попытками диссидентов в течение лета и осени нынешнего года зарегистрировать в разных городах страны первую, начиная с 1949 года, независимую от Коммунистической партии Китая политическую организацию. Действия диссидентов полностью соответствуют подписанному КНР Международному пакту о гражданских и политических правах. Они целиком соответствовали бы и Конституции КНР,

согласно которой в стране существует многопартийность, если бы не завершающая фраза статьи первой Конституции: «Саботаж социалистического строя в КНР запрещён». Это добавление даёт правящей коммунистической партии поистине необъятные возможности.

Незадолго до своего ареста 30 ноября, в интервью «Крисчен Сайенс Монитор» Сю Вэньли заявил, что «Китай, скорее всего, в следующем десятилетии примет многопартийную демократию» и «тибетский народ должен получить очень высокую степень религиозной, культурной и социальной автономии». Он выразил пожелание, чтобы Компартия Китая ослабила репрессии в Тибете, с тем, чтобы Далай-лама мог вернуться в Тибет и две страны смогли бы искать совместное будущее в демократическом союзе.

Сю Вэньли родился в 1945 году в г. Аньцин, провинция Аньхуй. После службы в Народно-освободительной армии работал электриком. В 1978 году Сю Вэньли организовал издание одного из наиболее влиятельных диссидентских журналов — «Форум 5 апреля». Открыто протестовал против арестов Вэй Цзиншэня и Лю Цина.

Летом 1980 года возглавлял Северо-Китайскую ассоциацию демократической печати.

В октябре 1982 года был приговорён к 15 годам тюрьмы. Одиннадцать лет провёл в тюрьме Цинчен, в одиночном заключении на пониженном режиме содержания, так как был признан «непригодным к трудовому исправлению» в лагерях лаогаи в связи с категорическим отказом признавать себя виновным. В 1984 году Сю Вэньли сумел переправить из тюрьмы на Запад описание своего ареста и суда, шокировавшее общественное мнение, поскольку многие на Западе были в то время очарованы «капиталистическими переменами» в Китае. После этого эпизода Сю Вэньли содержали в сырой цементной камере с круглосуточным освещением, без окон, с потолком ниже человеческого роста. Выходить из камеры ему не давали ни разу в течение трёх с половиной лет. Затем «особый заключённый 01» содержался в полной изоляции в неотпливаемой тесной камере уже с обычным потолком. Свидания были разрешены в 1989 году.

Здоровье Сю Вэньли было чрезвычайно подорвано в тюрьме. В мае 1993 года средства массовой информации КНР сообщили об освобождении Сю Вэньли в связи с его «хорошим поведением в тюрьме» и «признанием своих ошибок». После этого он был выпущен из тюрьмы. Узнав о заявлении китайского радио о его «исправлении», Сю Вэньли рассмеялся и заявил, что никогда не признавал себя виновным. Серия освобождений летом 1993 года известных за рубежом диссидентов была связана с попытками властей КНР добиться проведения в Пекине Олимпиады 2000 года.

После состоявшегося 21 декабря суда жена Сю Вэньли сообщила западным корреспондентам, что лидер Демократической партии отказался от защиты и не принимал участия в судебном процессе. Не вызывает сомнений, что тяжесть приговоров членам Демократической партии Китая связана с намерением властей КНР сломать зародыш китайского гражданского общества или выдавить его в эмиграцию, подобно тому как это происходило в последние годы диссидентского движения в СССР. Год назад китайские коммунисты заявляли, что из тюрем могут быть выпущены лишь те, кто немедленно эмигрирует.

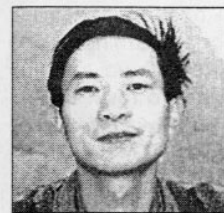
Не вызывает сомнений и то, что некоторые диссиденты будут сопротивляться. В ближайшее время от успеха этого сопротивления будет зависеть, последует ли за неизбежным крахом коммунизма и распад страны, как это было в СССР и Югославии, или же у общества останутся определённые шансы на выживание. Остаётся вопрос и о том, сколько человек среди китайских диссидентов пройдут по дороге погибшего в советской тюрьме Анатолия Марченко, прежде чем эти шансы обретут реальность.

Лидер
Демократической
партии Китая
Сю Вэньли

Правозащитник
Чинь Йонминь

Студенческий лидер,
физик Ван Йоуцай

Впервые опубликовано в еженедельнике
"Экспресс-Хроника"

Teresa Poole

Группа заключенных с табличками на шее во время "судебного митинга" в г. Чэнду, провинция Сычуань. 1993г.

Xinhua / Frank Spooner

Целенаправленное публичное унижение заключенных во время "массовых судебных митингов".

Фотографии из книги "Chiny. Nikt nie jest bezpieczny" ("Китай. Никто не чувствует себя в безопасности"), изданной польским отделением Международной Амнистии.

Александр ПОДРАБИНЕК

Обыкновенный коммунизм

Что делают в Китае со смертниками перед казнью

Коммунизм многолик. Он беспощаден и непримирим к своим идеологическим противникам. Он респектабелен в рассуждениях о разрядке международной напряженности и своем стремлении к миру. Он приторно лицемерен в своих заботах о благе простого человека. И он варварски жесток в своем пещерном прагматизме — не существует моральных ценностей, если речь идет о государственной пользе.

Тем, кто не жил при коммунистическом режиме, поверить в это трудно. В Китае перед казнью или сразу после неё у приговоренных к смерти изымают внутренние органы. Потом эти органы пересаживают нуждающимся в трансплантации высокопоставленным коммунистическим деятелям, партийной знати, просто богатым китайцам. Не забыта и коммерческая сторона дела — изъятые у смертников органы экспортируют за границу.

В начале 90-х годов об этом стало известно на Западе. В октябре 1997 года американская компания Эй-Би-Си рассказала историю двух врачей, поместивших рекламное объявление в китайской газете в штате Коннектикут. Врачи открыто предлагали пациентам в США немедленные операции по пересадке органов, только что взятых у казнённых в Китае заключённых. Эта история привела к аресту агентами ФБР в Нью-Йорке в феврале 1998 года двоих китайских граждан за коммерческое предложение кожи, роговиц, лёгких, печени и почек приговорённых к смертной казни китайцев. Перед арестом агент ФБР подробно обсудил с продавцами цены в твердой валюте и условия: донорами должны быть здоровые, некурящие молодые люди до 25 лет. Продавцы с условиями сделки согласились. Один из продавцов оказался оставшимся прокурором провинции Хайнань, хорошо осведомлённым о возможностях судебно-исполнительной системы в Китае.

Известный китайский диссидент Вэй Цзиншэнь, эмигрировавший в Соединенные Штаты, 4 июня 1998 года

рассказал перед Комиссией по международным делам Конгресса США о торговле органами китайских смертников: «18 лет назад я был приговорён китайским судом к 15 годам тюрьмы за контрреволюцию. Из-за личной неприязни ко мне нашего диктатора Дэн Сяопина меня сперва 8 месяцев держали в тюремном отделении для приговорённых к смертной казни. Условия содержания там хуже, чем в обычных тюрьмах. Согласно китайским законам заключённые, направленные в отделение для смертников, не могут содержаться там больше 60 дней. Это связано с тем, что опыт китайских тюремных властей показал: обычный заключённый не может контролировать свои эмоции дольше 60 дней. Кроме того, от вынесения приговора до казни обычно проходит не больше двух месяцев. До перевода в тюрьму для смертников я слышал об удалении органов у приговорённых заключённых для дальнейшего использования их в медицинских исследованиях и тестах. Большинство людей, услышав о такой практике, не могут в это поверить. Я разделял это недоверие. В тюрьме для смертников я часто слышал крики и шум борьбы сопротивляющихся смертников, которых собирались казнить, и эти леденящие душу звуки заставляли меня задумываться, могла ли такая практика иметь место на самом деле. Это заставляло меня искать возможности узнать об этом что-либо подробнее. Я попытался выяснить правдивость этих сведений у заключённого, который сопровождал приговорённых к смерти. Улучив момент, когда нас не видели охранники, он ответил мне шепотом: «Да, это так и есть». Затем я, помню, задал ему вопрос: «Со всеми казнёнными заключёнными происходит одно и то же?» Он ответил: «Исключений почти нет. Сперва им делают анестезию, совсем как когда закалывают свинью». Я спросил: «Но как они в таком случае доходят до места казни? Они же почти

мертвые». Он ответил: «Мы заворачиваем их в ткань и относим на место казни. Никто не интересуется, мертвы они или живы». Хотя я знал, что этот заключённый уважал меня и не стал бы меня обманывать, я все еще не мог в это поверить. Я искал более достоверные свидетельства. Однажды весной 1980 года из-за того, что приговорённых к смерти было больше обычного, в мою тесную камеру привели осуждённого Чжана, 20 лет, из Пекина. Его ноги были закованы в кандалы, а руки стянуты за спиной наручниками. Он не мог самостоятельно есть, пить, дойти до унитаза. Я оторвал полосу ткани от рубашки, обернул кандалы, помогал ему есть, пить, оправляться. Его апелляция была безрезультатной и прошла быстро — на всю процедуру ушло не более 20 дней. По плану его должны были казнить в течение 3-5 дней после утверждения приговора. Он стал очень спокоен, характер его помягчел. В общем, он смирился. С утра до ночи он повторял, как жалеет, что не сможет заботиться о родителях, особенно об отце. Он говорил, что ему жаль беременную подружку, с которой они собирались расписаться в течение месяца. Однажды я рассказал ему всё, что знал о практике кражи органов, и затем спросил, хочет ли он помочь мне выяснить раз и навсегда, правда это или нет. Он согласился. Мы тщательно все обсудили. Скоро его доставят на место казни. Если среди охранников и полицейских будут люди в белых халатах с медицинскими сумками, он должен крикнуть: «Я не болен, врач мне не нужен!» Если нет, он станет кричать то, что обычно кричат перед казнью. На следующий день утром они пришли за ним. Я очень переживал, вспомнит ли он наш вчерашний разговор. Когда его увели, я нервничал и слушал очень внимательно. Я слушал долго, шума борьбы не было, в какой-то момент я даже почувствовал разочарование. В следующую секунду я услышал громкий отчетливый крик: «Я не болен! Врач мне не нужен!» При втором крике был шум возни, при третьем я услышал лишь половину фразы — так, как если бы кто-то заткнул ему рот. Все эти годы я помнил свою ответственность перед Чжаном и перед другими казненными. Мы должны остановить эту практику», — говорит Вэй Цзиншэнь. Другой известный китайский диссидент Гарри Ву, также эмигрировавший в США, сообщает, что при определённых обстоятельствах пекинское правительство бывает вынуждено признать, что органы казнённых заклю-

чённых «использовали». Так, в письме конгрессмену Бэртону в 1998 году посол КНР в США Ли Чжаосин утверждал: «Китай разрешает своим медицинским группам использовать органы, добровольно пожертвованные гражданами, после их смерти. То же относится и к казнённым заключённым». На специальных слушаниях в Конгрессе США Гарри Ву рассказал: «В 1994 году, в городе Чжэнчжоу, работник больницы, который много раз участвовал в извлечении органов на месте казни, говорил мне: «Выстрел в голову, мозги вылетают и парень мертв. Он больше не думает, он перестает быть человеком, только вещь, и мы используем отходы». В Китае ни живые, ни мертвые не имеют прав. Китайский правительственный работник отчетливо изложил мне эту идею в 1998 году: «Как только заключённый приговорён к смерти, он лишен всех прав и мы можем всё». Откровения этого китайского чиновника и понимание принципов, на которых зиждется коммунистический порядок, приводят к ужасному, но логичному выводу: органы и ткани изымаются, скорее всего, у еще живых осуждённых, прямо перед смертной казнью. Вероятно, это и есть сама смертная казнь. Вряд ли у палачей есть еще необходимость добывать жертву. Собственно говоря, о том же свидетельствует и Вэй Цзиншэнь, рассказавший, что смертников относят на место казни. С чисто медицинской точки зрения изъятие органов из живого организма намного предпочтительней, чем из мертвого. А коммунисты, как известно, большие рационалисты и ставят целесообразность превыше всего.

Такова реальность сегодняшней жизни в коммунистическом Китае. Такова там и реальность смерти. Впрочем, все это не мешает китайским коммунистам создавать за пределами своей страны образ почти демократического Китая, с почти рыночной экономикой, с политическим плюрализмом («пусть цветут сто цветов!»); Китая, идущего по пути открытости и реформ. Розоватые западные либералы, когда-то боготворившие Сталина, восхищавшиеся Сальвадором Альенде, млевшие перед Фиделем Кастро, уже давно указывают на Китай как на образец государства с рыночным социализмом. О том, что на этом социалистическом рынке приторговывают органами казнённых, красные либералы предпочитают не говорить.

Да если бы речь шла только о псевдолибералах! Китайских руководителей, которые уже только за описан-

Полицейские заставляют приговоренных занять позицию перед расстрелом.

Фотографии из книги "Chiny. Nikt nie est bezpieczny" ("Китай. Никто не чувствует себя в безопасности"), изданной польским отделением Международной Амнистии.

К телам казнённых прикрепляют таблички с фамилиями и описаниями преступлений.

ную выше практику достойны нюрнбергской скамьи подсудимых, принимают на высшем уровне как на Востоке, так и на Западе. Разве может омрачить отношения между Председателем КНР Цзян Цзэмином, с одной стороны, и Президентами Клинтоном или Ельциным, с другой, такая мелочь, как издевательства над приговорёнными к смертной казни?! В ноябре 1998 года Цзян Цзэминь приезжал с официальным визитом в Россию. Он встречался с Геннадием Селезнёвым и Егором Строевым, завтракал с Борисом Ельциным и обедал с Евгением Примаковым. Политические лидеры России сидели за общим столом с членами китайской делегации, чокались с ними бокалами с шампанским, поднимали тост за здоровье высоких гостей. И они не могут быть уверены в том, что в одном из их партнеров по переговорам не бьется сердце казненного китайского заключённого, сердце, изъятое ради здоровья партийной знати худшими из мародёров, которых знала человеческая история.

Впервые опубликовано в еженедельнике "Экспресс-Хроника"

Fu Xingqi — один из двоих граждан Китая, арестованных за продажу органов казенных китайских заключённых.

Фото: <http://www.laogai.org>

Китай в Тибете

нарушения прав человека на оккупированных территориях

Настоящий отчет представляет собой попытку сделать достоянием общественности факты непрекращающейся жестокости со стороны Китайской Народной Республики по отношению к народу Тибета. Права человека в Тибете, который недавно был назван «крупнейшей из оставшихся в мире колоний», жестоко подавляются в условиях китайской оккупации; права личности и права всего народа попираются сапогами китайских солдат и колесами грузовиков, на которых вывозятся из Тибета его природные ресурсы и прибывают все новые китайские переселенцы.

По имеющимся данным, в декабре 1997 года в китайских тюрьмах Тибета содержалось 1216 политических заключённых. Среди них — 295 женщин и 39 несовершеннолетних в возрасте до 18 лет. За 1997 год поступило шесть сообщений о смерти тибетцев в результате жестокого обращения и содержания в условиях, причиняющих вред здоровью. В процессе проводимой Китаем кампании «Жесткого удара», 2 827 монахов и монахинь были изгнаны из своих монастырей, 165 арестованы и 9 погибли.

Кампания «Жесткого удара», сопровождаемая процессом «перевоспитания», которая началась в 1996 году и стала быстро набирать силу в 1997, свидетельствует о твердом намерении китайских властей окончательно расправиться с тибетцами, выступающими за независимость Тибета и с требованиями уважения прав человека в этой стране. Для усиления контроля в тибетские монастыри прибывают все новые рабочие группы китайцев. По-прежнему содержится в заключении второй по значимости

духовный лидер Тибета — восьмилетний мальчик, объявленный перерождением Панчен-ламы, а также отбывает шестилетний срок заключения пожилой монах, участвовавший в его отыскании.

Китайское давление не ограничивается сферой религиозной жизни Тибета. Стремясь расширить процесс «перевоспитания» на все проявления тибетской культуры, которую китайские власти недавно объявили «небуддийской», КНР предпринимает значительные усилия по китаизации тибетцев. Происходит наступление на тибетский язык и традиционную для Тибета систему образования. Серьезную угрозу для выживания тибетской нации представляет непрекращающийся поток китайских переселенцев, прибывающих для «развития» этого региона, в сочетании с насильственной стерилизацией тибетских женщин. Такое «развитие» лишь вносит пагубные изменения в социальную структуру Тибета, не принося никакой пользы коренным тибетцам.

Свобода религии

В течение 1997 года китайские власти усилили подавление права тибетцев на религиозную жизнь и выражение своих верований. В кампании «Жесткого удара», которая проводится китайскими властями в Тибете начиная с апреля 1996 года, тибетские монахи и монахини стали объектом интенсивной работы по «патриотическому перевоспитанию». В результате мер по ужесточению контроля над монастырями, из тибетских монастырей было изгнано 2827 монахов и монахинь, 165 человек арестовано, девять погибло и 35 добровольно покинули свои монастыри.

Для проведения занятий по «патриотическому перевоспитанию», в процессе которых монахам рассказывают о «злодеяниях Далай-ламы и тибетских националистов», во все монастыри Тибета отправлены рабочие бригады. От монахов требуют принятия политической присяги из пяти пунктов, в которые входят отказ от идеи независимости Тибета, осуждение Далай-ламы и признание избранного китайцами Панчен-ламы. Рабочими бригадами произведены преобразования в структуре так называемых Комитетов демократического управления, созданных китайскими властями в монастырях. Ужесточились условия, согласно которым разрешается вступление в монастырь. Так например, недавно появилось запрещение поступать в монастырь тибетцам, не достигшим 16 лет, что грозит еще больше снизить численность монахов и уровень монастырского образования.

Китай сообщает о том, что из 46000 буддийских монахов и монахинь, проживающих в Тибете, 30000 прошли «патриотическое перевоспитание», а рабочие бригады обосновались в 1780 из 1787 буддийских монастырей Тибета. Китайские власти объявили о принятии решения расширить кампанию по «перевоспитанию» на все тибетское общество.

Свобода мнения и высказываний

В 1997 году поступили сообщения о 96 новых арестах, большинство из которых стали результатом свободного выражения людьми своих мнений. В уголовное законодательство Китая введено понятие «угроза национальной безопасности», которое заменило термин «контрреволюция», но создается впечатление, что угрозу национальной безопасности Китая таит в себе любое выражение тибетцами своей политической позиции. В 1997 году тибетцы подвергались арестам за: вывешивание протибетских настенных плакатов и национального флага Тибета, за написание листовок с требованием независимости Тибета и, как всегда, за произнесение запрещенной фразы: «Свобода Тибету!»

Китайская кампания «патриотического перевоспитания», начавшаяся в мае 1996 и заметно усилившаяся в 1997 году, сопровождается новым усилением гонений на свободу высказываний. От тибетских монахов и монахинь требуют подписания обещаний политической лояльности и безоговорочного принятия всех религиозных перемен, совершаемых по распоряжению рабочих бригад. Если же монах или монахиня откажется высказать свое собственное мнение или поставит под сомнение заявления китайских руководителей, результатом этого всегда бывает арест или изгнание из монастыря.

Политические заключенные

По данным на конец 1997 года в китайских тюрьмах Тибета содержалось 1216 политических заключенных и узников совести. Все они попали за решетку в результате нарушения их прав на свободу мнения и высказываний, свободу собрания и религиозных свобод. Среди них насчитывается 295 женщин и 39 несовершеннолетних политических заключенных в возрасте до 18 лет. Многие из них провели в заключении долгие годы, для некоторых это уже второе или третье лишение свободы. Известны фамилии 85 заключенных, чей срок наказания составляет 10 и более лет.

До сих пор китайские власти содержат в неволе восьмилетнего мальчика, признанного перевоплощением Панчен-ламы, вместе с его родителями. Чадрел Ринпоче, глава поисковой группы, обнаруживший перевоплощение Панчен-ламы, был в 1997 году осужден на шесть лет тюремного заключения. Политические заключенные Церинг Нгодруб (66 лет), Сонам Дхондуп (24 года), Лобсанг Тензин (28 лет) и Нгаванг Чопел (31 год) получили по 12 лет тюремного заключения за высказывание своих взглядов и проявление политической активности. Танак Жигме Сангпо, осужденный на самый длительный, из всех известных, срок заключения, должен провести в тюрьме согласно приговору 41 год и выйти на свободу только в 2011 году. Монахини Пунцок Ньидрон (29 лет), Жигме Янгчен (28 лет), Тензин Тубтен (27 лет), Наванг Сангдрол (21 год) и Гьялцен Долкар (27 лет) осуждены на сроки от 12 до 17 лет за то, что, находясь в тюрьме, они записывали стихи и песни.

Незаконный арест и задержание

Почти все политические заключенные, находящиеся в китайских тюрьмах Тибета, оказались там в результате незаконного ареста. В 1997 году было зафиксировано 96 таких арестов, как правило, по обвинению в «нарушении государственной безопасности», и все задержанные были осуждены на сроки заключения до 12 лет. За период 1996 года поступило 204 сообщения об аресте тибетцев за выражение ими своих политических взглядов. В связи со сложностью получения информации из Тибета сообщения еще о 53 арестах, произошедших в 1996 году, пришли только в 1997 году, в результате чего число известных политических заключенных, арестованных в 1996 году,

Объявление о розыске. Амдо, Тибет, 1989 г.

Tibet Image Bank

Нгодруп (Ngodrup), 22-летний тибетский монах из монастыря Иокханг в Лхасе, перед арестом. Согласно сообщениям, был избит милицией.

составило 257 человек. Большая часть арестов в 1996 году произошла среди монахов, отказавшихся удовлетворить требования китайских «рабочих бригад по перевоспитанию».

Несмотря на изменения в Процедурном кодексе Китая, введенные в действие в 1997 году, юридическая система КНР продолжает санкционировать необоснованные наказания по политическим мотивам и пренебрежение к процессуальным правовым нормам. Арест без предъявления ордера или обвинения с последующим длительным содержанием под стражей, а также отказ обвиняемому в свободном доступе защитника стали обычным делом для тибетских политических заключенных. Многие бывшие заключенные рассказывают о пытках, которым они подвергались во время допросов с требованием «признать свою вину». Новое законодательство по-прежнему разрешает закрытые судебные разбирательства в случаях, касающихся рассмотрения вопросов, связанных с «государственной тайной». В 1997 году поступило семь сообщений об арестах тибетцев по обвинению в шпионаже в пользу правительства Тибета в изгнании. Во всех этих случаях полностью отсутствовали какие-либо подтверждения вины арестованных. Практически все обвинения основывались просто на фактах их поездки в Индию.

Пытки

В 1997 году поступило шесть сообщений о смерти заключенных в результате пыток и жестокого отношения. Среди них Джамьянг Тинлей (25 лет), умерший после четырех месяцев пыток со стороны тюремной администрации. На его теле были обнаружены следы крови, кровоподтеки и ожоги от электрического тока. Находясь в тюрьме, Калсанг Дава (29 лет) закрывал голову руками и кричал: «Они суют мне в уши электрические провода». Он подвергался пыткам в течение двух лет и был найден повешенным в его тюремной камере. У Пунцог Янгкьи (20 лет) тюремные врачи выкачали почти всю кровь, и после смерти ее ногти, язык и губы были интенсивно синего цвета.

Поступают десятки сообщений о жестоких пытках со стороны полиции и тюремной администрации. С целью получения показаний задержанных избивают подкованными ботинками и палками, подвергают электрическому шоку, в мороз помещают в темные, тесные и неотопливаемые камеры и подвергают насильственному переливанию крови. Один заключенный рассказывал о том, что его на целый день привязывали к горячей печи, лишая пищи и воды. Жар был такой, что все его тело покрывалось волдырями от ожогов. Одну монахиню подвергали электрошоку за чтение буддийских молитв, а также заставляли делать простирания на льду и в ледяной воде.

Исчезновения

Каждый год из Тибета поступают сообщения о нескольких исчезновениях людей. Простое сообщение о том, что им неизвестен разыскиваемый, позволяет китайским властям действовать с полной безнаказанностью. В ряде случаев они сообщали через много месяцев после «исчезновения» тибетца, что последний на самом деле находится под арестом, но при этом отказывались сообщить о его местонахождении. Так было в случае с Гедюном Чеки Ньимой, восьмилетним мальчиком, которого Далай-лама признал очередным перевоплощением Панчен-ламы и который вместе со своими родителями исчез в мае 1995 года.

За период 1997 года известно десять случаев таких исчезновений. Остается неизвестным, подверглись ли эти десять тибетцев, младшему из которых нет еще 16 лет, какому-либо наказанию и выдвинуты ли против них обвинения. Их местоположение неизвестно, а потому не только они сами находятся в постоянном страхе за свою судьбу, но также их родственники и друзья мучаются неизвестностью, не зная, живы они или нет, и будучи не в силах прийти к ним на помощь. В 1997 году поступили также сообщения еще о четырех случаях исчезновения, происшедших в 1996 году.

Расовая дискриминация

Дискриминация со стороны китайских властей, направленная против тибетцев по расовому признаку, проявляется во многих областях жизни, включая публичные заявления официальных лиц, условия приема на работу, образование и здравоохранение. В администрации Тибета работают либо китайцы, либо люди, выбранные китайцами, а в состав Комитетов демократического управления, организованных китайскими «рабочими группами» в тибетских монастырях, входят представители, назначенные китайцами.

На всей территории ТАО серьезно нарушаются права тибетцев на труд посредством введения обязательной трудовой повинности и неоплачиваемого труда. Китайские власти прямо признают, что минимальная заработная плата существует в Китае везде, кроме ТАО. В начале 1997 года от 69 до 72 тибетцев, работавших в качестве официальных экскурсоводов в Лхасе, потеряли работу, преимущественно по причине того, что совершили поездки в Индию, не заручившись разрешением китайских вла-

Демонстрация против оккупации в Лхасе 10 декабря 1988 г.

Tibet Image Bank

стей. Поступают сообщения, что все они будут заменены китайцами.

Тибетские дети, прибывающие в изгнание, сообщают о различных дискриминационных мерах в отношении учащих-тибетцев, включая повышенную плату за обучение. Они вынуждены оплачивать свои стулья, парты, учебники, а также все поломки, происходящие в школе. Широко распространенной формой неравенства в области прав на образование является проведение вступительных экзаменов полностью или преимущественно на китайском языке, даже, начиная с 1997 года, в Тибетском университете в Лхасе. Студенты также сообщают о дискриминации в сфере образования, говоря, что почти не проводится изучение тибетской культуры и истории.

Беженцы из Тибета сообщают о том, что местные тибетцы вынуждены полностью оплачивать медицинские услуги, в то время как китайцы не платят ничего. Высокие расценки за больничный уход включают в себя: от 800 до 1000 юаней в качестве страховки, 20 юаней за одно койко-место в день, 200 юаней за флакон глюкозы и дальнейшую оплату за все формы медицинского обслуживания. Имеются сообщения о смерти тибетцев, не получивших медицинского обслуживания по причине неуплаченной медицинской страховки.

Права женщин

Тибетские женщины подверглись жестоким репрессиям, когда во время религиозных беспорядков в 1996 году 137 монахинь были изгнаны из их монастырей. Тибетские женщины, и чаще всего, монахини, по-прежнему подвергаются необоснованным арестам, а также жестокому обращению и пыткам в тюрьмах. Из 1216 известных на настоящий момент политических заключенных 295 — женщины, 11 из которых находятся в неволе уже более 10 лет. Одна женщина, при сроке беременности более чем в три месяца, 14 часов вынуждена была простоять в холодной комнате, где проводился допрос в день ее ареста. Она говорила следователям, что беременна и чувствует слабость, но они оставили ее жалобы без внимания и продолжали допрос. На следующий день в тюремном туалете у нее случился выкидыш.

На 1997 год зафиксировано 883 известных случая принудительных абортов и стерилизации тибетских женщин, в результате чего одна женщина умерла, а трое родили мертвых детей. Многие женщины были оштрафованы за неразрешенную беременность. Из различных частей Тибета поступают сообщения о жестоких мерах по контролю за беременностью. Это, вкупе с массовой миграцией в Тибет китайских переселенцев, внушает серьезные опасения по поводу самого выживания тибетцев как нации.

Согласно установленному китайскими властями лимиту каждая женщина может родить не больше чем двух-трех детей; виновные в превышении установленной нормы подвергаются штрафу, доходящему до 1500-3000 юаней (US\$ 200-400). Детям, рожденным сверх установленной нормы, может быть отказано в получении образования и социальной поддержки. Некоторым женщинам вводят интервагинальные контрацептивные устройства, даже не сообщая им об этом, что часто приводит к серьезным заболеваниям.

В 1996 году в течение 22 дней в одном из районов Лхасы подверглись принудительной стерилизации 308 тибетских женщин, которые уже имели по трое детей.

Одна из них скончалась в больнице через три дня после проведенной операции. Из района Джамдун, находящегося на территории ТАО, поступили сообщения о том, что всем тибетским женщинам в возрасте старше 16 лет были введены контрацептивные средства длительного действия. Три женщины после проведенной операции родили мертвых младенцев.

Права детей

В течение 1997 года китайские власти продолжали подвергать тибетских детей незаконным арестам, пыткам и преследованиям по религиозным мотивам, а также нарушать их права на образование и культурные права. По меньшей мере, 39 тибетских детей содержатся в китайских тюрьмах в качестве политических заключенных; самый младший из них — восьмилетний Гедюн Чоки Ньима. Они зачастую содержатся во взрослых тюрьмах, лишены юридической помощи и контактов с родными, подвергаются жестокому обращению.

Около трети тибетских детей школьного возраста лишены возможности получать образование. Большинство новых школ построены во вновь возникших городских

Арест тибетского монаха. 1989 г.

Фунтсонг Янгий (Phuntsong Yangkyi), 20-летняя тибетская монахиня, арестованная за участие в ненасильственной борьбе за независимость. Была избита охранниками. Умерла в больнице в 1994 г.

центрах Тибета и предназначены для детей китайских переселенцев. Тибетцы часто не имеют возможности поступить в школу из-за непомерно высокой платы за

образование, а также по причине того, что вступительные экзамены проводятся на китайском языке. В упадок приходит также классическое монастырское образование. Число монахов и монахинь строго ограничено, а за право отдать ребенка в монастырскую школу китайские чиновники берут большие взятки. В процессе проведения кампании «Жесткого удара» в 1996-97 годах из тибетских монастырей было изгнано 613 детей-монахов.

Вытеснение тибетского языка из школьной программы свидетельствует о тенденции китайских властей китанизировать тибетских детей. В апреле 1997 года китайцы объявили, что тибетский не будет больше единственным языком для начальной школы, а местами китайский полностью заменит тибетский язык в качестве языка общения. Тибетские дети, находящиеся ныне в изгнании, сообщают, что им запрещалось носить тибетскую одежду, есть традиционную тибетскую пищу, отмечать тибетские праздники и иметь при себе фотографии Далай-ламы.

Дети-беженцы сообщают также о жестоких наказаниях, введенных китайской администрацией в школах Тибета. Опрошенные дети рассказали о том, что их заставляли чистить оросительные каналы, стирать одежду учителей и производить уборку в промышленных районах. Все учащиеся младших классов — дети от 6 до 12 лет — подвергались избиениям с применением резиновых дубинок, плеток, ремней, электропроводов, ножек от стульев, бамбуковых палок и т.д.

Переселение

Сохранение тибетской нации является, наверное, наиболее острой и неотложной проблемой, стоящей сегодня перед тибетцами. Начиная с середины 1994 года в Тибет для работы на 62 новых промышленных объектах, созданных по инициативе пекинской администрации, прибыло более 500 000 китайских переселенцев. Массовое переселение китайцев, сопровождающее осуществление этих проектов, делает шестимиллионный тибетский народ меньшинством среди 7,5 миллионов китайских мигрантов.

Эти прибывающие в Тибет китайцы получают значительные преимущества по сравнению с коренным населением в области жилищной политики, снабжения, образования и социального обслуживания. Новые школы и больницы, возводимые на территории ТАО, располагаются, в первую очередь, в крупных городах и предназначены для

китайских переселенцев. Традиционные тибетские дома подвергаются разрушению, и на их месте возводятся китайские блочные строения, а проекты развития региона грозят дальнейшими бедами экологии Тибета, и так уже серьезно поврежденной массовым уничтожением лесов и разработкой полезных ископаемых.

Право на средства к существованию

Заявления китайских представителей о росте благосостояния и улучшении социально-экономических показателей в Тибете опровергаются сообщениями последних семидесяти тибетских беженцев, прибывших недавно из различных частей Тибета. Они сообщают, что китайская экономическая политика в Тибете никак не затрагивает огромное число тибетцев, проживающих в сельской местности. Многие тибетцы сообщают, что экономические репрессии, проводимые китайскими властями, негативно повлияли на их уровень жизни и возможность прокормить себя и свою семью.

В этих репрессиях китайская ценовая политика играет решающую роль. Тибетцы подвергаются различным формам налогообложения, некоторые из которых невероятно высоки и не зависят от их экономического положения, и ничто не свидетельствует в пользу того, что те, кто вынужден платить эти непомерные налоги, получают что-либо от государства взамен. Предметом налогообложения являются: земля, домашние животные, шерсть и мех, мясо, зерно, масло, молоко, сыр, сено, питательные и медицинские травы. Собираются также налоги «на старость» и «на образование», даже если люди не получают никакой социальной или образовательной поддержки. С начала 1997 года собирается налог со всех иногородних, посещающих Лхасу. Поступают сообщения о сборе налога за право совершения ритуального обхождения святынь и о «налоге с человека».

Редакция выражает признательность Центру тибетской культуры и информации за предоставленный материал.

В публикации использованы фотографии из книги "Chiny. Nikt nie est bezpieczny" ("Китай. Никто не чувствует себя в безопасности"), изданной польским отделением Международной Амнистии.

Патруль Китайской народно-освободительной армии на улицах Лхасы после введения военного положения в апреле 1989 г.

Показания Гао Сяодун (Gao Xiao Duan), чиновника по планированию рождаемости, перед подкомиссией по правам человека Комитета международных отношений Палаты представителей США.

10 июня 1998

Я — гражданка Народной Республики Китая. Я приехала в США в апреле этого года.

С 1984 по 1998 год я работала служащей в Центре по планированию рождаемости в городе Юнхе, в провинции Фуцзянь. Моя работа администратора заключалась в том, чтобы разрабатывать и выполнять конкретные меры согласно документам Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и Государственного Совета по планированию рождаемости. Под юрисдикцией города Юнхе находятся 22 деревни с населением более 60000. Центр по планированию рождаемости (*Planned-Birth Office — PBO*) города Юнхе был учрежден в 1984 году. Сейчас PBO занимает 4-х этажное офисное здание, которое было построено в 1992 году. На первом этаже располагаются офисы, комната с компьютерами и 2 помещения для задержанных, которые нарушают законы планирования рождаемости. На втором этаже находится приемная комната для осмотра беременных женщин, для введения контрацептивной спирали и для проведения операций по стерилизации. На четвертом этаже находится общежитие для штатных работников.

С тех пор как планирование рождаемости стало в Китае основной национальной политикой, проводимой Центральным комитетом по планированию рождаемости

в каждой отдельной деревне, она рьяно воплощается в жизнь кадрами, работающими полный рабочий день.

Порядок работы PBO следующий:

1. Составление компьютерного банка данных всех женщин детородного возраста в городе, включающего их даты рождения, замужества, детей, используемые контрацептивные средства, беременности, аборт, возможности рождения детей и т.д.

2. Выдача «Сертификата на разрешение беременности» и устава центрального и местного комитетов по планированию рождаемости женщинам, которые поддерживают эту политику. Без сертификата женщинам не разрешается рожать детей. Если у женщины, не имеющей сертификата, обнаружат беременность, немедленно проводится ее прерывание, независимо от того, сколько месяцев она беременна.

3. Выдача уведомлений о запрете беременности. Такие уведомления отсылаются парам, в чьих данных есть ссылка на то, что они не выполняют требования политики, тем самым им не разрешается рожать детей. Семья, чьим первенцем был мальчик или девочка, но которая рождает второго ребенка, мальчика или девочку, получает такое уведомление через три года и два месяца. Такие уведомления становятся достоянием общественности с целью сообщить каждому, что эта семья нарушает законы, тем самым облегчается наблюдение за этой семьей.

4. Выдача уведомлений о «выполнении мер по контролю рождаемости». Каждая женщина детородного возраста уведомляется в соответствии со своими данными, что она должна иметь надежные контрацептивные средства и по необходимости проходить обследования. Если она своевременно не явится на эти обследования, она не только будет вынуждена заплатить денежный штраф, но и будет задержана командой наблюдения PBO, которая заставит ее пройти эти обследования.

5. Обложение денежным штрафом тех, кто нарушает местный устав. Если они отказываются платить штрафы, то члены команды наблюдения арестовывают их и задерживают до тех пор, пока они не заплатят.

6. PBO регулярно наблюдает и проверяет, как штатные работники центров по планированию рождаемости в 22 деревнях выполняют свои обязанности. Муниципальный комитет по планированию рождаемости часто посылает выбранных наугад работников в деревни из опасения, что местные кадры могут скооперироваться с деревенскими жителями или что образуется местная оппозиция против работников, добросовестно выполняющих свои обязанности.

7. Написание ежемесячных отчетов о работе по планированию рождаемости, которые подписываются городской главой и городским комитетом коммунистической партии, затем они представляются на рассмотрение органам муниципальной власти и главе комитета коммунистической партии. Затем мы ждем инспекторов, посланных высшими органами правительства, которые проверяют нашу работу в любое время.

8. Анализ информационных материалов, переданных в соответствии с «информационной системой», и помещение этих фактов в картотеку для исследования. Некоторые материалы бывают не убедительны, но работники, занимающиеся планированием рождаемости, знают, что они несут персональную ответственность за свои деревни, поэтому они стараются избежать критики и наказания со стороны начальства (существует очень строгая система поощрения и наказания). Они применяют любые методы, чтобы выполнить задачи по планированию рождаемо-

сти, поставленные перед ними их начальниками. Работники отвечают за свои дела, но главная причина, по которой они действуют так агрессивно, такова, что работники находятся под страшным давлением уставов, согласно которым нужно проводить политику. Несмотря на то, что такие работники грубо нарушают права человека, их никогда не обвиняют и никогда не наказывают за их действия.

9. Всякий раз, как РВО объявляет об организации «команд наблюдения за планированием рождаемости», городской глава и секретарь комитета коммунистической партии немедленно приказывают всем организациям — общественной безопасности, суду, финансовым, экономическим организациям отбирать кадры и организовывать их в эти команды. Затем их посылают в деревни или районы, где могут возникнуть проблемы, или для рутинной проверки каждого жителя, или для оперативной проверки местных нарушителей. «Команды наблюдения временные, и во избежание утечки информации кадры до последней минуты не знают, в какую деревню их пошлют. «Команды наблюдения за планированием рождаемости» обычно предпринимают ночные рейды, окружая находящиеся под подозрением дома с быстротой молнии. Если им не удается арестовать нарушителя-женщину, они задерживают ее мужа, братьев и/или родителей вместо самой женщины и держат их в комнате РВО для задержанных, чтобы заставить женщину сдаться самой. Затем центр проводит ее стерилизацию или прерывание беременности.

Ниже указаны несколько процедур, проводимых после рейдов «команд наблюдения»:

1. Разрушение дома. Ни в одном документе нет разрешения на разрушение дома нарушителя. Но я хорошо знаю, что эта практика существует не только в нашей провинции, но и в сельских районах других провинций.

2. Арест и содержание под стражей нарушителей. Многие РВО в сельских районах провинции Фуцзянь имеют свои собственные условия содержания под стражей. В нашем городе такое помещение находится за соседней с моим офисом дверью. Имеется одна комната для мужчин и одна комната для женщин, каждая способна вместить около 25-30 человек. Чтобы задержать нарушителя, нашему РВО не нужно:

а) разрешение суда, юридических институтов или институтов общественной безопасности (наши действия не зависят от них);

б) соблюдение иных формальностей;

в) установление сроков.

Задержанные платят 8 юаней в день за еду. Им не разрешается звонить по телефону или посылать письма. Большинство задержанных — это, конечно, или женщины, которые забеременели без «сертификата на разрешение беременности», или женщины, которые должны быть стерилизованы, или женщины, которые отказались платить денежный штраф. Как я уже объясняла ранее, если мы не арестовываем самих женщин, мы задерживаем членов их семей, пока женщины не дадут согласие на стерилизацию или аборт.

1. Стерилизация. Число женщин, стерилизованных после родов, необычайно высоко. С января по сентябрь 1996 года из всех женщин детородного возраста с одним ребенком 1633 подверглись операции по введению контрацептивного средства или подкожному введению средства, а 207 подверглись стерилизации; из женщин детородного возраста с двумя детьми 3889 подверглись стерилизации, 167 — введению контрацептивного средства.

Если есть доказательство того, что женщина подкупила врача, чтобы получить фальшивый сертификат о стерилизации, мы промываем спецрастворами ее репродуктивные органы. Стерилизация может проводиться с «общим поручительством», с 5 свидетелями, которые все ручаются за то, что женщина в данном случае не забеременеет снова.

2. Прерывание беременности. Согласно правительственному уставу для беременных не более трех месяцев женщин предполагается «искусственный аборт», а если беременность более трех месяцев, то проводятся «стимулированные роды». В нашем городе ежемесячно проводятся в среднем 10-15 операций по прерыванию беременности, и 1/3 подвергаемых этой операции беременны более трех месяцев. Например, в первой половине 1997 года всего проводилось 389 операций. Это число включало в себя 27 операций по стимулированию родов и 33 искусственных аборта.

Каждый месяц наш город готовит так называемый «обзор отчетов по планированию рождаемости». В нем детально перечисляются роды, выдача сертификатов на разрешение беременности и выполнение мер контроля за рождаемостью в нашем городе; потом он подается на рассмотрение комитету по планированию рождаемости. В январе-сентябре 1996 года всего проводилось 757 операций по 5 категориям. Они включали в себя: 256 стерилизаций, 386 операций по введению контрацептивов, 3 из них с подкожным введением, 41 искусственный аборт и 71 операция по стимулированным родам. Мы должны предоставлять все эти данные муниципальному комитету по планированию рождаемости ежемесячно и ежегодно, и это должно храниться в картотеке.

Мой муж Чжан Дишун (Zhang De Shuang), директор фабрики по производству одежды в городе Юнхе. Мы поженились в 1983 году. Через год у нас родилась дочь Чжан Вейлин. Мы оба очень любим детей. К сожалению, под давлением политики «одного ребенка» в коммунистическом Китае мы не могли иметь второго ребенка. Единственная вещь, которую мы могли сделать, это усыновить мальчика в 1993 году в Северо-Восточном Китае, в Харбине. Мы называли его Чжан Вейпен. Это, конечно, было нарушением политики. У нас не было другого выбора, как держать его в другом доме, с хозяином которого у нас были личные контакты. Из страха, что другие люди в нашем городе узнают об этом, он никогда не называл меня мамой в присутствии посторонних. Когда агенты правительства проводили проверку каждого дома, наш сын прятался в другом месте. Большую часть времени он проводил в доме нашего друга.

Моя старшая сестра и жена моего старшего брата имеют каждая по две дочери. Обе прошли стерилизацию, их здоровье было разрушено, для них стало невозможным даже нормально жить и работать.

За время моего 14-летнего пребывания в РВО я была свидетелем тому, как много братьев и сестер подвергались гонениям со стороны китайского коммунистического правительства за нарушение его политики планирования рождаемости. Многие из них были искалечены на всю жизнь, многие стали жертвами душевных расстройств в результате принудительных аборт. Многие семьи были разорены или уничтожены. Угрызения совести всегда терзали мое сердце. Я ясно вспоминаю, как я однажды направила своих подчиненных в госпиталь города Инлин (Yinglin) для проверки рождаемости. Я обнаружила, что две женщины в городе Жоукен (Zhoukeng) должны родить вне плана. Действуя с одобрения городского главы, я возглавила

«команду наблюдения за планированием рождаемости», состоящую из дюжины работников и агентов общественной безопасности. С кувалдами и ломом в руках мы направились в город Жоукен и разрушили их дома. Не имея возможности арестовать женщин, мы взяли их матерей вместо них и держали под стражей в помещении для задержанных в РВО. Через полтора месяца женщины сами сдались в РВО, где они были стерилизованы и обложены денежным штрафом. Я сделала много жестоких вещей, но я думала, что добросовестно выполняю политику нашей «дорогой партии» и была примерным гражданином, хорошим работником.

Однажды я обнаружила женщину, которая была на девятом месяце беременности, но не имела сертификата о разрешении. В соответствии с политикой она должна была быть подвергнута операции по прерыванию беременности. В операционной я увидела, как абортированный ребенок причмокивал губками, как двигал ножками.

Врач ввел яд ему в голову, и ребенок умер, и был выброшен в ящик для мусора. Я не хотела помогать тирану совершать зло. Я не могла вынести вида всех этих матерей, убитых горем после аборта и стерилизации. Я не могла жить с этим на моей совести. В конце концов, я тоже мать.

Все 14 лет днем я была монстром, причиняя вред другим варварской политикой планирования рождаемости, проводимой китайскими коммунистическими властями, но вечером я, подобно всем женщинам и матерям, наслаждалась жизнью с моими детьми. Я не могла больше жить такой двойной жизнью. Я хочу покаяться и сказать искренне всем тем искалеченным женщинам, всем тем детям, которых убили, что я очень сожалею! Я хочу быть нормальным человеческим существом. Я также искренне надеюсь, что все, о чем я здесь сегодня написала, может привлечь ваше внимание к этой проблеме, чтобы вы могли протянуть руки и спасти китайских детей и женщин.

**"Если бы мой
ребенок
остался жив..."**

Показания Чжоу Шиуян (Zhou Shiu Yan), жертвы китайской политики планирования рождаемости перед подкомиссией по правам человека Комитета международных отношений Палаты представителей США.

10 июня 1998 г.

Меня зовут Чжоу Шиуян, я родилась в провинции Фуцзянь, в Китае, 5 августа 1973 года. Мои родители Чжоу Хайгуан (Zhou Hai Guan) и Чен И Цзяо (Chen Yi Jiao). 15 июня 1993 года я села на корабль в Гуанчжоу и бежала в США.

Когда мне было 11, я встретила своего друга Чена Цзянлина (Chen Jian Lin). Мы росли вместе. В мае 1993 года, когда мне было 19 лет, я обнаружила, что беременна. Мы оба были счастливы и пошли в государственное учреждение, чтобы зарегистрировать наш брак. Но нам отказали только потому, что мне было меньше 20 лет.

Позднее власти узнали, что я беременна. Почувствовав себя плохо, я пошла в больницу. Врач, который осматривал меня, сообщил о моей беременности властям. Так как у меня не было свидетельства о браке и одобренного правительством сертификата на разрешение беременности, моя беременность считалась нелегальной и я не могла иметь ребенка.

Власти послали нескольких людей к моему дому. Я услышала, что группа мужчин стоит у двери, я знала, что это агенты властей, они пришли, чтобы забрать меня на аборт. Я спряталась в своей комнате. Пять мужчин подошли к моей двери и сломали ее (один из мужчин стоял снаружи на страже). Войдя в мою комнату, они схватили меня и надели наручники, потом они отвезли меня в больницу. Они заперли меня на несколько часов в маленькой комнате в больнице. Они дали мне таблетку, а через 30 минут вернулись, чтобы сделать инъекцию. Они заставили меня проглотить таблетку, но я избежала инъекции. Мой друг знал, что меня заперли. Он дал денег медсестре, чтобы она открыла окно. Она открыла окно, и я выпрыгнула. Потом мой друг отвез меня на машине прямо в Гуанчжоу. Мы очень хотели этого ребенка. Мы сумели купить билет на корабль. Я надеялась, что покинув Китай, я смогу найти безопасное место, где я рожу моего ребенка.

15 июня 1993 года, когда я отправилась в США, я была на втором месяце беременности. Из-за морской болезни и из-за тошноты, связанной с беременностью, я в течение почти всего времени на корабле была без сознания и очень мало ела. Когда меня задержали иммиграционные власти США 19 июля 1993 года, я не могла ясно осознать, что со мной случилось. Я потеряла своего ребенка в госпитале в Сан-Диего. Я носила его три месяца. Я так жалею о том, что была больна и потеряла своего первого ребенка. Меня не покидала мысль: «Я потеряла его, я потеряла его».

Когда я жила в моем родном городе в Китае, я видела, как много беременных женщин прячутся там, где могут. Некоторые из них были на девятом месяце беременности, но их заставляли пройти процедуру аборта по той лишь причине, что у них не было сертификата на беременность. Власти разрушали дома некоторых из них, лишая их крова.

Политика правительства по планированию рождаемости очень суровая. В моей родной деревне я видела, как женщины искали место, чтобы спрятаться ночью, потому

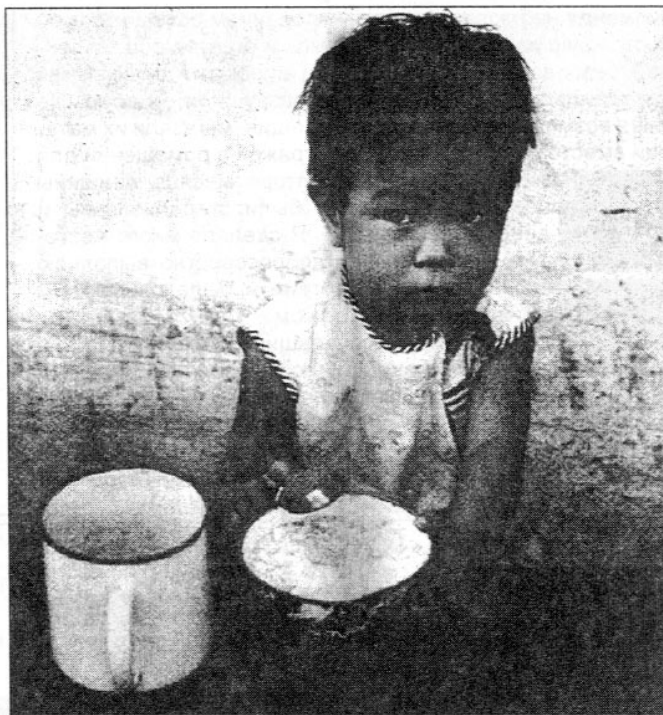

что власти обычно ловят людей ночью. Все это вселяло в меня ужас. Даже здесь, в США, я боюсь. Я не осмеливалась ничего говорить о китайском правительстве, потому что если бы я сказала, что китайское правительство преследует меня за нарушение политики планирования рождаемости и я сбежала в США, то власти стали бы преследовать членов моей семьи в Китае.

С другой стороны, я не знаю, останусь ли я в этой свободной стране или меня возвратят обратно в Китай. Поэтому я сказала, что я сбежала из Китая по нескольким причинам: потому что меня выгнали мои родители и потому что мой друг хотел ребенка. Тот факт, что это мой первый ребенок, стал причиной моего отъезда. Я была так счастлива, когда носила его и думала, что стану матерью. Поэтому я решила бежать куда-нибудь по морю, чтобы сохранить своего ребенка. Я очень переживала, когда узнала, что потеряла его.

Спасибо вам всем. Спасибо вам, мои американские друзья. Вы любите меня... Если бы мой ребенок остался жив, ему было бы сегодня 5 лет. Я надеюсь, что у меня снова будет ребенок, я хочу когда-нибудь в будущем стать матерью. Я молюсь за это.

По материалам неправительственной организации Laogai Research Foundatin
Перевод с английского: О. Семенова

Практика умерщвления в автономном районе Синьцзян «сверхлимитных» новорожденных с помощью инъекций более похожа на плод больного воображения. Тем не менее это действительность.

В Урумчи уйгурка, жена милиционера, рожала дома, потому что супруги не обращались в больницу, боясь принудительной стерилизации. Роды были тяжелыми, пришлось вызвать врача-китайца, который оказал роженице помощь. Родились близнецы — мальчик и девочка. Врач объявил матери, что она обязана умертвить одного из детей как «сверхлимитного», и предложил ей выбрать, которого. Он сказал: «Один ребенок твой, а второй — собственность партии». Медицинский работник (язык не поворачивается называть этого человека врачом — прим. перев.) не поддавался ни убеждениям, ни мольбам родителей. Он заявил: «Отказываясь сделать выбор, вы пренебрегаете решением партии». Улучив минуту, когда родители отвлеклись, он сделал девочке инъекцию. Ребенок умер. Отец застрелил убийцу. Милиционера арестовали. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В городе Чугучак женщина казахской национальности родила ребенка в больнице. Врач (китайка) сказала, что

этот ребенок родился «сверх плана». Сделала ему укол, от которого ребенок должен был умереть, и положила его в коробку. Неизвестно почему, ребенок не умер и начал плакать. Мать схватила ребенка и прижала к груди. Его вырвали у нее силой. Главный врач больницы сказал: «Согласно решению партии этот ребенок не имеет права жить. Место ему в могиле, и он туда отправится!» После этих слов он убил ребенка молотком.

Подобных трагедий происходит тысячи и тысячи. Согласно среднестатистическим выкладкам, в автономном районе с населением 25 миллионов человек (по данным справочника, изданного посольством КНР в 1993 году — 15,8 миллиона человек — прим. ред. «Карты») каждый год должно рождаться около 450000 детей. Жесткая демографическая политика Коммунистической партии Китая привела к тому, что прирост населения составил только 648000 человек за 15 лет. По данным оппозиционных организаций, за это же самое время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе было умерщвлено 324000 новорожденных.

Кшиштоф Лозиньски

Данный материал подготовлен на основе информации уйгурской оппозиции. Достоверность данных подтверждена китайскими оппозиционными организациями.

Справка: Синьцзян-Уйгурский автономный район. Проживают тюркоязычные народы: уйгуры (большинство), казахи, дунганы (хузй), киргизы и немногочисленные китайцы. Столица — Урумчи. Доминирующая религия — ислам. Уйгуры, не признающие китайского превосходства, используют название Восточный Туркестан.

Перевод с польского: Ю. Середа

Вольфганг КАЗАК

Рассказу и в том, товарищи, проба... Вольфганг КАЗАК... Рассказу и в том, товарищи, проба... Вольфганг КАЗАК...

Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент... Создается он столетьями, а утрачивается в момент, под бомбежку ли, под гармошку ли, под красивую ль болтовню...

— Провальте... — пробормотал как глухое... тая подлость... С ним было... а в эту ночь... Почему Андрей ему говорить... Потому Андрей...

Цензурой в СССР называется как сама процедура, так и орган, осуществляющий ее, применяя к литературе, во-первых, принципы партийности и социалистического реализма, во-вторых, законы по охране государственных тайн.

Цензура простирается на производство и распространение всей печатной продукции и на передачу информации всеми прочими средствами массовой коммуникации. Официально признается только, что «гос. контроль установлен» (Б. Сов. Энциклопедия, 3-е изд., т. 28, колонка 1457), но не сообщается, какие учреждения для этого существуют.

Высшей цензурной инстанцией в СССР является ЦК КПСС, в особенности отдел идеологии и пропаганды. После Октябрьской революции, уже 7.11.1917, цензура, отмененная Февральской революцией, была снова установлена «Декретом о печати». Действующий и поныне специальный орган цензуры был создан 6.06.1922 как Главное управление по делам литературы и издательства, сокращенно — Главлит. Сокращение употребляется и поныне, хотя полное название изменилось, теперь это — Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати. Формально Главлит подчиняется Комитету по делам печати при Совете Министров СССР. Под началом центрального московского управления находится широко разветвленная сеть цензорских служб. Представители цензуры занимают должности в издательствах, в большинстве редакций газет и журналов всего Советского Союза.

Кроме того, независимо от Главлита, существует еще одна цензура с правом непосредственного вмешательства: постоянные представители КПСС во всех редакционных советах, подчиненные местным комитетам партии (отделы агитации и пропаганды и отделы по делам культуры). Наряду с этими двумя формами общей цензуры есть и специальные, осуществляемые милицией, КГБ, Министерством иностранных дел и т.д.

Сотрудники цензуры имеют дело с редакторами, но не с авторами.

Однако редакторы и сами непосредственно осуществляют цензурные функции. Они решают, какие инстанции — кроме Главлита — могут быть привлечены к делу.

Дополнительной цензуре подвергаются сообщения с зарубежными странами. Книжный экспорт и импорт находятся в руках организации «Международная книга». Контроль над всей переводной литературой, идущей из-за границы и за границу, осуществляет ВААП (Всесоюзное агентство авторских прав).

В Российской империи при Екатерине II было создано цензурное ведомство и издано первое положение о цензуре — Цензурный устав. Николай I был личным цензором Пушкина. В 1865 были освобождены от предварительной цензуры все оригинальные сочинения объемом свыше 10-ти печатных листов, все переводы объемом свыше 20-ти печатных листов и вся периодика столичных городов (с разрешения Министерства внутренних дел). В 1905-1906 гг. была отменена всякая предварительная цензура. С 1862 г. публиковались списки произведений, затронутых цензурой (ср.: Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь: «Цензурные взыскания»).

В Советском Союзе цензура обострялась постепенно и постоянно. Цензурные вмешательства, равно как рабочие принципы и само учреждение — скрываются. Вся печатная продукция должна проходить трехступенчатую предварительную цензуру, которая повторяется при переиздании; затем вступает в действие не ограниченная во времени последующая цензура, что десятилетия спустя может привести к исправлению или запрещению книг, некогда разрешенных цензурой.

Цензуре подлежат рукописи, корректурные оттиски (гранки) и сигнальные экземпляры. Цензор дает предписание относительно секретности фактической стороны дела и, как правило, рекомендации по идеологическим вопросам. Изменение «идейно неполноценного» и устранение «ненужных уточнений» предоставляется редакции и автору, причем автор лишен возможности непосредственно ознакомиться с указаниями и рекомендациями цензора. В редакционном решении, кроме непосредственно редактора, принимают участие другие члены редакции, главный редактор и директор издательства. Они стоят между цензором и автором и могут способствовать как сужению, так и сохранению первоначального авторского замысла. О допуске, данном цензором, свидетельствуют печати: «Разглашения военной или государственной тайны нет» — на

рукописи, «Разрешается в печать» — на гранках, «Разрешается в свет» — на сигнальном экземпляре. Часто автор узнает об изменениях только из своего контрольного экземпляра.

Обычно литературные произведения в СССР появляются сначала в журналах, потом отдельными книгами. В зависимости от того, были ли восстановлены измененные и вычеркнутые места или снова имело место вмешательство цензуры, книжный вариант может более или менее приближаться к подлинному тексту автора. Это зависит от реакции критики, общего политического положения, а также от новых редакторов и цензоров. Критерии цензуры меняются в соответствии с изменением партийной линии (при Сталине они зависели и от личных вкусов диктатора). Они регулярно заново фиксируются, в особенности — на страницах ежегодно выходящего закрытого «Перечня материалов и сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати». Однако немалую долю ответственности оставляют они и за цензором, который всегда может быть привлечен к ответу в случае упущений. Ужесточение цензуры проявляется, например, по отношению к эмигрировавшим и преследовавшимся авторам. Если в 20-е годы о таких авторах еще можно было упоминать, то сегодня все авторы второй и третьей волны эмиграции подлежат полному умолчанию. С 1947 г. цензура выправляла тексты в духе русского шовинизма и борьбы с космополитизмом. В период оттепели (1953–1963) цензура была либеральнее, что привело к расцвету литературы. Знаменитым авторам, получившим признание за границей, позволяется большая идеологическая свобода, чем мало известным писателям.

Из опыта многих советских писателей можно вывести некоторые принципы, которые, с различной степенью интенсивности, применяются цензорами. Жизнь в СССР должна изображаться в целом положительно, следует умалчивать о социальных конфликтах (например, между привилегированной номенклатурой и обычными гражданами, между русскими и другими национальностями, между городским и сельским населением, между пропагандой и действительностью). Табу подлежат описания личных переживаний в прошлом и настоящем, противоречащие принятым представлениям о государстве и обществе; описания положительных религиозных, трансцендентных переживаний; описания не только каких бы то ни было сексуальных наслаждений и страданий, но и всей физиологической сферы человеческого существования. Запрещено критическое изображение высоких государственных функционеров и деятелей искусства; запрещено касаться их личной жизни; запрещено упоминание лиц и народов, впадших в немилость со стороны партии; запрещена критика по адресу советской армии, милиции, партии; запрещено изображение жизни зарубежных стран и иностранцев, если оно не служит во всех отношениях утверждениям о превосходства СССР; запрещено (секретным циркулярным письмом Главлита к издательствам от 1977 г.) упоминание 1937-го года, т.е. сталинских убийств; упоминание о советских местах заключения, о загрязнении окружающей среды.

Всякое исключение должно быть охарактеризовано как единичное и чрезвычайное. У отдельных авторов, в отдельных пассажах, в определенное время можно найти отступления от каждого из названных правил, но это не опровергает общую тенденцию, а должно рассматриваться скорее как проявление тактики.

Прежде всего цензура ведет к возникновению самоцензуры, «внутреннего цензора», влияние которого каждый автор испытывает в самом процессе писания, ибо каждую мысль, каждый образ, каждое слово он проверяет — пройдет ли это цензуру.

Действия внешней цензуры сказываются в вычеркивании или изменении отдельных слов, абзацев или глав, а также в полном запрещении книг. Поэтому **нет полного собрания сочинений ни одного из советских писателей** (включая также Горького и Маяковского). Издания авторов, высоко ценимых за рубежом, но с большим трудом поддающихся истолкованию в духе социалистической идеологии и десятилетиями замалчивающихся, таких как: Мандельштам, Волошин, Клюев, Пильняк, Хлебников, — вышли незначительными тиражами, предназначенными, практически, для экспорта за границу и для немногих библиотек в СССР, чтобы их распространение можно было проконтролировать.

Изменение линии партии обуславливает переиздание массы книг, появляющихся в новых редакциях. Так, например, около 1950 г. В. Катаеву, М. Шолохову, А. Фадееву пришлось переписать основные свои романы, искажая в них исторические факты. Еще пример: если говорить об отношении партизан к коммунистической партии, превратился в свою противоположность документальный роман П. Вершигоры. Когда после 1954 г. на некоторое время было изъято из обращения имя Сталина, это привело к полному изменению содержания некоторых произведений (например, пьес Погодина).

Мероприятия цензуры против отдельных авторов не заканчиваются запрещением отдельных произведений, но могут простираются до запрещения издания собраний сочинений или вообще публикации книг, а в дальнейшем — до полного замалчивания автора. В учебнике по литературе Л. Тимофеева отсутствуют имена не только всех писателей, погибших в годы сталинских чисток, — Бабеля, Воронкова, Мандельштама, Пильняка и многих других, но и оставшихся в живых, например, Булгакова, Олеси, Пастернака, Платонова; многие, как Паустовский или Светлов, упомянуты только в перечислениях. В учебнике по истории литературы под редакцией П. Выходцева (3-е изд., 1979, для высших учебных заведений) все эти авторы упомянуты после своей реабилитации, но отсутствуют имена таких высоко ценимых в свое время писателей, как В. Аксенов, Г. Владимов, В. Войнович, В. Некрасов, А. Солженицын, о произведениях которых в предыдущих изданиях этого учебника нередко говорилось весьма подробно. Искажение истории литературы доходит до того, что такие авторы не называются в предметно-именном указателе Краткой литературной энциклопедии (1978, т. 9), даже если им в предыдущих томах посвящены отдельные статьи.

Цензура распространяется и на литературу 19-го века; десятилетиями не выходили новыми изданиями некоторые авторы (Достоевский, Лесков) и совершенно замалчивались некоторые произведения, особенно религиозного содержания. Во всех советских изданиях заведомо неверно — с маленькой буквы — пишется слово «Бог». Исправления вносятся даже в тексты издаваемой переписки (Чехов, Достоевский). Подвергаются цензуре и переводы произведений зарубежных авторов. При Сталине западная художественная литература не переводилась, а в наши дни предпочтение оказывается произведениям авторов из социалистических стран. В отдельных произведениях

производятся купюры, изменения и дополнения текста. В романе Г. Белля «Групповой портрет с дамой» в 1973 г. были изменены 150 мест в тексте (500 строк). В 1968 г. искажению подвергся роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (более 20 мест в тексте), на треть сокращен роман Дж. Джонса «Отныне и вовеки веков», а пьеса А. Миллера «Суровое испытание» изменена таким образом, чтобы вся ее актуальная критическая направленность касалась только Запада. Цензурные исправления затронули переводы таких авторов, как С. Беккет, Г. Грасс, Г. Грин, Г. Казак, Д. Стейнбек, К. Цукмайер и др.

Лишь в редких случаях цензурные ограничения в СССР вызывают открытую или полукрытую реакцию общественности. В основном следствием цензуры явился самиздат и тамиздат. В 1967 г., перед 4-м съездом писателей, А. Солженицын протестовал в открытом письме против Главлита как органа, не предусмотренного конституцией, властью которого «литературно неграмотные осуществляют произвол» над писателями. Его попытка добиться хотя бы дискуссии о цензуре имела успех только в кулуарах съезда. Один лишь О. Гончар резко высказался с трибуны; по его словам, цензор — это «человек-невидимка с цветным карандашом, крепко зажатым в руке». Г. Свирский за свою защитительную речь (16.01.1968), сохранившую существенные упреки в адрес Главлита, был исключен из партии. Сборник «Тарусские страницы» (1961), подготовленный частично в обход цензуры, и неудачная попытка легально опубликовать альманах «Метрополь» без вмешательства Главлита являются свидетельствами протеста против цензуры.

Давление цензуры оставляет глубокий след на русской литературе. Многие авторы в течение десятилетий не публиковали главного из написанного ими, а зачастую просто не в состоянии были писать вообще. Многие из написанного пропало: либо сам автор из страха уничтожил свое произведение, либо оно было конфисковано органами госбезопасности. С другой стороны, творчество невозможно подавить до конца, и как раз постоянная оглядка на цензора привела у некоторых авторов к возникновению метафорического, эзопова языка. А это, в свою очередь, привело, в отдельных случаях, к созданию еще большей многослойности произведений. В силу временных или непреходящих запретов советский читатель лишается самых значительных, часто пользующихся мировым признанием произведений (например, романы Булгакова, Бунина, Мережковского, Набокова, Пастернака, Шмелева, Солженицына или экспериментальная поэзия Айги, Введенского, Хармса, Хлебникова и др.). Правда, многие из опубликованных за пределами СССР произведений попадают в руки писателей; тем не менее ущерб, наносимый цензурой русской литературе в духовном и формальном отношении, неизмерим.

Никогда нельзя быть уверенным, что текст опубликованного в СССР произведения отвечает авторскому замыслу. Ни одна история русской литературы, изданная в СССР, не обходится без фальсификации, причем отрицание всего религиозного содержания и замалчивание творчества писателей, живущих за границей, — это лишь наиболее вопиющие примеры тому.

Несмотря на огромный аппарат цензуры, ей вот уже скоро 70 лет никак не удается полностью подогнать русскую литературу под представления КПСС. Но это — слабое утешение, если вспомнить о серьезном оскудении литературного творчества в СССР.

Литература (о цензуре вообще):

- Действующее законодательство о печати. Сост. Л. Фогелевич, 1931;
- Р. Гуль, ж. «Современные записки», Paris, 1938, N 66, ж. «Новый журнал», New York, 1972, N 106 и в его кн.: Одвуконь, New York, 1973;
- M. Friedberg, ж. «Problems of Communism», Washington, 1954, N 1, в кн.: «Literature and Revolution in Soviet Russia 1917-1962», London, 1963 и в его кн.: «A Decade of Euphoria», Bloomington, 1977;
- M. Fainsod, ж. «Problems of Communism», 1956, N 2;
- С. Штут, ж. «Новый мир», 1956, N 9;
- Главлит, ж. «Посев», Frankfurt/M., 1968, N 7;
- P. Hubner, ж. «Osteuropa», Stuttgart, 1972, N 1;
- The Soviet Censorship, сост. M. Dewhurst, R. Farrell, New York — Munchen, 1973 (с подробной библиографией);
- А. Солженицын, Письмо IV съезду Союза советских писателей, в его кн.: «Бодался теленок с дубом», Paris, 1975;
- Е. Эткинд, в его кн.: «Записки незаговорщика», Paris, 1977 (в особенности с. 319 и след.) и ж. «Синтаксис», Paris, 1981, N 9;
- G. Walker, Soviet Book Publishing Policy, Cambridge, 1978;
- Г. Свирский, На лобном месте, London, 1979 (с. 404 и след., прим. 81);
- Л. Лосев, «Русская мысль», Paris, 1983, в его кн.: «Закрытый распределитель», Ann Arbor, 1984 и «On the Beneficence of Censorship», Munchen, 1984;
- W. Kasack, «Osteuropa», 1985, N 2.

Об отдельных авторах:

- G. Struve, «The Slavonic and East European Review», 1955, N 2 (Чехов);
- L. Twarog, «The American Slavic and East European Review», 1955, N 3 (Костылев);
- D. Goldstein, ж. «The American Slavic and East European Review», 1961, N 2 (Достоевский);
- Г. Ермолаев, ж. «Мосты», Munchen, 1966, N 12 (Шолохов);
- Л. Ржевский, ж. «Новый журнал», 1968, N 90 (Булгаков);
- F. Scholz, в кн.: Л. Леонов, «Вор» (репринт), Munchen, 1975;
- H.-J. Dreyer, Munchen, 1976 (Вершигора);
- Ю. Телесин, ж. «Encounter», 1976, N 6 и ж. «Время и мы», Tel Aviv, 1984, N 75 (Хемингуэй);
- H. Glade (совм. с P. Bruhn), «Heinrich Boll in der Sowjetunion», Berlin, 1980;
- L. Milne, в кн.: М. Булгаков, «Белая гвардия». Пьеса в 4-х действиях, Munchen, 1983.

К сожалению, многие задумки остались нереализованными. Смерть всегда преждевременна, особенно в момент расцвета духовных и интеллектуальных сил...

Морозов Н. А., член правления Сыктывкарского «Мемориала»

Памяти Альгирдаса Шеренаса

Шеренас Альгирдас, сын Ионо, родился в Литве, 29 декабря 1930 г., в местечке Лёляй уезда Тельшяй. 14 июня 1941 г. отец Альгирдаса был арестован и отправлен в сибирские лагеря (Красноярский край, п. Решеты), где и погиб, а все остальные члены семьи были депортированы в Усть-Куломский район Коми АССР и определены на спецпоселение в с. Ульяново. Мать и старшая сестра умерли в ссылке. За попытку бежать в Литву Альгирдас был осужден и отправлен в п. Абезь. Несмотря на тяжелые испытания, которые выпали на его долю, Альгирдас Шеренас не сломался, не пал духом. В 1957 году, после окончания ссылки, он поступил в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, стал ветврачом и до конца своих дней работал на республиканской ветстанции в Сыктывкаре. Здесь в конце 70-х гг. познакомился с Р.И. Пименовым и с 1988 г. становится активным членом Сыктывкарского «Мемориала». Никто из нас так хорошо не знал систему лагерей и спецпоселений в Коми АССР, как А. И. Шеренас. Много лет он собирал материалы для книги «Воркутинские лагеря смерти» (см. рецензию в «Карте», 1997, №19-20). А.И.Шеренасу принадлежит приоритет в открытии могилы известного русского историка-медиевиста Л. П. Карсавина в п. Абезь. В последние годы совместно с историками «Мемориала» он занимался составлением карты «ГУЛАГ в Коми крае».

А. И. Шеренас стал одним из основателей правозащитной коми национальной партии «Доръям асьнымэс».

Альгирдас ШЕРЕНАС

Сталинские лагеря Коми АССР

1. Лагерные системы, дислоцированные в 1929-1960 годы на территории Коми АССР, включали в себя: лагерные управления, лаготделения, лагпункты, командировки и подкомандировки, колонны и спецточки. Основное подразделение — ОЛП (отдельный лагерный пункт), а в Особых лагерях — 1948-1955 гг. — лаготделение. Среднее количество заключенных ОЛПа (лаготделения) около 3000 человек (обычно от 1000 до 4000 чел.). Количество заключенных строительной колонны — 150-600 чел. На крупных объектах могли быть сосредоточены гораздо большие контингенты заключенных. Например, на строительстве моста через р. Печора в 1941-42 гг. работало около 25 тыс. чел.

2. Лагерные системы постоянно реорганизовывались. 1929-1931 гг. — лагеря-экспедиции ОГПУ, 1931-1936 гг. — лагеря-тресты, затем лагеря-комбинаты и т.д. При этом суть их не менялась.

3. Существовали определенные различия между производственной и режимной сторонами деятельности лагерных систем («Воркутстрой» и «Воркутлаг», «Интастрой» и «Инталаг» и т.д.). Управления строительства и управления лагерями тесно переплетались и взаимодействовали. Например, «Воркутстрой» руководил всем производством (планирование, инженерия, снабжение, сбыт и т.д.), а «Воркутлаг» обеспечивал «Воркутстрой» рабо-

чей силой. Как правило, начальник управления лагеря был первым заместителем начальника строительства при общем подчинении тех и других ГУЛАГу. Этим достигался эффект маскировки лагерей под обычные хозяйственные предприятия.

ЛАГЕРНЫЕ СИСТЕМЫ КОМИ АССР (краткое описание)

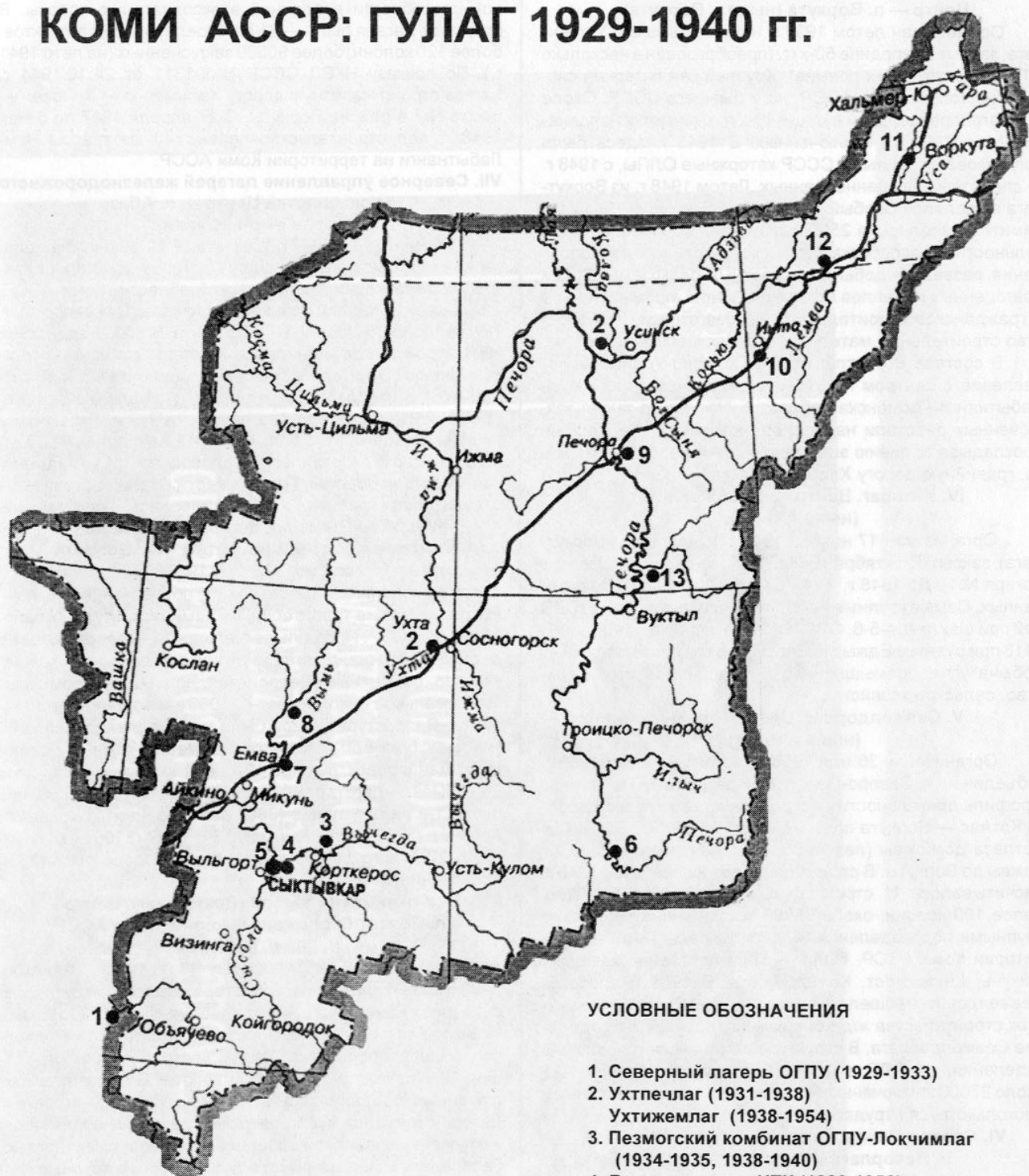
I. Ухтпечлаг. Центр — пос. Чибью (ныне г. Ухта).

Организован 6.06.1931 г. на базе Ухтинской комплексной экспедиции ОГПУ (1929-1931 гг.). Закрыт 10.05.1938 г. На момент закрытия — около 90000 заключенных. Профиль деятельности — разведка и добыча нефти, газа, радиоактивных вод, лесозаготовки, судостроение, промыслы, промышленное и дорожное строительство, сельское хозяйство. Летом 1938 г. разделен на Ухто-Ижемский, Воркута-Печорский, Усть-Вымский и Северный железнодорожный лагеря.

II. Ухтижемлаг. Центр — пос. Чибью (ныне г. Ухта).

Организован 10.05.1938 г. на базе бывшего Ухтпечлага, закрыт 18.05.1958 г. Максимальное наполнение — около 40000 заключенных в 1950 г. Профиль деятельности — разведка и добыча полезных ископаемых, строительство и эксплуатация нефте- и газопроводов, предприятий химической промышленности, лесозаготовки, сельское хозяйство. 24 ОЛПа, наиболее крупные из них — ОЛП №1 в Ухте (строительство и реконструкция нефтеперерабатывающего завода), ОЛП № 3 в Ухте (2-й нефтепромысел), ОЛП №4 (нефтешахта №1 в п. Ярега), ОЛП №5 в п. Леккем (асфальтитовый рудник), ОЛП №10 в п. Водный (добыча и переработка радиевых вод), ОЛП №11 (строительство тракта Чибью-Крутая), ОЛП №6 в д. Крутая (строительство газоперерабатывающих заводов).

КОМИ АССР: ГУЛАГ 1929-1940 гг.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Северный лагерь ОГПУ (1929-1933)
2. Ухтпечлаг (1931-1938)
Ухтижемлаг (1938-1954)
3. Пезмогский комбинат ОГПУ-Локчимлаг (1934-1935, 1938-1940)
4. Верхнечовская ИТК (1929-1956)
5. Сыктывкарская тюрьма
6. Якшинская ИТК (1930-1932)
7. Северный железнодорожный ИТЛ (1938-1950)
8. Устьвымлаг (1938-1956)
9. Северо-печорский ИТЛ (1938-1950)
Печорлаг (1950-1957)
10. Интинский ИТЛ (1942-1948)
11. Воркутлаг (1938-1957)
12. Северное управление (1947-1949)
13. Еджид Кырта

Масштаб 1: 5 300 000

Составитель Н. А. Морозов.
При работе над картосхемой
использованы материалы А. Шеренаса.

III. Воркуто-Печорский лагерь (Воркутлаг).**Центр — п. Воркута (ныне г. Воркута).**

Организован летом 1938 г. на базе бывшего Ухтпечлага, закрыт в середине 50-х гг. (преобразован в несколько ИТК, существующих поныне). Крупнейшая лагерная система не только Коми АССР, но и бывшего СССР. Около 100 лагподразделений в конце 40-х гг. с лимитом наполнения около 100000 заключенных. В 1943 г. здесь были организованы первые в СССР каторжные ОЛПы, с 1948 г. — спецзоны для военнопленных. Летом 1948 г. из Воркутлага выделился Особый лагерь №6 («Речной», Речлаг) с лимитом наполнения 25000 заключенных. Профиль деятельности — разработка Воркутского угольного месторождения, разведка и добыча руд цветных, редкоземельных и драгоценных металлов Полярного Урала, промышленное и гражданское строительство, лесозаготовки, производство строительных материалов, сельское хозяйство.

В составе Воркутлага было Полярно-Уральское управление с центром на 106-м км железной дороги Чум-Лабытнанги (Тюменская область). Несколько тысяч заключенных работали на молибденовом руднике Харбей, прокладывали линию электропередачи Харбей — Воркута, гравийную дорогу Харбей — 106 км.

IV. Инталаг. Центр — п. Большая Инта (ныне г. Инта).

Организован 17 ноября 1941 г. (выделен из Воркутлага), закрыт 30 октября 1948 г. (включен в состав Особого лагеря №1). До 1948 г. — 17 ОЛПов, более 20000 заключенных. Самые крупные — ОЛП №1 при шахте №1-2, ОЛП №2 при шахте №4-5-6, ОЛП №12 при руднике Кожим, ОЛП №13 при руднике Еджид Кырта. Профиль деятельности — добыча угля, промышленное и гражданское строительство, сельское хозяйство.

V. Севжелдорлаг. Центр — п. Княжпогост (ныне г. Емва).

Организован 30 мая 1938 г., закрыт 24 июля 1950 г. (объединен с Северо-Печорским лагерем в Печорлаг). Профиль деятельности — строительство железной дороги Котлас — Воркута протяженностью 1193 км. 728 км от Котласа до Кожвы (левый берег р. Печора) и 465 км от Кожвы до Воркуты. В структуре лагеря на сентябрь 1940 г. насчитывалось 11 строительных отделений, 27 ОЛПов, более 100 колонн, около 85000 заключенных. Наиболее крупными подразделениями, дислоцированными на территории Коми АССР, были — Мадмас, Межег, Жешарт, Микунь, Княжпогост, Кожва, Абезь. В 1946 г. в состав Севжелдорлага вошел ликвидированный Севдвинлаг (участок строительства жд Коноша — Котлас) как 2-е отделение Севжелдорлага. В структуре лагеря насчитывалось 3 отделения, 14 ОЛПов (в т.ч. 6 сельскохозяйственных), около 27000 заключенных (в том числе и военнопленные), несколько тысяч трудармейцев.

VI. Северо-Печорский лагерь (Печжелдорлаг, Печорлаг). Центр — п. Абезь; с 15 апреля 1950 г. — г. Печора.

Организован 14 мая 1940 г., закрыт 24 июля 1950 г. По приказу НКВД СССР №00185 от 25.01.1942 г. объединен с Заполярлагом (строительство жд Воркута — Хановей — Хабарово на побережье Ледовитого океана, п-ов Ямал). В 1947-48 гг. временно подчинялся Северному управлению лагерей железнодорожного строительства. Приказом НКВД СССР №00597 от 14.05.1940 г. определялась основная задача лагеря — строительство железной дороги Кожва — Воркута протяженностью 465 км. Эта задача была решена лагерем 28.12.1941 г., затем, вплоть до осени

1944 г., он занимался достройкой и увеличением пропускной способности введенной в эксплуатацию трассы. В структуре лагеря было — 21 лаготделение, 56 лагпунктов, более 120 колонн, более 90000 заключенных (на лето 1941 г.). По приказу НКВД СССР №001311 от 24.10.1944 г. лагерь строил железную дорогу Хальмер-ю — Хановей — шахта №7 в районе Воркуты. С 27 апреля 1947 по 6 мая 1948 г. вел строительство первых 40 км трассы Чум-Лабытнанги на территории Коми АССР.

VII. Северное управление лагерей железнодорожного строительства Центр — п. Абезь (затем — р-н Игарки).

Открыто 28.04.1947 г., закрыто 12.11.1949 г. Суперлагерная структура, включавшая 7 лагерей, дислоцированных на территории Архангельской области, Коми АССР, Тюменской области и Красноярского края (Севжелдорлаг, Печжелдорлаг, Обский ИТЛ, стройка №503, Байдарский ИТЛ, стройка №501, Енисейский лагерь) с общим числом заключенных, интернированных, военнопленных и трудармейцев около 300000 человек. Управление занималось строительством железной дороги Чум — Лабытнанги — Мыс Каменный, а с 6.05.1949 — в направлении Салехард — Игарка — Норильск и далее на восток — знаменитая «Мертвая дорога». После смерти Сталина строительство было прекращено, а все построенное — заброшено.

VIII. Усть-Вымский лагерь (Устьвымлаг).**Центр — с. Усть-Вымь, затем — п. Вожаель.**

Открыт 16 августа 1938 г., в 1957 г. реорганизован в систему колоний, существующих по настоящее время. Располагался на территории 4-х административных районов Коми АССР. Профиль деятельности — лесозаготовки, деревообработка, дорожное строительство, сельское хозяйство, ремонтные предприятия, подсобные промыслы. Максимальное наполнение — 25000 заключенных (в 1941-43 гг.). В структуре лагеря было три отделения, около 20 участков, более 60 лагпунктов, множество командировок и подкомандировок. В конце 40-х начале 50-х гг. сложились 25 ОЛПов и лаготделений. Наиболее крупными из них были: 1-е лаготделение (3000 заключенных), 12-е лаготделение (3200 заключенных), 18-й ОЛП (2100 заключенных), 20-е лаготделение в п. Железнодорожный (2650 заключенных).

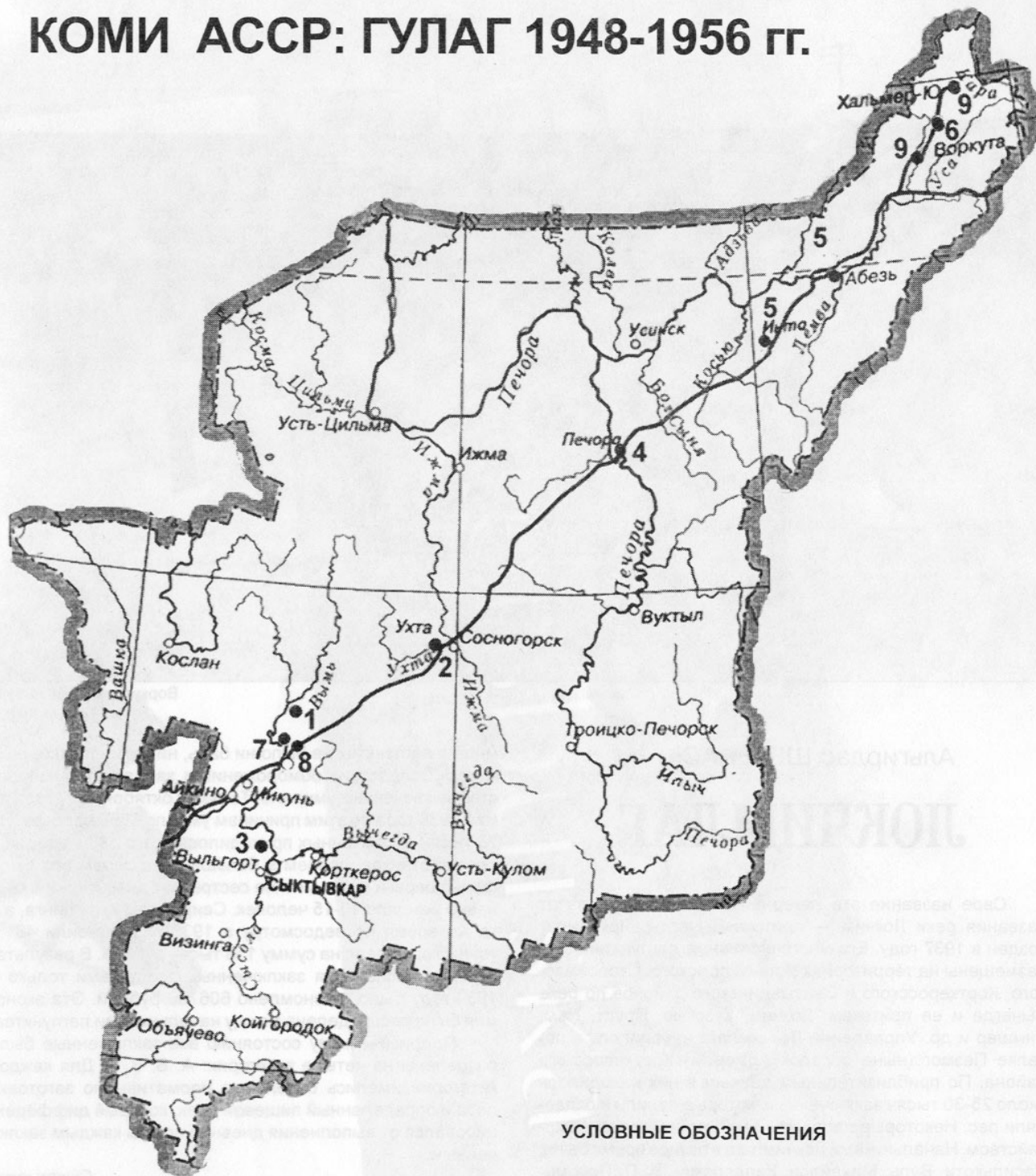
IX. Локчимский лагерь (Локчимлаг). Центр — п. Пезмог Сторожевского р-на Коми АССР (ныне п. Аджером).

Открыт 18.08.1937г., закрыт 17.08.1940 г. Занимал 3463 тыс.гектаров земель в Сторожевском и Корткеросском р-нах Коми АССР. Лимит наполнения — 25000 заключенных. Профиль деятельности — лесозаготовки, лесослав, деревообработка. Лагерь состоял из трех отделений, 12 участков, около 100 лагпунктов. В лагпунктах заключенные объединялись в колонны, бригады и звенья. Лагерь отличался особо зверским режимом содержания заключенных, высокой заболеваемостью и смертностью, беспределом лагадминистрации. Наиболее крупные лагпункты — Усть-Немский, Пезмогский, Усть-Локчимский, Соль, Рубикасоль, Лопыдино, Мордино.

X. Северный лагерь ОГПУ. Центр — г. Сыктывкар.

Открыт в 1929 г., закрыт в 1932 г. Подчинялся управлению северных лагерей особого назначения ОГПУ СССР. Профиль деятельности — железнодорожное строительство (ветка Пинюг — Сыктывкар). Лимит наполнения — 15000 заключенных. Структура лагеря — 3 строительных участка, около 40 лагпунктов, сельхоз «Сыктывкарский». Лагерь был закрыт в связи с необходимостью развертывания строительства ББК.

КОМИ АССР: ГУЛАГ 1948-1956 гг.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Устьвымлаг
2. Ухтижемлаг
3. Верхнечовская ИТК
4. Печорлаг
5. Особый лагерь №1 (Минлаг)
6. Особый лагерь №6 (Речлаг)
7. Особый лагерь №12 (Водораздельный)
8. Лагерь №225 для интернированных
9. Воркутлаг

Масштаб 1: 5 300 000

Составитель Н.А. Морозов.
 При работе над картосхемой
 использованы материалы А. Шеренаса.

Воркута, апрель 1991 г.
Фото: Томаш Кизны

Альгирдас ШЕРЕНАС

ЛОКЧИМЛАГ

Свое название эта лагерная система получила от названия реки Локчим — притока Вычегды. Локчимлаг создан в 1937 году. Его многочисленные лагпункты были размещены на территориях Усть-Куломского, Сторожевского, Корткеросского и Сыктывдинского районов по реке Вычегде и ее притокам: Локчим, Кузоб-ю, Прупт, Нем, Тимшер и др. Управление Локчимлага находилось в поселке Пезмог (ныне поселок Аджером) Корткеросского района. По приблизительным данным в них находилось около 25-30 тысяч заключенных, которые валили и сплавляли лес. Некоторые лагпункты занимались сельским хозяйством. Начальниками Локчимлага в разное время были: Василькоти, Вуль, Михайлов, Кардорский, В. П. Пономарев и Г. Н. Томилов (последний впоследствии возглавлял Устьвымлаг).

За период существования Локчимлага был построен 21 лагпункт. Летом 1940 года в связи со строительством Северо-Печорской железнодорожной магистрали Локчимлаг был ликвидирован, а заключенные переведены в лагерь Севжелдорлага и Устьвымлага. Летом 1941 года в опустевшие зоны привезли литовцев, поляков и другой «социально-опасный элемент».

По немногочисленным свидетельствам можно судить, как жили заключенные Локчимлага. На 10-15 человек была одна ложка, а вместо мисок — консервные банки. На

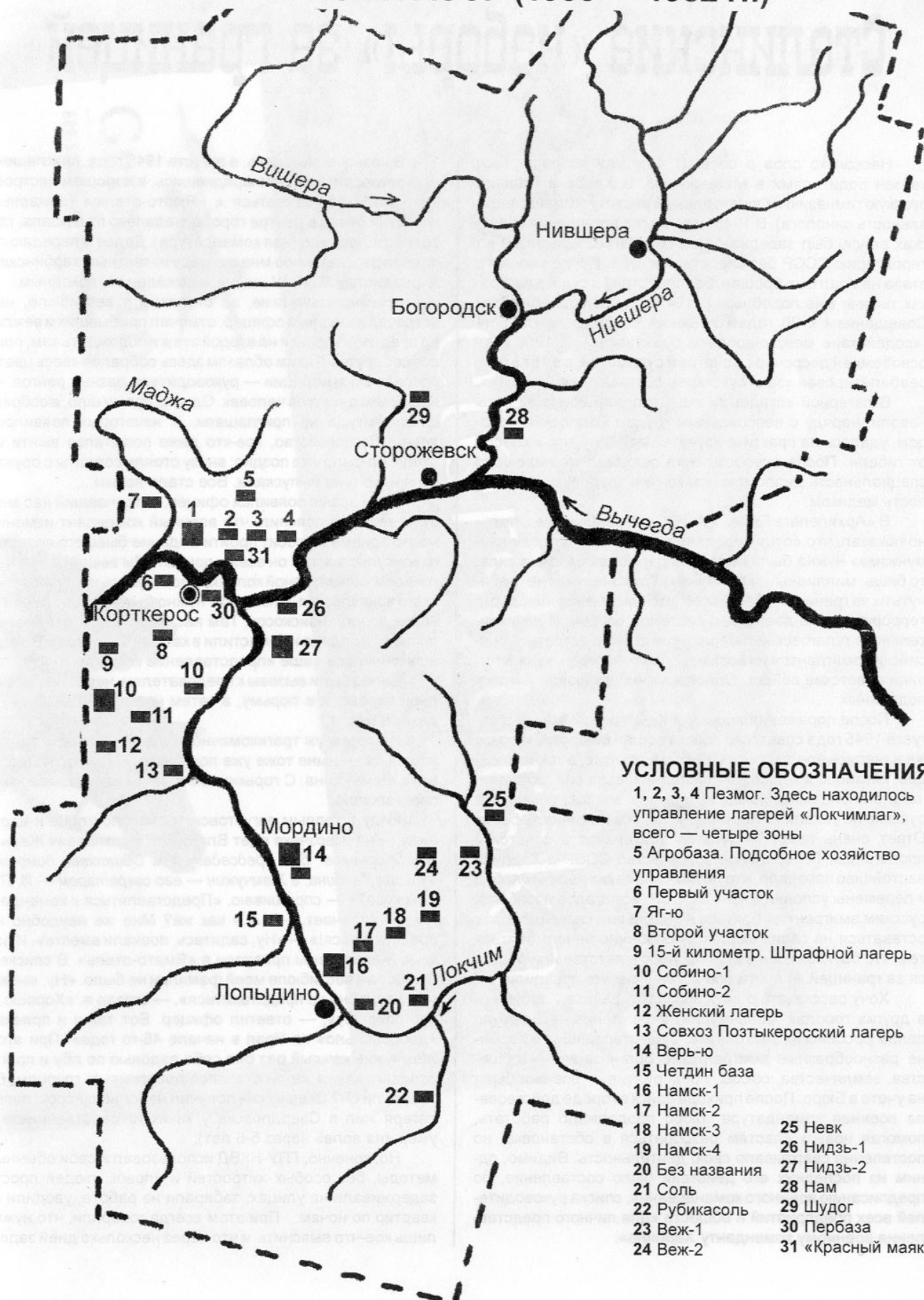
многих лагпунктах не было ни бань, ни дезинфекционных камер. Вследствие обморожений и заболеваний множество заключенных умирало. Только с октября 1937 года по май 1938 года по этим причинам умерло 3069 человек. На 26 тысяч заключенных приходилось всего 188 медицинских работников, причем в большинстве своем это были фельдшеры и медицинские сестры. От дизентерии ежедневно умирало 10-15 человек. Свиристествовала цинга, а в то же время по недосмотру в 1938 году сгноили 481,6 тонны картофеля на сумму 155 тысяч рублей. В результате недообеспечения заключенных продуктами только в 1939 году было сэкономлено 606700 рублей. Эта экономия была распределена между начальниками лагпунктов.

По физическому состоянию все заключенные были разделены на четыре категории: А, Б, В, Г. Для каждой категории имелись отдельные нормативы по заготовке леса и определенный пищевой паек, который дифференцировался от выполнения дневной нормы каждым заключенным.

Сыктывкар

Редакция журнала «Карта» глубоко скорбит по поводу смерти своего постоянного автора — Альгирдаса Ионовича Шеренаса. Одним из последних материалов, которые он прислал нам, были многочисленные документы по теме «Карта ГУЛАГа Коми АССР». Сегодня мы публикуем фрагмент из его многолетних трудов и изысканий, легших в основу полной карты Коми ГУЛАГа, работу над которой завершили его товарищи по «Мемориалу» (Н. А. Морозов и др.).

КАРТА-СХЕМА СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ, РАЗМЕЩАВШИХСЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОРТКЕРОССКОГО РАЙОНА КОМИ АССР (1936 — 1952 гг.)

Иннокентий ПАСЫНКОВ

Сталинские «наборы» за границей

Несколько слов о себе. В 4-летнем возрасте был увезен родителями в Маньчжурию. В Харбине окончил русскую гимназию и Ориентальный институт (имею специальность сиолога). В 1945 году, после вступления советских войск, был задержан органами НКВД и вывезен на территорию СССР без следствия и суда. После ужасного этапа на Урал был брошен, без следствия и суда, в лагерь, как тысячи мне подобных. В 1947 году осужден Особым Собранием к 20 годам лишения свободы по ст. 58/4 («содействие международной буржуазии»). В 1956 году освобожден досрочно со снятием судимости, а в 1973 году реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

В лагерной «академии им. Сталина-Берии» за годы неволи, наряду с непосильным трудом, голодом и холодом, удалось на практике изучить медицину, что и спасло от гибели. После освобождения оформил медицинскую специальность дипломом и закончил трудовую деятельность медиком.

В «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицын убедительно показал, что «отцу народов» для «великих строек коммунизма» нужна была массовая дармовая рабочая сила, то бишь, миллионы заключенных. Так почему бы не грабнуть их за границей? Тем более, что опыт международного терроризма уже давно был системой освоен. И действительно, в гуглаговских лагерях можно было встретить российских эмигрантов из всех европейских стран, куда вступили советские войска. Одновременно вывозили и чужих подданных.

После поражения японской Квантунской армии в августе 1945 года советские войска вошли в Харбин. И сразу же начались аресты российских эмигрантов, а также японцев, китайцев и корейцев (последних, если они сотрудничали с японцами). Может возникнуть вопрос, почему же русские не уехали из Харбина — такая возможность была. Ответ очень прост — умелая деятельность советской пропаганды. Генеральное консульство СССР в Харбине настойчиво заверяло, что по причине таких великих побед и перемены условий жизни в СССР все старое позабыто, русским эмигрантам бояться нечего и они спокойно могут оставаться на своих местах. А особенно нечего бояться тем, кто был вывезен в Маньчжурию в детстве или родился за границей. И почти все искренно в это поверили!

Хочу рассказать о двух эпизодах. Было в Харбине (и в других городах Маньчжурии) учреждение — Бюро по делам российских эмигрантов. Существовавшие в Харбине разнообразные эмигрантские организации — общества, землячества, союзы, предприятия — все они были на учете в Бюро. После прихода войск в городе действовала военная комендатура. Бюро продолжало работать, помогая новым властям разобраться в обстановке, но постепенно свертывало свою деятельность. Видимо, одним из последних его действий было составление, по предписанию военного командования, списка руководителей всех предприятий и обществ «для личного представления военному коменданту Харбина».

В назначенный день, в августе 1945 года, приглашенные руководители, принарядившись, в хорошем настроении, стали подтягиваться к «Ямато-отелю» (шикарный японский отель в центре города, недалеко от вокзала, где разместились военная комендатура). Далее я передаю по памяти рассказанное мне в лагере известным харбинским журналистом М. П. Ш., ныне, к сожалению, покойным.

«На первом этаже, за столиком в вестибюле, нас встречал дежурный офицер, отмечал прибывших и вежливо предлагал пройти на второй этаж и подождать там, пока все соберутся. Таким образом здесь собрался «весь цвет» российской эмиграции — руководители разных рангов, — несколько десятков человек. Однако время шло, а собравшихся никуда не приглашали. У некоторых появилось легкое беспокойство, кое-кто даже попытался выйти из отеля, но было уже поздно: внизу стояли солдаты с оружием и никого не выпускали. Все стало ясным...

В это время появился офицер, встречавший нас внизу, и вежливо пояснил, что военный комендант изменил место приема и просит пройти в здание бывшего японского консульства, где он всех и примет. Мы вышли и уже под конвоем кильватерной колонкой потянулись к зданию японского консульства, благо, что нужно было только перейти через дорогу, наискосок. Там нас без лишних церемоний провели в подвал и поместили в камерных клетках. Вот так и закончилось наше «представление коменданту».

Далее были вызовы к следователям, через несколько дней перевели в тюрьму, а затем на этапы в СССР — в разные места.

И совсем уж трагикомично получилось еще у одного харбинца — ныне тоже уже покойного — Дмитрия Петровича Жемчужина. С горьким юмором он рассказывал мне свою эпопею.

«Иду я теплым августовским днем по улице и вдруг вижу — на извозчике едет Владимир Николаевич Жерников (*Жерников был председателем Общества домовладельцев Харбина, а Жемчужин — его секретарем — И. П.*). «Вы куда?» — спрашиваю. «Представляться к коменданту», — отвечает. — «А я как же? Мне же неудобно не представиться!» — «Ну, садитесь, поехали вместе». И вот мы с Жернаковым приехали в «Ямато-отель». В списке у офицера в вестибюле моей фамилии не было. «Ну, как же, мне неудобно не представиться», — сказал я. «Хорошо, я вас припишу», — ответил офицер. Вот так я и приехал «добровольно» на Урал в начале 46-го года». При этом Жемчужин каждый раз бил себя ладонью по лбу и приговаривал, каким же он оказался доверчивым глупцом. Да только ли он? (Жемчужин получил небольшой срок, после лагеря жил в Свердловске у каких-то родственников и умер «на воле» через 5-6 лет).

Но, конечно, ГПУ-НКВД использовал и свои обычные методы, без особых хитростей и уловок: людей просто задерживали на улицах, забирали на работе, уводили из квартир по ночам... При этом всегда говорили, что нужно лишь кое-что выяснить и что через несколько дней задер-

жанный вернется домой. Но это было началом конца... Меня лично увезли из дома ночью, и для меня «несколько дней» превратились почти в одиннадцать лет...

Остается сказать несколько слов о несчастных семьях арестованных и увезенных. Положение абсолютного большинства из них было крайне тяжелым. Ведь их рассматривали как ЧСРов — то есть членов семей репрессированных. Устроиться на работу было почти невозможно. Плюс опасливое, настороженное отношение окружающих — как бы, дескать, себя не запятнать. Были и насмешки.

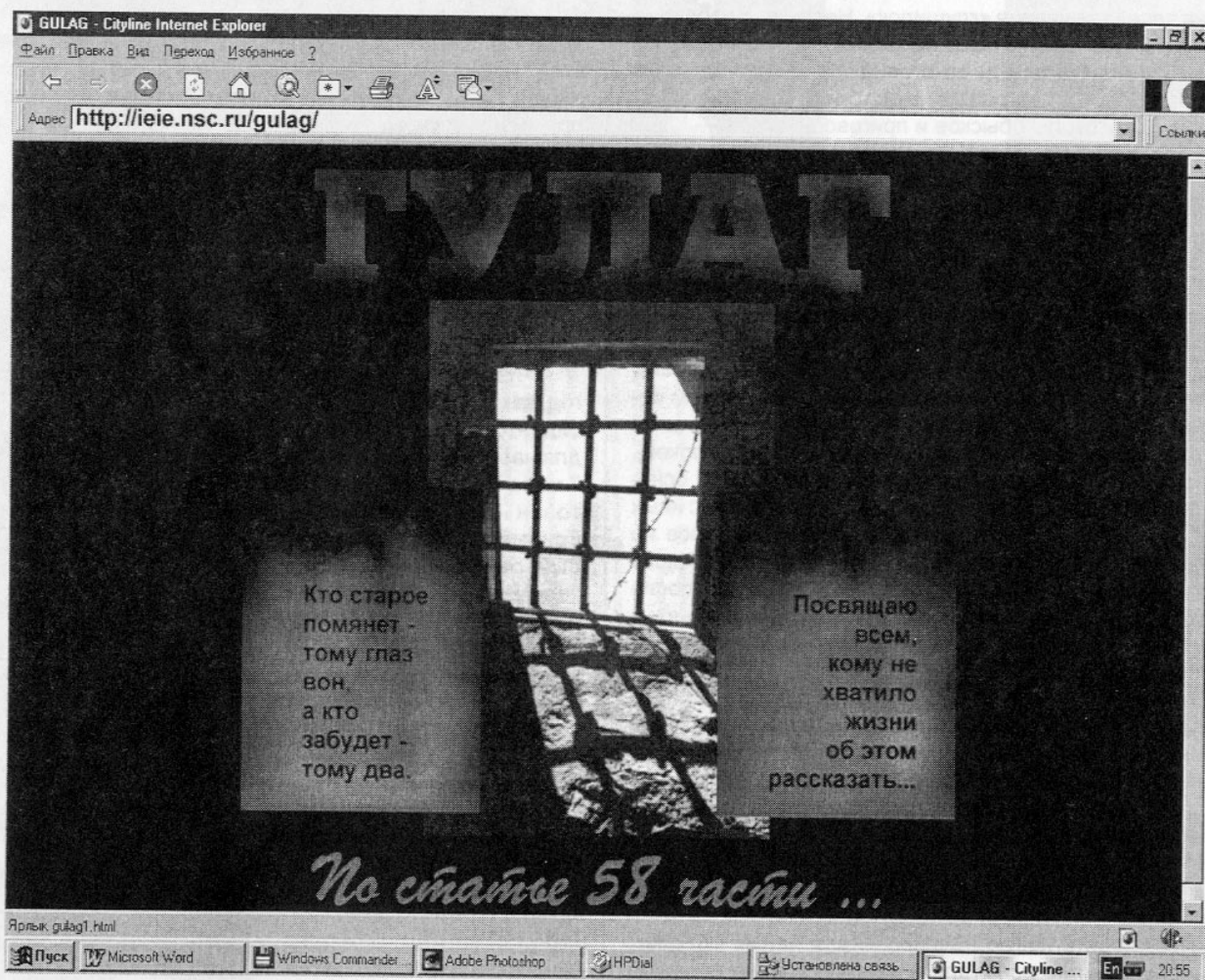
Полная неизвестность о судьбах увезенных усугубляла страдания. Советское консульство ничего конкретного не говорило, но могло ответить пошlostью жене, справлявшейся о своем муже. Правда, года через три было объявлено — «не ждите». Что это означало, трудно было решить, но очень многие лагерники погибли, так и не дождавшись связи со своими родными в Харбине. Все это — страдания, издевательства, жестокость, обрушившиеся на членов семей невинно пострадавших людей, — забыть невозможно...

Москва

На сервере новосибирских ВУЗов размещен сайт «ГУЛАГ»:

<http://ieie.nsc.ru/gulag/>

Отличный дизайн, фрагменты картографии мест лишения свободы в Сибири в период сталинского террора, рисунки и тексты узницы ГУЛАГа Ефросиньи Керстновской.

Леонард ТЕРНОВСКИЙ

ТАЙНА ИГ

ИГ... многим ли сегодня, на исходе 90-х, что-то говорит эта аббревиатура? Четверть с лишним века назад слова «Инициативная Группа» внезапно вошли и утвердились в сознании оппозиционной интеллигенции. «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» — таково было ее полное название — стала праматерью всех наших правозащитных ассоциаций. Смелостью открытого противостояния произволу Группа сразу же вызвала к себе неподдельные симпатии и уважение, а достоверностью сообщений и точностью нравственных оценок быстро завоевала непререкаемый авторитет. И когда мы узнавали о новом заявлении или обращении «ИГ», — нам не надо было объяснять, что означают эти буквы.

Это касалось не только пристольных кругов. Озвученные зарубежными «радиоголосами», документы ИГ быстро становились известными — от Прибалтики до Камчатки — всем небезразличным к судьбам нашей страны людям. Правдивое слово ИГ добиралось к ним не только через завывания «глушилок». Неслышно переходя из рук в руки, тоненькие машинописные копии крамольных документов расходились по стране. За ними неустанно охотился КГБ. И о географии чекистских удач свидетельствовали протоколы обысков и приговоры судов.

Голос ИГ — то громче, то приглушенной — звучал в нашей стране около 10 лет. Я не был членом ИГ. Не обсуждал планы ее создания. Не предлагал и не составлял принимаемых документов. Но, не спросив моего согласия, — случай ли? — судьба? — пристегнула и связала меня с ИГ с самого дня ее основания. Да и в дальнейшем сделала меня сопричастным ее драматической истории.

С тех пор прошло почти 30 лет. ИГ давно нет. Но всего на какое-нибудь десятилетие пережив ИГ, рухнул и жестоко преследовавший ее «незыблемый» тоталитарный режим. А вслед за ним распалась и огромная страна, которую этот режим скреплял, повязав колючей проволокой.

Щедро вознаградив годами неволи почти всех основателей ИГ, судьба далеко развела и разбросала их: иных давно нет на свете; другим еще в старые, но вовсе не добрые времена пришлось уехать за рубеж; двое бывших членов ИГ, никуда не уезжая из страны, сделались после распада СССР «иностранцами из ближнего зарубежья»; и трое после долгих лет лагерей и ссылок снова стали москвичами...

Изменился мир, изменились все мы... мудрено ли, что выступления ИГ позабыты большинством наших соотечественников?! Ненадежна и несовершенна человеческая память. Хрупки и непрочны тонкие машинописные листки. И когда в мае 94 года исполнилось 25 лет образования ИГ — российская общественность даже не вспомнила об этом.

Но историческое беспамятство не только постыдно, — оно опасно. И прежде всего для тех, кому предстоит в XXI веке строить новую Россию, — для наших молодых сограждан. Они не испытали ига «единственно верной», обязательной для всех идеологии, не дышали воздухом той эпохи. В этом их сила, но в этом и слабость. Молодежь

свободна от догм, но у нее нет и иммунитета от идеологической чумы большевизма. Не дай ей Бог потерять ориентиры, поверить в лживые посулы идейных наследников тех, кто 70 лет душил и калечил нашу страну. Ни в чем не покаявшись, эти последыши опять рвутся к власти...

Тут мог бы пригодиться опыт тех, кто противостоял преступному режиму. Борьба с тоталитарной властью началась, в сущности, со дня ее возникновения. Добровольчество, Кронштадт, Тамбов. То выходя на поверхность, то скрываясь в катакомбы, меняя формы и содержание, то становясь шире, то сужаясь до тонкой ниточки, эта борьба за все прошедшие десятилетия не прекращалась ни на день. И правозащитники были лишь последними в этом длинном ряду.

Освободительное движение России еще ждет своего летописца. Но я могу свидетельствовать лишь о том, что знаю лично, только о его заключительном, правозащитном этапе, участником которого я был.

ИГ — важная глава в истории российского Сопротивления. Рассказывая о ней, я буду опираться на то, чему был очевидцем сам, на воспоминания моих друзей — членов ИГ и людей, близко к ней стоявших, и на сами документы группы.

Муки рождения

Рождение человека всегда происходит через боль, кровь и муки. И для рожавшей женщины, и для новорожденного. Недаром существует понятие «родовая травма». Без досадных промахов, болезненных падений и потерь не обходится, наверное, и любое человеческое начинание. Не обошлось без них и рождение ИГ.

Что я помню о начале? Май 1969-го года. Неполный год, как я вошел в круг диссидентов. Месяц начался для нас тревожно. Сначала 7 мая в Ташкенте был арестован Петр Григорьевич Григоренко, разжалованный генерал-правдоискатель. Я познакомился с ним и стал бывать в его доме в конце зимы. Брал у него читать какой-то самиздат, мы говорили, помнится, о тогда еще не вполне покоренной Чехословакии, об отчаянном самосожжении Яна Палаха. В последний мой приезд, в первые дни мая, Зинаида Михайловна, жена Григоренко, сказала мне, что Петра Григорьевича нет дома, что он улетел в Ташкент, где начинается суд над десятью активистами крымско-татарского дви-

Леонард Терновский

жения за возвращение на родину. И добавила шепотом: «Возможен арест».

И вот на днях арестован молодой педагог Илья Габай. Я встречал его в доме другого видного диссидента — Петра Ионовича Якира, но был тогда лишь шапочно знаком с Ильей. Хотя давно знал некоторые его стихи, ходившие в Самиздате. И помнил, что он был одним из авторов Обращения «К деятелям науки, искусства и культуры», предупреждавшего об опасности реставрации сталинизма и призывавшего не допустить «новый 37-й год».

... Я на «Автозаводе», на квартире Петра Ионовича. В то время я бывал там очень часто, и уже не помню, зачем заехал в тот вечер. Самого хозяина нет дома. Кто-то дает мне прочесть незнакомую бумагу. Это — Обращение в комитет прав человека ООН, совсем свежий, вчера-позавчера появившийся документ. Читаю: в письме говорится о нарастании преследований за убеждения в нашей стране, рассказывается о политических процессах последних лет и о недавних арестах П. Григоренко и И. Габая. Письмо призывает ООН осудить политические преследования в Советском Союзе.

Как серьезно и аргументированно составлено письмо! И адресовано прямо в ООН, такого, помнится, еще не было. Кто-то, может быть, спросит, — допустимо, оправдано ли выносить сор из избы, искать за рубежом защиту от произвола отечественных властей? Но что остается делать, если советские чинуши не хотят нас слушать и на мирные петиции отвечают репрессиями?! Дата под письмом — 20 мая 1969 года. И подписи — 15 фамилий по алфавиту.

Но перед этим списком я вижу тогда впервые мной прочитанные и навсегда впечатавшиеся в память слова: «Инициативная группа».

— Неужели?! — кажется, я даже вздрогнул и мое сердце забилось чаще, в голове вразной запрыгали мысли: «Конечно, это смело и благородно, но оправдан ли этот дерзкий вызов? Неужели учредители не понимают, что всех их перехватывают за три дня, максимум — за неделю?!» Десятилетиями в СССР действует неписаный, но железный закон: любая самостоятельная, неподконтрольная властям организация должна быть мгновенно и безжалостно раздавлена. А тут — открытая оппозиция. Под своими фамилиями. Приходите — и берите.

Еще подписи — «поддержавшие», так сказать — второй эшелон. Вдруг — что за наваждение? В списке «поддержавших» мне бросается в глаза мое имя. Но я в глаза не видел Обращения! И даже ничего не слышал о нем!

Что делать? Протестовать? Потребовать снять свою подпись? Но разве я не согласен с письмом? И ведь оно — мне сказали — уже отдано иностранным корреспондентам. Мыслимо ли компрометировать столь важное начинание?

Промолчать? И смириться с вопиющим, возмутительным безобразием? С пренебрежительным манипулированием мной и моим именем? Решаю: подпись свою оставляю. Но сразу же говорю — это первый и последний раз. Недопустимо ничего решать за других без их ведома.

Мне не возражают, даже соглашаются, — действительно, нельзя. Но Обращение нужно было срочно везти «коррам», и просто не осталось времени «согласовать» все подписи.

...Только много лет спустя я узнал, что в еще более трудном, унижительно-беспомощном и оттого мучительном положении оказались накануне многие из членов будущей ИГ. Они собрались, как было договорено, на

«Автозаводе», чтобы составить и подписать Обращение в ООН. А также еще раз обсудить целесообразность создания открыто объявленной организации, от имени которой и будет отправлено в ООН предполагаемое Обращение. Якира и его товарища Виктора Красина на «Автозаводе» почему-то не оказалось. Кто-то пояснил, что они поехали на срочную встречу с «коррами». Само по себе это было в порядке вещей, но сегодня? Обсуждение письма в ООН продолжалось без них. Обговаривался вновь и вопрос создания легальной организации, состав которой еще не был окончательно установлен и даже еще не имевшей названия. Наконец, часов в 8-9 вечера, взволнованные и несколько смущенные, появились Якир и Красин: «Ну, все. Мы отдали «коррам» Обращение. Оно подписано: «Инициативная группа».

Это явилось новостью почти для всех. Как смели Якир и Красин отдать «коррам» несогласованный документ? Объявить о создании несформированной группы? Самолично назначить ее состав? На возмущенные упреки сотоварищей (впрочем, высказанные обиняками, поскольку квартира наверняка прослушивалась) приятели отвечали: «Так сложились обстоятельства. Да, в чем-то мы поступили неправильно, но это — чистая формальность. Те, кто названы в составе ИГ, — они же одобряли идею обращения в ООН, — кто же они, если не инициаторы письма? И, в сущности, это даже не организация. А потом — ничего не отрезано, мы никого не держим, мы договорились с «коррами», что еще позвоним им и все уточним и исправим. «Поддержавшие»? — такая идея тоже проговаривалась, мы внесли в этот список тех, кто не откажется. А главное — ждать дольше было нельзя. Григоренко и Габая арестовали, если мы сейчас не дадим отпор, не сплотимся, — перехватывают всех. Через неделю было бы поздно.

Эти объяснения далеко не удовлетворили собравшихся. Явственно повеяло духом Петруши Верховенского из «Бесов». И естественная мысль: не следует ли сразу выйти из группы?

Но уход был невозможен морально. Он не только стал бы тяжелым ударом по остающимся, но и перечеркнул бы Обращение, писавшееся в защиту арестованных и осужденных. Он мог надолго похоронить саму идею легальной организации для защиты жертв политических репрессий. Да и просто слишком смахивал бы на трусливое бегство. В итоге, несмотря на возмущение самоchinством Якира и Красина, никто тогда не покинул ИГ.

Иной принципиальный читатель убежденно скажет: «Все равно недопустимо было ни дня оставаться вместе с нечистоплотными обманщиками, объявившими о рождении еще не созданной группы и своевольно назначившими ее состав. Разве не ясно, что подобные честолюбцы и авантюристы подведут всех при серьезной опасности?»

Легко быть провидцем задним числом! Ведь сегодня мы доподлинно знаем, что спустя 4 года те же два приятеля на следствии в тюрьме «расколются», предадут и оговорят сотоварищей, едва не похоронив своей изменой все «движение». Насколько трудней было отыскать верное решение самим участникам той памятной встречи! Слишком многое приходилось учитывать и взвешивать. Начать с того, что хотя в диссидентском движении не существовало должностей и рангов, положение Якира и Красина было все же особым. Оба были политзеками — еще сталинских времен, вновь обретшими свободу только в годы хрущевской «оттепели». «Не мне судить Иова», — писал Илья Габай в посвященном Петру Якиру стихотворении. Что-то

Генрих Алтунян

схожее чувствовали и члены ИГ, не считая себя, не сидевших, вправе сурово судить старых лагерников.

Но дело было даже не столько в этом. Еще весомей было ощущение долга перед друзьями, уже потерявшими свободу ради своих убеждений и еще вчера призывавших объединиться для противостояния беззакониям. Это было — как выполнение завещания. И речь тут идет в первую очередь о Петре Григоренко.

Как все на свете, ИГ имела свою предысторию. Я не был ее непосредственным свидетелем, но знаю о ней по многим рассказам. Группа возникла не вдруг и не на пустом месте. Идея некоего объединения для противостояния произволу советских властей носилась в воздухе. Ее горячим сторонником был П. Григоренко. Еще ранней весной 1969-го он предлагал создать Комитет защиты недавно арестованного в Латвийской ССР коммуниста-диссидента Ивана Яхимовича. Желательность такого объединения обсуждалась неоднократно, — и у самого Петра Григорьевича, и на квартирах других диссидентов. В этих обсуждениях участвовали многие из будущих членов ИГ. Твердыми сторонниками такого объединения, кроме самого Григоренко, были Анатолий Якобсон и Юлиус Телесин. Но были и противники. Стоит отметить, что Якир и Красин в то время были против создания такой организации. Дело временно застопорилось. Но Петр Григорьевич не оставлял усилий для его осуществления.

Разумеется, КГБ знал об этих планах. И всячески стремился воспрепятствовать им. Быть может, арест П. Григоренко, основного сторонника создания ИГ, был предупреждающим ударом КГБ, желавшего предотвратить создание организации. Но как часто даже все просчитывающие умники не видят дальше собственного носа и не способны предугадать ближайших последствий своих действий! Результатом ареста Петра Григоренко стало рождение Инициативной группы.

Авантюрное провозглашение насильно вытолкнуло ИГ на свет и стало ее первым испытанием на жизнестойкость. Обман мог обойтись очень дорого. Он был способен не только повредить репутации группы, но и дать властям и КГБ удобный повод для шантажа. Многообещающее начинание легко могло закончиться немедленным и позорным крахом. Поэтому, решившись разделить ответственность и удочерить новорожденную, члены ИГ договорились не разглашать до поры сомнительных обстоятельств ее появления.

Признаемся сегодня: ИГ явилась на свет незаконно-рожденной. Но что из того?! Несмотря на все преследования, начавшиеся буквально на следующий день, группа выжила, выстояла и выросла в нашу новейшую историю. А следовательно — победила. ИГ выпала трудная, но почет-

ная и по-своему завидная участь: торить дорогу для тех, кто будет идти следом.

Имена и судьбы

Итак, утлый кораблик ИГ оказался выброшен в штормовое море. И пора назвать тех, кто по собственной воле или по стечению обстоятельств оказались его экипажем. Вот его список под первым документом группы:

«Г. Алтунян, инженер (Харьков); В. Борисов, рабочий (Ленинград); Т. Великанова, математик; Н. Горбаневская, поэтесса; М. Джемилев, рабочий (Ташкент); С. Ковалев, биолог; В. Красин, экономист; А. Лавут, биолог; А. Левитин-Краснов, церковный писатель; Ю. Мальцев, переводчик; Л. Плющ, математик (Киев); Г. Подъяпольский, научный сотрудник; Т. Ходорович, лингвист; П. Якир, историк; А. Якобсон, переводчик».

Что ж, список как список. В традициях диссидентских петиций — фамилии расставлены по алфавиту. В традициях советских — некая претензия на представительность. Профессиональную (инженер, рабочий, математик, поэтесса, научный работник — и т. д.). И географическую (Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ташкент). Есть мелкие неточности — результат торопливости и недостаточного знакомства друг с другом. Так, А. Лавут (математик) ошибочно назван биологом.

Что еще сказать о составе ИГ? Это люди разного возраста, разного жизненного опыта. Старейшему — Анатолию Эммануиловичу Левитину-Краснову — 53 года. Также как Якир и Красин, он — политзек еще тех, сталинских времен. Но и самые молодые — Владимир Борисов и Мустафа Джемилев (им по 26 лет) — уже успели хлебнуть прелестей неволи. Борисов в 1964-м был обвинен в антисоветской агитации, признан невменяемым и находился в Ленинградской психбольнице по 68-й. Джемилев, активист крымско-татарского движения за возвращение на родину, в 1966 году был обвинен в уклонении от призыва в армию и получил 1,5 года лагеря. Для остальных — почти всех! — членов ИГ (да и для многих поддержавших Обращение) годы лагерей и психушек пока впереди...

Генрих Алтунян

Алтунян Генрих Ованесович. 1933 года рождения, — выходит, мой одноклассник. Харьковчанин, в Москве — лишь наездами. Женат, имеет сына и дочь. По специальности инженер-радиоэлектроник. Майор советской армии — бывший, преподаватель в военном училище — бывший. В 68 году за «самиздат», за критику советской политики и за «порочащую» дружбу с генералом Григоренко (тоже, разумеется, бывшим) Алтуняна исключили из КПСС, разжаловали и уволили с работы. А там пошли проработки и обыски.

Я знал его хотя не близко, зато — «насквозь». А именно, — я смотрел его на рентгене и обнаружил язву. Нет худа без добра — впоследствии, выйдя на волю после первой отсидки, Генрих полушутя благодарил меня за найденную язву: написанное мной рентгеновское заключение помогло ему в тюрьме и в лагере получать время от времени диетпитание.

Алтуняна арестуют в Харькове 11 июля 1969 года, меньше чем через 2 месяца после образования ИГ. Суд приговорит его «за клевету» к трем годам «общака». И хотя в дальнейшем Алтунян не подписывал документов ИГ, госбезопасность уже не сводила с него мстительных глаз. В 1980-м последует новый арест. На сей раз за «антисоветские высказывания» и опять за найденный

«самиздат» ему влепят семь лет «строгача» и пять — ссылки.

Он выйдет на волю в 1987 году лишь благодаря начавшейся «перестройке». А спустя еще два года на первых свободных выборах Алтунян станет депутатом Верховного Совета Украины...

Владимир Борисов

Борисов Владимир Евгеньевич. Он первым из членов ИГ потерял свободу. Не прошло и месяца после Обращения в ООН, как 12 июня 1969 года за ним на работу приехала санитарная машина с врачами. Ведь Борисова уже «лечили» раньше в психбольнице от инакомыслия и критиканства. — как же не пойти опять по такой удобной и проторенной дорожке?! Письмо в ООН, — разве это не явный признак «обострения»? И доказывать ничего не нужно, — ведь суд пройдет в отсутствии «больного» — срок назначать не надо, пусть лечат бедолагу до «выздоровления». А пробыть в Ленинградской психбольнице Борисову предстояло без малого 5 лет. Добиваясь смягчения режима и отмены фармакологических препаратов, он дважды, в 1971 и 1972-м, будет держать голодовки, — дольше чем по 2 месяца каждая. Его освободят лишь в марте 1974 года. И снова подпись В. Борисова несколько раз появится под письмами ИГ, правда, теперь уже в списке «поддержавших».

В 1976 и в 1980-м Борисова снова на два с половиной и на полтора месяца будут силой упрячивать в психбольницу. Но излечить его от инакомыслия властям так и не удастся. И тогда они решат использовать другое — радикальное средство, чтобы избавиться от назойливого критика. 22 июня 1980 года В. Борисова насильно посадили в самолет и депортировали за границу.

Татьяна Великанова

Татьяна Михайловна Великанова. Наше знакомство было вначале односторонним. То есть я знал ее с осени 1968-го. Кто-то, должно быть, на «Автозаводе», показал и назвал мне Татьяну, пояснив, что она жена того демонстранта на Красной площади, Константина Бабицкого. Весной 69-го я услышал, что она стала членом ИГ. Сама же Татьяна тогда вряд ли знала меня хотя бы по имени. И я не догадывался, что впоследствии она станет для меня одним из ближайших, довереннейших друзей.

Понемногу я узнал, что Татьяна по профессии — программист, окончила МГУ, когда-то преподавала в школе. Она года на полтора постарше меня, у нее две дочери и сын. Каково было ей без сосланного «в республику Коми» Кости вытягивать одной троих подростков?! Но не отговаривала она Костю, когда он сказал, что пойдет на демонстрацию против оккупации Чехословакии. Уважала его решение, понимала, что выступить, не смолчать он считает своим долгом. Татьяна тоже пришла на площадь. И сумела там, «на роковой площади», вынести невыносимое: удержаться, не закричать, не кинуться на выручку, когда погромщики из КГБ избивали ногами сидящих демонстрантов. Потому что понимала, что должна все увидеть, запомнить и потом — рассказать, чтобы мир узнал правду, как все было в действительности.

...В их квартиру на улице Красикова я впервые попал в декабре 1970-го, в достопамятный день возвращения из ссылки Константина Бабицкого. Накануне освобождения Костя, поскользнувшись, сломал лодыжку. И кто-то подсказал, что, мол, мне, как рентгенологу, следует проконсультить снимок. Я попал прямо в застолье. Снимок

я все-таки посмотрел, хоть и не до снимка тогда было...

Аресты, лагерные сроки, бессрочные заключения в «психушки» раз за разом выбивали людей из состава группы. До конца 1969 года вслед за Г. Алтуняном и В. Борисовым потеряли свободу еще четверо: М. Джемилев, А. Э. Левитин-Краснов, В. Красин и Н. Горбаневская. Шестеро — больше трети состава ИГ! — за каких-нибудь полгода. Продолжайся аресты так же густо и дальше — к концу 70-го на воле не осталось бы ни одного члена ИГ. Что же делать? Пополнять состав ИГ новыми людьми? Но ведь и их скоро всех перехватают. И однажды, задумавшись над этой не столь далекой перспективой, члены ИГ договорились: не станем никого больше принимать в группу. Пусть нас становится все меньше — десять, девять, восемь... трое, двое, один... ИГ перестанет существовать, когда арестуют последнего. Этому решению (за единственным исключением, — об этом я скажу позднее) группа следовала до самого конца.

К 1976 году, после многих перипетий и потерь, в ИГ осталось только три «действительных члена»: Татьяна Великанова, Григорий Подъяпольский и Татьяна Ходорович. 9 марта от инсульта умер Гриша. В пустом вагоне метро, возвращаясь с поминок в первом часу ночи, я сидел рядом с Татьяной Великановой. Наше когда-то небольшое знакомство перешло к тому времени в прочную дружбу.

— Два человека — это, в сущности, уже не группа, — вдруг сказала Таня.

Что ж, если так... ведь я давно и не раз думал об этом шаге. И сам желал сделать его.

— Я мог бы войти в группу, — сказал я. Таня помолчала.

— Мы решили не расширять больше ее состав, — ответила она.

Спустя несколько дней я попробовал еще раз «посвататься» в группу. При встрече с Татьяной Ходорович я повторил и ей свое предложение. Увы, последние душеприказчики ИГ предпочли так и остаться последними. Скавав мне об этом, Татьяна Сергеевна вдруг прибавила, — и я до сих пор вспоминаю с благодарностью ее слова: «А я бы пошла с Вами в одну группу!» ... И вот под флагом ИГ — только две Татьяны. Они продолжают свою опасную правозащитную работу: собирают информацию о преследованиях за убеждения, за веру, за намерение уехать из страны; о борьбе узников совести за свои права в лагерях и «психушках». Все сведения надо как-то проверить и потом поместить в «Хронику» — суметь сохранить саму «Хронику», не дать ищейкам из КГБ выследить тех, кто редактирует и печатает этот «криминал» на машинке. А потом надо отдать готовые номера иностранным корреспондентам на пресс-конференции. И надо помочь, дать приют женам и матерям политзеков, едущим к ним на свидание. И тесные квартиры обеих Татьян превращаются тогда в транзитные общежития.

И бываю события и поводы, на которые надо откликнуться и высказаться самим, выразить собственное к ним отношение: голодовки политических во Владимирской тюрьме, новые случаи психиатрических репрессий, взрыв в Московском метро. Правда, теперь Инициативная группа не одинока: в мае 1976-го родилась и уже энергично действует младшая сестра ИГ — Московская группа «Хельсинки». И на совместных документах рядом с подписями членов МГХ стоит: «От ИГ: Т. Великанова, Т. Ходорович».

Они хорошо понимают, что единственным воздаянием для них могут стать лишь долгие годы неволи, что если не сегодня, так через месяц, через год их обеих, как и их друзей, непременно посадят.

Татьяна Великанова

В ноябре 1977-го вынужденно эмигрировала во Францию Т. Ходорович. С этих пор Т. Великанова осталась единственным человеком, упрямо продолжавшим подписывать правозащитные письма как «член Инициативной группы защиты прав человека».

Татьяну схватили 1 ноября 1979 года, и ее арест сделал очевидным намерение властей окончательно задавить в стране лю-

бую оппозицию. Правда, взяли Татьяну не последней из первоначального списка ИГ. Еще полгода на свободе оставался А. Лавут. Но, продолжая быть активным правозащитником, Саша давно, уже лет шесть, не подписывал писем в качестве члена ИГ; его подпись под документами группы с тех пор появлялась не раз, но только в списке «поддержавших».

27-29 августа 1980 года в Мосгорсуде слушалось «дело» Татьяны Великановой. Известно, что суд по политическим делам в Советском Союзе — всего лишь спектакль с заранее написанным сценарием и с predetermined финалом. Этому суду не нужна — и даже ненавистна! — истина; его задача — прикрыть флером благопристойности вопиющее беззаконие. Татьяна убедилась в этом на десятках примеров. И не захотела соучаствовать в недостойном действе. Она сидела в судебном зале спокойно и свободно, но не отвечала ни на какие вопросы. Она отказалась даже от последнего слова. И только после оглашения приговора — 4 года лагеря строгого режима и 5 лет ссылки — произнесла: «Фарс окончен».

Татьяна Великанова стояла у начала, у колыбели ИГ. И ею же закончилась ее история.

...Остались позади трудные годы неволи. Отшумела радужная пора «перестройки». Распался и рухнул «союз нерушимый» подконвойных советских республик. Все стало зыбким и пришло в движение. Неузнаваемо преобразилась Россия. В ней сейчас намешано всего: доброго и злого, нищеты и богатства, отчаяния и надежды. Россия очнулась от немоты, отвела взор от коммунистического миража, заведшего ее в непролазное, гибельное болото. Но до сих пор никак не выберется на твердую, надежную дорогу. Россия еще больна, тяжело и опасно больна. Обнадёживает одно: наша речь — свободна, — и в этом залог грядущего выздоровления.

... А Татьяна Великанова, наша любимая Танечка... у нее сегодня тринадцать внуков. Она вернулась к любимой педагогической работе. И сегодня опять преподает математику в школе.

Наталья Горбаневская

Наталья Евгеньевна Горбаневская. Год рождения — 1936-ой. Окончила филфак ЛГУ. Наташа — основатель и первый редактор легендарной «Хроники», но я узнаю об

этом только годы спустя. Пока для меня она — одна из тех демонстрантов на Красной площади 25 августа: единственная из них, она еще на свободе. Дело тут не в гуманности властей. А в том, что Наташа растит одна двоих сыновей: младшему, Осе, не было в том августе и четырех месяцев, а семилетнему Ясику в сентябре предстояло идти в школу. Официально, впрочем, Наташа объявлена невменяемой, сумасшедшей и отдана на попечительство матери.

Своим долгом перед потерявшими свободу соотечественниками Наташа считает — поведать миру правду об их отважном выступлении. И составляет книгу «Полдень», которую отдаст в Самиздат в годовщину демонстрации.

И еще Наташа — поэт. Машинописные сборнички ее стихов хорошо известны в наших кругах. Очень скоро я полюбил трагический мир ее поэзии, где нет «ни счастья, ни покоя и ни воли», где любовь — это «обман» или «дичь», и где на плечо случайного любовника — как на плаху — роняет ее героиня свою кудрявую голову...

Вхождение Горбаневской в состав ИГ не было случайным. Оно целиком отвечало ее активной общественной позиции. Вплоть до своего ареста Наташа деятельно участвует в написании и редактировании документов ИГ. И однажды я оказался невольным свидетелем этого.

Поздняя осень 1969 года. Я опять на «Автозаводе». И опять читаю отпечатанный на машинке текст. Это еще одно предполагаемое письмо в ООН. И на этот раз письмо мне совсем не нравится. Не нравится прежде всего своим взвинченным, резким, почти обличительным по отношению к адресату тоном. Мол, сколько раз мы уже обращались в комиссию по правам человека с призывом осудить политические репрессии в СССР, — до каких же пор своим молчанием ООН будет потворствовать душителям свободы и палачам?! Уже несколько членов нашей группы арестованы или заключены в психбольницу; другим угрожают, допрашивают, проводят у них обыски; преследуют и тех, кто только поддержал наши письма. Мы требуем без промедления рассмотреть наши обращения и осудить творимый в СССР произвол.

Текст не понравился не только мне. Помню, как в ответ на чьи-то возражения в защиту письма решительно выступил Юра Штейн, в то время еще, как и я, из числа «поддерживающих». Помню его черную «кожанку», энергичные интонации, его слова, что пора перестать церемониться с этими лицемерами из ООН, боящимися раскрыть рот, вымолвить слово в защиту «политических» в Советском Союзе.

...И тут раздается звонок и появляется Наташа. Она махонького, как воробушек, росточка (в иных домах ей приходилось дотягиваться до кнопки звонка специально припасенной книжкой). Поздоровавшись, Наташа поправила большие круглые очки и присела к столу. Взяла листок с текстом. Прочла. И после недолгого молчания сказала: «Нет, так не годится. Надо решить, к чему мы в самом деле стремимся? Ищем ли мы просто шума и скандала? Или хотим действительно найти для наших политузников помощь и заступничество со стороны ООН? Тогда не годится этот ультимативный тон. К тому же мы, в сущности, не знаем, почему ООН никак не реагирует на наши обращения».

Наташа взяла листок с текстом и ушла в соседнюю комнату. Через четверть часа мы читали переделанное ею письмо. В нем были приведены все те же примеры политических репрессий, перечислены те же фамилии жертв произвола. Но как преобразилось письмо! Никакой

истерики. Исполненный достоинства и вызывающий доверие тон. Точные, выверенные факты, которые красноречивей любых эмоций. И предложение — предоставить ООН дополнительные сведения о политических преследованиях в СССР.

— Что за умница Наташа, — подумал я.

Выпавшие на долю Горбаневской испытания оказались пострашней лагеря. Наташу арестовали 24 декабря 1969 года. И пустили по проторенной психиатрической стезе. Казанская тюрьма-психарня. Для попавших сюда — отныне и навсегда — «мир кончается Казанью и грачьим криком в забранном окне». Ведь признанные невменяемыми «политические» бесправней осужденных. У тех — раньше ли, позже, — но кончается отмеренный приговором срок, а «больных» полагаются лечить до выздоровления или ремиссии. И жалобы бесполезны, — их скорее всего представят как симптом обострения болезни. Да и кому охота вникать в писания ненормального?!

Наташу («невменяемую») даже не доставляли в судебное заседание и осудили заочно. По счастью, ее защищала замечательный адвокат и редкостный человек — С. В. Каллистратова. Отвести предрешенный вердикт Софья Васильевна не могла, хотя отчаянно и до конца сражалась за Наташу. Но благодаря ей все материалы процесса Горбаневской, — в том числе преступное и безграмотное экспертное заключение проф. Д. Р. Лунца, — получили широкую — и даже всемирную — огласку. И мир почувствовал шулерство «ученых мужей» из института им. Сербского! Не поверил в сумасшествие Горбаневской! Ее дело обернулось очередным позором для советских властей. В итоге в феврале 1972 года власти сочли за лучшее освободить Наташу. Но теперь она — подранок. Угроза нового заточения в «психушку», как дамоклов меч, все время висит над ее головой.

Честь выше опасности. И когда в декабре 1974 года был арестован Сергей Ковалев, Наташина подпись в очередной — последний — раз появилась под письмом ИГ в его защиту. Правда, теперь — в списке «поддержавших». А спустя еще год Наташе вместе с детьми пришлось покинуть СССР.

...Во Франции на протяжении многих лет Горбаневская сотрудничала в «Русской мысли». Эта газета постоянно следила за правозащитным движением в Советском Союзе, помещала материалы политических процессов, выступала в защиту узников совести. Помимо газетной работы Наташа занималась переводами. И продолжала писать стихи. Несколько ее сборников выходит на Западе.

...Перемены на родине открыли для Наташи возможность неоднократно посещать Россию. А в 1996 году и на родине вышел большой сборник ее избранного «Не спи на закате». С Наташиной дарственной надписью он стоит сегодня на моей книжной полке.

Мустафа Джемилев

Мустафа Джемилев. Я встречал его лишь однажды — в жизни, и множество раз — в «Хронике». Не прошло и четырех месяцев после создания ИГ, как Мустафа был арестован. Впрочем, и без вступления в ИГ его скорей всего все равно бы скоро схватили. Уж больно допекали «родную советскую власть» настырные активисты крымско-татарского движения за возвращение на родину. Ну, чего им неймется? Вышвырнули их всех — с детьми, женщинами и стариками — из Крыма в 44-м году? Так ведь спустя 23 года признали, что малость погорячились, ошиблись, даже Указ Президиума Верховного Совета специальный приняли.

Почти половина выселенцев перемерла в дороге в битком набитых запираемых на замок теплушках или в ссылке? А кто считал? Да и сказано уже, что да, были у нас промашки и перегибы. Чего вам еще нужно? К чему посылать каких-то представителей в Москву, беспокоить власти петициями с тысячами подписей? Ах, вы обратно в Крым хотите? А вас не пускают? Ну, какая же это дискриминация? Просто существуют паспортные ограничения.

Наталия Горбаневская

А уж этот нахальный Джемилев! Да что он мог помнить о депортации, если его вместе со всем народом — отлучили от Крыма в годовалом возрасте? Его родственники и сородичи погибли в дороге и на спецпоселении? Но ведь сам-то он — выжил? И наша страна вскормила-вспоила его, дала бесплатное образование, специальность. А он чем государству теперь отвечает? Черной неблагодарностью и клеветой.

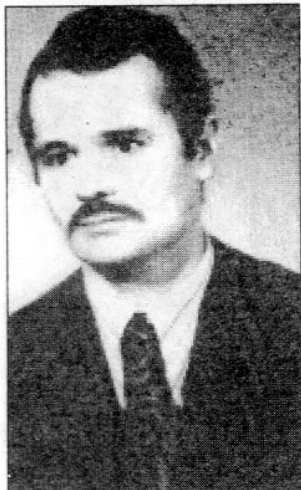
Судили Мустафу (вместе с Ильей Габаем) в Ташкенте за «заведомо ложные измышления, порочащие советский строй». Дали 3 года лагеря строгого режима. Мало, конечно. Ну, еще успеется.

И действительно, — успелось. Через полтора года после освобождения — новый арест, «за уклонение от военных сборов». Дали еще год. В лагере за три дня до конца срока завели новое дело — снова за «клевету на строй». Находясь под следствием в тюрьме, Мустафа объявил голодовку, — и почти 10 месяцев, до самого суда его пытали искусственным кормлением. На суде главный свидетель (и солагерник) Мустафы подложил обвинению свинью — отказался от данных против Джемилева на следствии показаний, заявил, что дал их под давлением, в результате шантажа и угроз. Но какое дело до этого суда? Мустафу все равно приговорили к 2-м с половиной годам лагеря.

Потом снова передышка — год с небольшим на воле. И новый арест — в феврале 1979-го, — за «нарушение надзора». Приговор — полтора года лагеря — был «смягчен», — заменен четырьмя годами ссылки. Снова неволя, хоть и вне лагеря. После окончания ссылки — еще одна полуторагодовая передышка. И новый арест. И опять за «клевету на строй» суд приговаривает Джемилева к трем годам неволи.

В ноябре 1986 года кончается и этот срок, — но Джемилева не отпускают на свободу. На него заводят новое дело. Неизвестно, какой срок ожидал Джемилева в этот раз. Но 8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме погибает Анатолий Марченко, державший бессрочную голодовку с требованием освободить всех политзаключенных. Его трагическая смерть стала как бы выкупом за начавшееся вскоре освобождение узников совести. И прошедший 17-18 декабря (шестой!) суд приговаривает Джемилева к трем годам лишения свободы — условно. С испытательным 5-летним сроком. Мустафу освободили из-под стражи в зале суда...

После образования ИГ прошло 17 с половиной лет. Из них только три с половиной Мустафа пробыл на свободе.

Мустафа Джемилев

де. А в лагере отсидел девять с половиной, да в ссылке провел четыре года.

...Сегодня Мустафа Джемилев — председатель Меджлиса крымско-татарского народа, его признанный и уважаемый лидер. Несколько раз я видел выступления Мустафы в передачах российского телевидения.

Сергей Ковалев

Сергей Адамович Ковалев. Год рождения 1930-й. Биолог, кандидат наук, молодой талантливый ученый. Ковалев — одна из центральных фигур не только Инициативной группы, но и всего правозащитного движения. Друг А. Д. Сахарова.

Из бывших членов ИГ он сегодня известней всех. Впрочем, совсем не из-за своего давнишнего участия в группе, а, прежде всего, благодаря большой и разносторонней деятельности в парламенте новой России. К его выступлениям прислушиваются даже противники. При этом он совсем не оратор. Как у людей, не перестающих думать, выслушивать свою мысль, подыскивать для нее наиболее точное выражение, речь у Сергея не гладкая, а запинаясь. Так, помнится, говорил и Сахаров.

Сергею глубоко свойственны совесть, чувство справедливости и потребность вступить за преследуемых. В этом он подлинный интеллигент в лучшем смысле этого слова. Быть может, разница между Ковалевым и средним россиянином в том, что он последовательней и настойчивее нас: мы поахаем, повздыхаем — и опустим руки. А Сергей будет дело делать — помогать, защищать, — и все это без лишнего шума и болтовни.

И еще — он честней и отважней большинства. Там, где многие остановятся, да еще оправдание себе подходящее подыщут, — Сергей будет продолжать упрямо «упираться» и не спасует перед опасностью. Сергея не выносят люди с нравственной червоточинкой, быть может, подсознательно ощущая его поведение как упрек себе...

В те годы я близко не знал Ковалева, хотя мы много раз встречались у общих знакомых и друзей. Находясь как бы в ближнем, относительно безопасном тылу, я понимал, что Сергей — на передовой, на самой линии огня, и с тревогой следил за его судьбой. Рассказать сколько-нибудь полно о деятельности Ковалева в составе ИГ я просто не в силах. В его судебном деле около тридцати томов. Целая библиотека. А все обвинения сводятся к одному — к распространению Сергеем неподцензурной — нежелательной и неприятной для властей — информации. Само собой, что вся эта информация жульнически и вопреки фактам объявляется клеветнической. Ковалеву возводятся в вину многие документы ИГ, заявления, обращения, письма в чью-то защиту (часто за десятками подписей). Возобновление выпуска «Хроники» и составление семи ее номеров. Информация о положении в лагерях и о «дне политзаключенного», переданная на пресс-конференции 30 октября 1974 года на квартире А. Д. Сахарова. И, наконец, — распространение «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына...

...Второй том «Архипелага» был изъят осенью 1974 года у В. М. Маресина, сотрудника и товарища Ковалева, при попытке переснять его на служебном ксероксе. Книгу он получил от Сергея. А теперь, дорогой читатель, попробуйте встать на место Ковалева и решить, как поступить вам в этих обстоятельствах.

...Это сегодня, в 90-х годах, «Архипелаг» Солженицына наконец напечатан в России и доступен каждому. Его можно купить в магазине, на уличных лотках, взять почитать в библиотеке. И сейчас трудно представить, каким опасным криминалом, каким антисоветским пугалом числилось в 74-м году (да и десятилетие спустя) это великое и скорбное повествование. «70-я статья», — своими ушами слышал я от одного из чинов КГБ чекистскую расценку этой книги.

...Итак, с криминалом, сулящим до 7 лет одного только строгого лагеря, пойманы не вы, а ваш добрый знакомый. Конечно, я предполагаю вас, читатель, благородным человеком: вы озабочены судьбой своего друга и искренне хотите ему помочь. Но как? Разумеется, если вас спросят, вы без колебаний подтвердите, что именно вы дали своему другу злополучную книгу, — но поможет ли это ему? Да и будет ли ссылаться на вас ваш друг? — он ведь тоже благородный человек. Самому, по собственной инициативе, заявить, что это вы дали том «Архипелага» своему знакомому и готовы нести за это всю ответственность? Это был бы мужественный и высокий поступок. Но Ковалев взял наивысшую планку.

Сергей обратился с письмом не к ведущему дознание следователю, не в прокуратуру. А напрямую к тогдашнему председателю КГБ Андропову. В своем письме он заявил, что изъятый том «Архипелага» принадлежит ему, является его собственностью. Но не о покорной готовности нести ответственность за «хранение и распространение» написал в своем заявлении Сергей. А о своем праве читать любые книги, о незаконности препятствования информационному обмену, о противоправности изъятия книги работниками КГБ, осуществляющими таким образом государственный разбой. И в заключение потребовал вернуть принадлежащую ему собственность — том «Архипелага».

По-моему, это было в подлинном смысле письмо из будущего. Потому что в нем звучали оценки и взгляды не тогдашнего, а завтрашнего дня. Конечно, многие и в то время понимали, что «Архипелаг» — не антисоветский пасквиль, а наша горькая история. Что когда-нибудь (лет, эдак, через 100) эта книга непременно придет в Россию. Но одновременно мы как бы соглашались с «политической реальностью» своего времени: да, сегодня эту книгу забирают на обысках, да, за нее сажают «на всю катушку». Когда-нибудь это будет казаться абсурдом, варварством, но сейчас спорить против этого — что плевать против ветра.

Сергей не хуже нас понимал существующие политические реалии. Знал, что книгу ему ни за что не вернут. Понимал, что письмо Андропову станет еще одним кирпичиком в возводимом против него обвинении.

Но еще более важным он считал — создать своим письмом прецедент, заявить: никакой политической охране не должно быть позволено переступать закон. И гражданин вправе требовать от государства соблюдения всех декларированных прав и свобод, уважения собственных, отличных от официальных, взглядов и мнений.

Наконец, дерзкое письмо шефу советского гестапо в какой-то мере отвлекало внимание, заслоняло другого участника инцидента с «Архипелагом» — В. М. Маресина.

... Последним документом за подписью Ковалева стал написанный им совместно с А. Д. Сахаровым призыв ко всеобщей — и всемирной — амнистии для узников совести. На следующий день, 27 декабря 1974 года, Сергей был арестован.

Вечером 30 декабря я поехал на проспект Мира к Татьяне Ходорович. Я часто бывал там, но в тот раз мой приезд несомненно был связан с арестом Сергея. Поднимаюсь в крохотном, как телефонная будка, лифте. Звоню. В гостиной кто-то из дочерей Ходорович сидит за чайным столом. Но Татьяна Сергеевна сразу проводит меня в дальнюю, меньшую комнату. Там горит только настольная лампа и оттого полутемно. За столом я вижу другую Таню — Великанову. И получается, что кроме Гриши Подъяпольского, в комнате собрались все оставшиеся на свободе члены ИГ. Я хоть и не состою в группе, давно уже свой в их среде.

Таня протягивает мне листок с заявлением ИГ в связи с арестом Ковалева. Недостает конца — нескольких заключительных фраз. «Сколько уже было таких писем! — говорит Таня. — Кажется, уже все слова перепробованы. Не хочется повторяться».

Читаю листок. Что еще можно сказать о Сергее? Он совсем не нечаянная жертва. Он — боец, сознававший, что страшась свободного слова мстительная власть не простит ему разоблачений и жестоко расправится с ним. Он — заступник, под огнем спешащий на выручку гонимым и гибнущим людям. Он воистину из тех, кто «положил душу свою за друзей своих». Но как все это выразить?!

Положив листок на стол, я дописал: «Сергей Ковалев открыто выступал в защиту многих и многих несправедливо преследуемых людей, в защиту законности, гласности, человечности. Сегодня в этой защите нуждается он сам. Мы солидарны с Сергеем Ковалевым в его благородной деятельности. Мы требуем его освобождения. Мы призываем всех согласных с нами людей выступить в его защиту».

Под письмом в защиту Ковалева кроме трех оставшихся членов ИГ поставили свою подпись еще 52 «поддержавших».

Увы, в советской стране добро и подвижничество — наказуемы! Суд «вознаградит» Сергея десятью годами: семью — строгого лагеря и тремя — ссылки. И это лишь видимая, надводная часть айсберга. А скрытая, подводная, ни в каком приговоре не указанная часть наказания, — голод, холод, унижения? И надо быть готовым каждый день отстаивать от посягательств тюремщиков свое человеческое достоинство. И надо остаться собой, не озлобиться, не дать повредить свою душу.

Дай Бог, дорогой читатель, чтобы слова «лагерь», «ШИЗО», «ПКТ», «крытка» навсегда остались для вас лишь вычитанными, пустопорожними, не наполненными собственным опытом понятиями! Но возможно ли тогда хоть в малой мере дать вам ощутить гнетущую тяжесть и горечь того, что стоит за этими словами? Как объяснить, что ТАМ приходится порой голодать (да еще и обречь себя на пытку «искусственным кормлением»), чтобы добиться естественных, совершенно законных вещей: обследования и операции в Ленинградской тюремной больнице; встречи с адвокатом; не препятствования подцензурной переписке; свидания с родными. Всего этого в достатке выпало на долю Сергея.

А постоянная тревога за близких и родных? В мае 1980-го, когда Ковалев был еще в 36-м Пермском лагере,

была арестована жена его сына, известная правозащитница Татьяна Осипова. А в августе 1981-го (к тому времени 50-летнего Ковалева «за невыполнение нормы» отправили в Чистопольскую тюрьму) был арестован и сын, Иван Ковалев, пошедший по стопам отца. И Татьяна, и Иван были перед арестом членами Московской группы «Хельсинки», ставшей продолжательницей и восприемницей ИГ. Каждому из них суд тоже даст по десятке, — по 5 лет строгого лагеря и по 5 — ссылки.

Сергей Ковалев

Да, не только дешевая колбаса и водка для жителей столицы, но и тюрьмы и «психушки» для всех несогласных, для самых честных и мужественных — вот реалии эпохи, о которой так тоскуют сегодня державники и патриоты под красивыми знаменами.

Поразительно! — но спустя 2 десятилетия в буквальности реализовалась метафора из того, 1974-го года, о заступнике, под огнем спешащем на выручку гибнущим людям. Вся Россия, весь мир увидели, услышали, узнали: останавливать чеченскую бойню первым бросился 65-летний правозащитник. Под рвущимися бомбами и снарядами депутат Думы Сергей Ковалев свидетельствовал о преступной бесчеловечности войны, развязанной российским руководством. И так же отважно разоблачал ложь нынешних, «демократических» властей, как когда-то — коммунистических.

И снова, как и два десятилетия назад, подвижничество и добро — наказуемы! Сколько ненависти, оскорблений и неприкрытых угроз было выплеснуто на Ковалева «силовиками» и их подголосками! Понятно, почему они называют Ковалева предателем. Ведь именно он предал всемирной огласке и высветил их каннибальские подвиги, их вопиющий военный непрофессионализм и бездарность, их тупое равнодушие к жизни и смерти не только чеченских «боевиков», но и мирных жителей, и даже собственных солдат. С этими ясно. Ярость виновников чеченской бойни по отношению к Ковалеву объяснима и естественна.

Труднее понять словоблудие людей, прямо не причастных к развязыванию чеченской войны, но поддерживавших ее по идеологическим, державным соображениям. Их руки впрямую не запачканы в крови, — почему же благородная миссия Ковалева вызывает у них столько ненависти и озлобления? Причин тому много, и я не претендую на универсальный ответ. Назову лишь одну, лежащую в области психологии.

Иные из сегодняшних хулителей Ковалева были когда-то в робкой оппозиции к тоталитарной власти. Им тогда не достало мужества открыто ступить за опасную черту, и грешно было бы упрекать их за это. Но впоследствии сознание, что когда-то они смалодушничали, породило в них потребность в самооправдании, подтолкнуло принижать и чернить тех, кто поступил честнее и смелее, кто не побоялся перейти запретную грань. Они (увы!) не понимают, что их попытки оправдать чеченскую бойню, их фарисейские нападки на Ковалева ставят их за грань порядочности и интеллигентности. Мне жаль таких людей и стыдно за них.

Но вернемся в 1970-е годы. Еще кажется крепким Советский Союз; еще живы Брежнев и Андропов; еще не бомбили ни Сухуми, ни Грозный.

С декабря 1974-го минет скоро 6 лет, но Сергей Ковалев все еще в лагере. Как тянется в заключении время! Подходит, подползает к концу назначенный приговором срок, а на душе порой кошки скребутся. Выпустят ли хотя бы в ссылку? Да и из ссылки так просто вернуть обратно в лагерь. Сколько их было — дутых повторных дел! Если бы кто-нибудь тогда вдруг сказал, что через 10 лет Ковалев станет депутатом парламента России, все — да и сам Сергей — сочли бы его слова за глупую и неуместную шутку.

...Свою «десятку» — и лагерь, и тюрьму, и ссылку — Сергею предстояло отбыть «от звонка до звонка».

Петр Якир и Виктор Красин

Виктор Красин

Виктор Александрович Красин. Он всего на год старше Ковалева. Но за его плечами — свыше 5 лет сталинских лагерей. 20-летним студентом МГУ он вместе с 6-ю товарищами был арестован в январе 1949 года и получил по ОСО 8 лет лишения свободы. В 1954 году, после смерти Сталина, дело пересмотрели, и Красин был освобожден и реабилитирован.

Эта катастрофа была не первым чекистским прикосновением к биографии Красина. В 1937 году, когда он был 8-летним мальчиком, арестовали его отца, который потом сгинул на Колыме...

Лагерь неизбежно оставляет рубец в душе человека. Его разлагающему влиянию стойче могут противостоять взрослые, сформировавшиеся люди. Молодежь больше других подвержена лагерной порче.

В сущности, я был мало знаком с Красиным. Но одна картина ярким пятном до сих пор стоит перед моими глазами. Через десятилетия доносится до моих ушей яростный рев песни про побег из лагеря. Многие ее строки с той поры запомнились мне. Недавно мне довелось вновь услышать эту песню. В фильме Э. Рязанова «Небеса обетованные» ее поют два бывших лагерника, прошедших через сталинскую костоломку.

«Автозаводское» застолье. Сидящий у торца Виктор начинает:

*«Мы бежали с тобою
Зеленеющим маем...»*

Петр Якир, уже крепко подвыпивший, с бешеным азартом подхватывает припев:

*«По тундре, по железной дороге,
Где мчится скорый «Воркута - Ленинград».*

Тогда я еще не знал, насколько этот сюжет перекликался с судьбой самого Красина: в 1949 году Виктор и четыре его сокамерника, разоружив конвой, бежали с Тайшетской пересылки. Должно быть, оттого романтика этой песни так брала его за душу.

...Погоня почти настигла беглецов, их окружают, вот вот их схватят охранники.

«Но они просчитались.

Окруженье пробито.

Кто на жизнь смотрит смело,

Того пули щадят».

Виктора и беглецов с Тайшетской пересылки поймали на трети сутки. Но песня славит счастливый конец:

*«Мы теперь на свободе,
О которой мечтали,
За которую можно
Хоть полжизни отдать».*

Не помню ни лиц окружающих, ни выражения самого Виктора. Мне запомнились только его по-блатному босые, вытянутые под столом ноги...

Испытания по-разному сказываются на разных людях. В Красине они взрастили, вероятно, и раньше ему свойственные тщеславие и гордыню. Мог ли он, прошедший через лагерный ад, считать ровней себе ничего другого не изведавших благополучных «фраерочков», хотя бы и своих сотоварищей по ИГ? Высокомерно презиравшая интеллигентское копанье в словах и формулировках при составлении документов, Красин предпочитал иной, более заметный род деятельности. В тот первоначальный период именно Красин и Якир как бы ведали связью группы с иностранными корреспондентами и передавали им заявления ИГ. Благодаря этому их имена чаще других звучали по «голосам». Это выделяло их из общего ряда и делало более известными. И, должно быть, льстило их самолюбию.

В декабре 1969 года Красин почти на 2 года оказался оторван от ИГ. Воспользовавшись тем, что он свыше года нигде не работал, суд приговорил его за «тунеядство» к высылке в Красноярский край. Суд не принял во внимание возражений его тогдашней жены, Анны Красиной, матери троих его сыновей-подростков, заявившей, что претензии к мужу она не имеет. Что Красин много лет полностью содержал семью, а сейчас работает над диссертацией. Стоящий за этой акцией КГБ имел свои виды: обезглавить ИГ, лишить ее энергичного и деятельного лидера...

В чем же была суть конфликта Красина и Якира с большинством членов группы? Это извечный спор о соотношении цели и средств. В борьбе с произволом советских властей Красин и Якир считали допустимыми контакты и помощь со стороны НТС. Сегодня понятно, что «Народно-трудовой союз» не был тем уродливо-карикатурным монстром, каким представляла его советская пропаганда. Но симпатий эта эмигрантская организация не вызывает у меня и поныне. В начале 70-х мне довелось прочесть программу НТС. Помню, там, в частности, декларировалось намерение создавать конспиративные ячейки, пред-

полагалась, по крайней мере, допускалась, возможность вести вооруженную борьбу за свержение существующего строя. Все это шло настолько вразрез с принципами зарождавшегося правозащитного движения, что я полагал недопустимым иметь дело с подобной организацией.

Красин и Якир считали подобные соображения интеллигентским чистоплюйством. И не считаясь с мнением товарищей, даже не ставя их об этом в известность, гнули за их спинами свою линию. Когда эти художества и заигрывания с НТС нечаянно обнаруживались, происходили острые столкновения. По-видимому, именно в этой связи А. Якобсон в 1970 году временно выходил из Инициативной группы. В отсутствие Красина подобных конфликтов было меньше и оставшимся стало легче работать.

В ссылке, по свидетельству самого Красина, начались его игры и торговля с госбезопасностью. В конце 1970 года следователь КГБ закинул пробный крючок, пообещав, что Красину разрешат вернуться в Москву, если он напишет заявление об отказе от правозащитной деятельности. Красин клюнул на эту наживку. Он ответил, что готов дать такие заверения, но — устно. Тем не менее в сентябре 1971 года Верховный Суд РСФСР (несомненно — с подачи КГБ) отменил приговор о высылке. Красин вернулся в Москву, пробыв в ссылке менее 2-х лет (вместо 5-и по приговору). С ноября 1971 года подпись Красина вновь несколько раз появляется под документами ИГ.

Красин был арестован 12 сентября 1972 года. В течение 2 месяцев он, согласно его рассказу, отказывался давать показания. Потом начались отступление и сдача позиций, перешедшие вскоре в слом и окончательную капитуляцию. Красин не только покался и отрекся от прежних воззрений и утверждений. Не только рассказал все о собственной деятельности. Не только дал подробные показания на своих прежних товарищей. Хуже всего, что своей скверной он стремился заразить других, проповедуя — на очных ставках и в письме на волю — свои «новые воззрения» и призывая всех последовать своему примеру.

Мне повезло, — я не был близко знаком с Красиным. Никогда не бывал у него дома. Ни он у меня. Он ничего не давал мне для сохранения. Иначе мне бы пришлось, как одному из приятелей Красина, слушать в Лефортово настояния Виктора — отдать дознавателям из КГБ полученный у него самиздат и усложнительные заверения следователя, что «ни один волос тогда не упадет с моей головы». И мгновенно решать, — подтверждать или нет показания Красина, отдавать или нет злополучную крамолу.

Мне повезло, — в те времена мне еще не доводилось передавать западным журналистам правозащитные материалы. И потому следователь на допросах не мог, используя красинские показания, изблечить меня в этом, как Ю. Мальцева или А. Амальрика.

Мне очень повезло, — мне не пришлось, как Ирине Белгородской, Илье Габаю и другим, знакомиться на очных ставках с новыми взглядами «железного» Виктора, выслушивать его призывы — помогать КГБ-шному следствию, признаваться во всем и не стесняться давать показания на товарищей.

Да, я читал переданное Красиным на волю (с разрешения следователя) письмо, в котором все это подробно изложено. Но отравка, перенесенная на бумагу, прочитанная и перечитанная в спокойной обстановке, много теряет в своей действенности. Иное дело — воочию увидеть новое обличье своего знакомого, своими ушами услышать, как яд сочится из его уст, собственной кожей ощутить

гибельную цену неосторожно сказанного на допросе слова. Да, не поддаться, выдержать это трудное испытание все равно возможно. И многие с честью прошли через него. Но не все. Первой жертвой красинской отравы стала Надя Е., молодая девушка, полюбившая Виктора, приезжавшая к нему в ссылку и ставшая к тому времени его женой. На свиданиях (оформляемых под видом очных ставок) Красин, по существу, склонил ее отказаться от противоборства с ГБ. И вскоре Надя начала давать показания...

В дальнейшем Красин — на очных ставках и в упомянутом письме — напрямую призвал всех сотрудничать со следствием, сея семена предательства и измены. Еще несколько человек поддались на его уговоры. Но ожидаемого богатого урожая КГБ так и не собрал.

На суде Красин (как и Якир) полностью признал себя виновным. Покаявшимся «лидерам» дали по 3 года лагеря и по 3 — ссылки. Но и этот — по советским меркам, мягкий — приговор был снижен при кассации. Каждому оставили только ссылку, причем — поблизости от Москвы. Через год оба подельника были помилованы. А в феврале 1975 года Красин (вместе с Надеей Е.) эмигрировал в США.

Стоит упомянуть о двух до той поры беспримерных обстоятельствах. Одно из них достаточно известно. Это — состоявшаяся 5 сентября 1973 года, через несколько дней после суда, пресс-конференция Красина и Якира, причем — в присутствии иностранных журналистов. В отрывках ее показывали у нас по телевидению, подробно освещали в газетах. На этой пресс-конференции они сказали все, что требовалось властям: об искренности своего раскаяния, о клеветническом, враждебном по отношению к нашей стране характере деятельности ИГ, об инспирированности оппозиции из-за рубежа. Словом, подельники честно отработали дальнейшее облегчение своей участи.

О другом, совсем не рядовом событии рассказал впоследствии Красин. Оказывается, сразу после окончания суда у него была встреча в Лефортово с самим Андроповым. Председатель КГБ сразу же заверил Красина, что вынесенный приговор будет смягчен. И, развивая беседу, спросил, готов ли Красин выступить перед иностранными корреспондентами. А то, мол, на Западе сомневаются в подлинности вашего раскаяния. Торг продолжился, таким образом, на самом высоком уровне.

Красин согласился. Шеф КГБ получил подтверждение, что встреча вчерашних диссидентов с журналистами пройдет без каких бы то ни было неожиданностей и срывов. Стороны, похоже, остались довольны друг другом.

В чем причины позорного падения Красина на следствии и суде? Не хочу строить свои догадки. Выслушаем человека, которому случившееся известно во всех подробностях и не понаслышке. Это сам Красин, издавший уже в эмиграции, в 1983 году, книжку «Суд» (большие отрывки из нее напечатаны в №23 «Огонька» за 1990 год). В книге Красин не щадит себя. Он прямо пишет, что купил свободу «в обмен на предательство». Называет себя «заблатненным» лагерником, спасавшим свою шкуру». Признает, что своим примером и уговорами «толкал на низости» и способствовал духовному слову недавних со товарищей. Красин не скрывает, что, когда находил это выгодным, не задумываясь ставил под угрозу даже случайных, далеких от правозащитной деятельности лиц. Ибо они для него «были только фигурами в шахматной партии».

Красин объясняет, что к сдаче его вынудили угрозы назначить «высшую меру» (т. е. — расстрел) путем пере-

квалификации обвинения с диссидентской 70-й статьи на 64-ю («измена родине»). Предлог для такой перекалфикации дал, в сущности, он сам, — своими контактами с НТС, о которых, разумеется, проведаль КГБ и от которых его тшечно предостерегали товарищи.

Вероятно, угрожая расстрелом, следователь просто блефовал. Но Красин, по его словам, воспринял эти угрозы всерьез. Он потерял сон, мучился от головных болей. Между тем, многочасовые допросы происходили почти ежедневно. Наконец Красин решил в качестве пробного шага сдать хранящийся у одного из его товарищей Самиздат.

Страх — плохой советчик. За первой уступкой последовала другая. Потом — еще одна. Следователь Александровский, по признанию Красина, ловко играл на его честолюбии и тщеславии. Он внушал, что именно Красин и Якир — подлинные лидеры «движения». Многозначительно намекал, какое важное значение придают их делу «наверху», — о нем, мол, раз в неделю докладывают самому Андропову. Одновременно Александровский подкалывал благовидное обоснование для капитуляции и предательства: «Ваше движение потерпело поражение и легко может быть раздавлено. Но лучше избежать напрасных жертв. На вас, как на лидерах, лежит ответственность за судьбу тех, кто пошел за вами. И даже если ваши товарищи сейчас вас осудят, — надо стать выше этого. Ради спасения многих необходимо пожертвовать своей репутацией и даже принять на себя позор предательства».

Свою книгу Красин завершает признанием, что к катастрофе его привели «гордыня, тщеславие и высокомерное отношение к людям». Наверное, это действительно так.

Не стоит, по-моему, демонизировать Красина и возводить его в ранг злого гения ИГ и чуть ли ни всего правозащитного движения. Человек не без способностей и не без достоинств, он был сжигаем честолюбием и жадой славы. Он видел себя только лидером и вождем. А к роли побежденного себя просто не готовил. Переигранный и сломленный, он забыл, что оппозиция тоталитарной власти изначально не надеялась одержать победу, но и в видимом поражении утверждала себя СИЛОЙ ПРАВОТЫ. И капитулировал перед сильнейшим противником, признавая тем самым ПРАВОТУ СИЛЫ.

Наверное, встреча и беседа с шефом КГБ немало полестила амбициям Виктора. Экстраординарное посещение как бы подтверждало высокий ранг самого Красина, — к кому еще из «политиков» приходил в тюрьму для переговоров член Политбюро ЦК КПСС?! В письме к Андропову (о котором было условлено во время беседы) Красин изложил свои соображения — как смягчить конфликт и уменьшить недоверие между властью и интеллигенцией. Для этого надо уметь не только карать, но и милловать, — и в конце своего письма он привел список тех, к кому он рекомендовал применить милосердие.

Но вот в чем признается Красин в своей книге: судьба тех, о ком он так заботился, не слишком волновала его; испрошенным для них «милосердием» он хотел оправдать перед товарищами свое предательство на следствии и суде.

Красин обманул и перехитрил сам себя. С опозданием осознав это, он казнится в своей книге. И в ее заключительных строках просит прощения «у всех, перед кем был так тяжко виноват».

В 1991 году Красин возвращался в Россию. Однажды я мельком видел его, — на похоронах В. Гершуни, одного

из «поддержавших» первое Обращение ИГ. Виктор жаловался на здоровье и говорил, что пишет воспоминания. Сейчас Красин, как мне говорили, снова вернулся в США.

Бывают люди неприметные внешне, но исполненные внутренне редких достоинств и благородства. Пока нет нужды в их помощи, они как бы в тени. Но свалится на тебя беда, и такой человек окажется рядом и подставит свое плечо. Минет надобность в его ломоте, и он снова отступит в тень. Он не замыкается в себе, но и не нараспашку. Ненавязчив и надежен. Доброжелательный к людям, он не имеет врагов. Появляется такой человек без шума и суеты, даже звонка почему-то почти не слышно, словно не в дверь он вошел, а сквозь стенку просочился. Но и не призрак вовсе: и за столом посидит, и поговорит, и пошутит, и водочки выпьет, и закусит, и трубочкой попытит. А потом опять незаметно исчезнет, точно в воздухе растворится.

Александр Лавута

Таким знают друзья Сашу Лавута. Александра Павловича. Таким и я узнал Сашу, когда для этого пришла пора. А до того много лет мы были просто хорошими знакомыми, перебрасывались при случае несколькими фразами, множество раз виделись у общих приятелей и друзей. Разумеется, я всегда помнил о Шашином участии в ИГ, догадывался и о его причастности к «Хронике». Но все-таки я не представлял степени его вовлеченности в правозащитные дела, тем более, что в 1973 году имя Лавута выпало из списка членов ИГ. Софья Васильевна Каллистратова, наш старший друг, советчик и поверенный, рассказала мне подоплеку происшедшего. На Шашину семью обрушилось тогда тяжкое горе, трагически погиб их 14-летний сын Миша. В это же время и над ИГ нависли грозные тучи, отягченные предательством Красина и Якира. Опасность грозила всем. Но мысль, что могут посадить Сашу, была для его товарищей особенно нестерпимой. Что станет тогда с Симою, Шашиной женой, еще не оправившейся от страшной потери? Со всей его осиротевшей семьей? Не подкосит ли их этот новый удар? И друзья, прежде всего Сергей Ковалев, — почти силком уговорили Сашу не подписывать — пока — документы группы. Возможно, эта наивная уловка и вправду отдала Шашин арест. А скорее — была успокоительным самообманом. Потому что «органы», бдительно следившие за оппозиционерами, несомненно знали, — Саша не отошел от друзей, не оставил своей «хроникерской» деятельности. После годичной паузы подпись Лавута снова стала появляться под правозащитными письмами и документами ИГ, правда, теперь только в списке «поддержавших». Сами же друзья продолжали ощущать Сашу совершенно своим. Так что через десятилетия им даже не верилось, — а что, разве фамилия Лавута не вернулась со временем в список членов ИГ?

Сам Саша в позднем разговоре со мной в числе причин приостановки своего членства в ИГ упомянул и такую: он — представьте! — полагал собственное участие в работе группы «недостаточным для того, чтобы носить такое высокое звание»...

Я ближе сошелся с Сашей в конце 1979 года, когда мы оба вошли в «Комитет защиты Татьяны Великановой», образовавшийся вскоре после ее ареста. Решено было выпускать бюллетень. Первый его номер составил быстро и без проблем: он целиком состоял из множества индивидуальных и коллективных писем людей, потрясенных Таниным арестом. Во втором номере надо было рас-

сказать о ходе следствия. Материал об этом был собран, оставалось только его обработать. Для этого я заехал в памятную мне квартиру на улице Красикова, где так не хватало хозяйки и где жили сейчас ее дети и внуки. Танина дочка Юля (а может быть, Наташа, ее невестка) отдала мне записи, сделанные теми, кого вызывали на допросы по Таниному делу. Опыта редактирования у меня, правда, не было, но не отступить же? И я храбро принялся за работу. Увы, справиться с собранной информацией оказалось не так просто. Надо было сокращать материал, но боязнь упустить что-то важное сковывала мою руку. Провозившись часа два, я все же составил длинноватый, но, как мне показалось, приемлемый текст. Не слишком довольный им, я оставил его для перепечатки.

Когда я заехал в следующий раз, то увидел готовые экземпляры бюллетеня. Мне сказали, что вскоре после меня приезжал Саша. Что он еще раз редактировал текст и просил узнать — согласен ли я с его правкой. Да, в Сашиной работе чувствовалась школа «Хроники». Никакой воды. Составленный мной рыхлый рассказ о следствии был сокращен раза в полтора. При этом ничего не было упущено. Лапидарность изложения лишь делала каждый факт выпуклей и отчетливей. Я увидел, как умелой компоновкой можно сказать больше сказанного, выявить неявное, сделать видимой скрытую связь не связанных на поверхностный взгляд событий.

...4 января 1980 года была вызвана в милицию, а оттуда препровождена в суд Татьяна Осипова. Под вздорным, притянутым за уши предлогом (якобы «за мелкое хулиганство» и сопротивление властям во время обыска у Ирины Гривниной, подруги Осиповой) ее присудили к пятнадцати суткам административного ареста. Протестуя против ложного обвинения, Осипова отказалась от арестантских работ. За это срок ее ареста был 8 января продлен судом еще на 10 суток. Прямо в зале суда Осипова объявила голодовку...

Но почему эта история с административным арестом Осиповой попала в бюллетень нашего Комитета? Имеет ли она отношение к делу Великановой? Доказать эту связь невозможно, но такое предположение выглядит весьма правдоподобным. Ибо административная акция против Осиповой случилась спустя 6 дней после ее допроса по делу Великановой. Допроса, на котором Осипова вывела из себя следователя Каталикова своей подчеркнутой солидарностью с Великановой и отказом отвечать на его вопросы. В нашем бюллетене аккуратно выстроена последовательность этих событий. А дальше читатель волен решать сам — была ли милицмейская акция против Осиповой случайностью или же возмездием за ее «вызывающее» поведение на допросе...

История эта стала поводом для нашей с Сашей поездки в женский милицкий спецприемник, куда поместили Осипову. Мы надеялись что-то разузнать о ней и, если получится, — отговорить от продолжения голодовки. В свидании с Осиповой нам сразу категорически отказали. Я было решил, что наша поездка окажется совершенно напрасной. Саша же продолжал мягко, но настоятельно повторять, что Осиповой — голодающей! — должны выдать постельные принадлежности и что мы просим хотя бы принять для нее записку. И вдруг милицкий офицер разрешает передать нашу записку. В ней мы советовали Осиповой не мучить себя понапрасну и прекратить голодовку (убедить эту упрямыцу нам, конечно, не удалось, и она отказывалась сама принимать пищу вплоть до освобождения).

Поход в поддержку Осиповой стал как бы прелюдией другой нашей знаменательной встречи, случившейся немного месяцев спустя и совсем рядом от места, куда мы в тот раз ездили. Почти час мы тогда провели с Сашей вдвоем и всласть наговорились, как оказалось — на 6 лет вперед.

...А тогда, выходя на улицу, Саша показал мне рукой на соседнее с милицмейским здание, верхние этажи которого виднелись из-за глухой каменной стены: «Бутырская тюрьма!»

По ту сторону глухой Бутырской стены и всей своей прежней жизни я очутился 10 апреля 1980 года. А спустя 19 дней в том же Бутырском «спецу» по соседству со мной оказался и Саша.

Тюрьма — другая, совсем особая жизнь, размеренная, сумрачная и скучноватая. Другой, замкнутый, серовато-бессолнечный мир со своими обычкновениями, заботами, тревогами, огорчениями, а порой и маленькими радостями. Подъем, утренняя и вечерняя поверка, хлопанье открываемой «кормушки», бесшумное морганье «глазка», прогулка в бетонном двореке, — вот будничной каждодневный распорядок. Неожиданные, хоть их и напряженно ждешь, вызовы к следователю. Внезапные, как вихрь, камерные «шмоны». Первая передача — первый привет с воли. Значит, родные отыскали тебя, они знают куда, в какую тюрьму тебя заперли, и ты уже не так одинок.

С течением времени начинаешь больше видеть, слышать и замечать. Особенно обостряется слух. Вот неподалеку хлопнула «кормушка», за ней другая. Это по коридору к нам приближается баландер. Скоро ужин. А вот кто-то перекрикивается с соседями через окно:

— Три-два-семь! Три-два-семь! — вызывают на разговор 327-ю камеру.

— Три-два-семь слушает! — доносится ответ.

— Лешку позовите.

Неведомого Лешку из 327-й «хаты» просят подослать курево. Или еще какой-то «подогрев». Как? Есть разные способы. Если «хаты» поблизости — можно попробовать соорудить и подогнать «коня», перебросив нитяной мостик к соседнему окну. Или суметь сговориться с обслугой из заключенных, с баландером или с библиотекарем, переходящих от одной «кормушки» к другой. Все это, разумеется, строго запрещено и наказуемо. Да и обслуга под постоянным присмотром тюремных контролеров. Но такая жизнь, — все равно десятки невидимых ручейков подспудно сочатся в тюрьме из камеры в камеру. Впрочем, меня-то это не касается. У меня ведь нет тут ни подельников, ни знакомых.

— Три-ноль-два! Три-ноль-два! — звучит вдруг за окном «позывной» нашей «хаты».

Александр Лавут

Татьяна Осипова

— Три-ноль-два слушает! — откликается кто-то из моих соседей.

Интересно, кого из них приглашают «на провод»?

— Терновского Леонарда позовите.

Меня! Но кто же меня тут разыскал? Кто здесь обо мне знает?

— Это Саша Лавут. Я в 318-й. Как ты? Тебе что-нибудь нужно?

Значит, и Сашу тоже... Встав напротив окна, я ответил громко и отчетливо:

— У меня все нор-

мально. Мне ничего не нужно. А как ты?

Соседи сигналият — позади приоткрылся, мигнул дверной глазок. Все. «Расход». Разговор окончен.

Чем мог мне помочь Саша, такой же, как и я, бесправный узник Бутырки? Реально — ничем. Но он уже помог мне, — через забранное решеткой и «ресничками» окно, сквозь которое не пролететь и воробью, до меня долетели слова дружеского участия.

Спустя несколько дней Саша прислал мне записку. Я ответил, не забыв, разумеется, уничтожить крамольную «ксиву». Мое послание Саша тоже получил, прочел и уничтожил. А следующую записку нашли у него при камерном «шмоне» прежде, чем он успел ее мне отправить.

...Нас, человек 10 арестантов, ведут с руками за спиной тюремными коридорами и лестничными маршами куда-то вниз. На первом этаже Сашу и меня вдруг отделиют от группы и запирают в крохотном темном боксике. Мы остаемся вдвоем.

Нет, мы не были настолько наивными, чтобы допустить, что нас оставили одних случайно или по ошибке. Мы понимали и все время имели в виду, что наш разговор слушают. Но нас это почти не стесняло: про какие-то частности можно шепнуть в самое ухо, о чем-то дать понять без слов. А главное, — мы ведь не подпольщики и не таили свою оппозиционность. Наша правозащитная деятельность принципиально велась открыто, и потому секретов у нас почти не было.

От Саши я узнал, что забрали его 29 апреля. На обыске в день ареста в числе прочего у него взяли первый и второй бюллетени нашего Комитета, несколько номеров «Хроники», причем последний, 55-й, — с его рукописными пометками. (Собирался ведь запрятать номер в одно место, где бы его вряд ли нашли, да поленился, посетовал он.) Арестованный после меня, Саша знал, что я в Бутырке. Попав сюда, он начал меня разыскивать и сумел узнать номер моей камеры. Тут сейчас еще несколько наших знакомых — редакторы самиздатского журнала «Поиски» Валерий Абрамкин, Виктор Сокирко и Юра Гримм. Саша сказал, что, как он думает, недавно, уже после того, как он оказался в Бутырке, арестовали еще кого-то из правозащитников, женщину. Скорей всего — Таню Осипову. Об этом ему дала знать Сима, его жена, положив в очередную передачу условное число чесночных головок и луковиц. Саша не ошибся. Осипову действительно арестовали 29 мая. А мне вспомнился наш совместный январский поход.

Я вспоминал о нем и раньше, ежедневно, когда меня с сокамерниками выводили на прогулку, в окне по ту сторону тюремного коридора я в течение мгновения видел кусочек воли — переулок с идущими куда-то людьми и угол того милицейского здания, куда мы с Сашей приезжали тогда в поисках Осиповой.

...Прошло, наверное, около часа. Открылась дверь боксика, и нас опять повели вниз — в подвал. Там нам объявили взыскание — по 10 суток карцера «за межкамерную связь». Отобрав матрасовки со сложенными в них личными вещами, нас развели по карцерным одиночкам.

...Освещенная тусклой лампочкой сырая каменная коробка шагов пять в длину и меньше трех в ширину. Выходящее в прямом забранное двойной решеткой оконце. Узкий голый лежак, на день поднимаемый и пристегиваемый к стене и отмыкаемый только после отбоя. Торчащий возле стены бетонный пенек, на который можно присесть днем; на него в опущенном положении опирается лежак. Подобие крохотного стола, намертво вделанное в пол. И, наконец, шедевр советского тюремного саноборудования — гибрид умывальника с унитазом. У этого чуда техники XX века нет спускающего устройства; но раз в сутки, утром, из установленной над унитазом трубки в течение минуты льется вода. За эту минуту надо не только умыться, но и справить все естественные потребности. Потому что когда воду выключат, ничто не смоеет содержимого и придется до следующего утра наслаждаться бодрящим ароматом отхожего места. Ни прогулок, ни курева; пониженная норма питания с горячей пищей через день.

В карцере у меня было маленькое приключение. Замок, пристегивающий поднятый лежак, оказался с дефектом, койка сорвалась и ударила меня по лодыжке. Удар был, вроде, несильным, но нога начала распухать и болеть. Я охромел; стало трудно не только ковылять до «кормушки», но и сидеть. При очередной проверке я пожаловался на ушибленную ногу. Вряд ли бы надзиратели обратили внимание на мою жалобу, но двери в карцере имеют уши. Кроме Саши там в это время находился и Виктор Сокирко. Вместе они стали требовать, чтобы меня осмотрел врач. И для моей больной ноги была сделана поблажка: в течение нескольких суток койку в моем карцере не пристегивали к стене и я мог днем отдыхать лежа.

К концу карцерного срока моя нога еще не прошла, краснота и отечность пошли куда-то вверх. Я расклеился, — едва ли не единственный раз за 3 года моего заточения. Появились одышка и слабость. И когда, вернув личные вещи, нас с Сашей повели обратно на этаж, я почувствовал, что несколько лестничных пролетов вдруг стали для меня нешуточным испытанием.

Саша понял это без слов. И, невзирая на мои возражения, подхватил мою матрасовку и, вместе со своей, тащил ее по лестницам до нашего этажа. А ведь ему было уже за 50, он на 4 года старше меня, и он тоже только что вышел из карцера. Нас развели по камерам. А спустя несколько дней, утром, вдруг приоткрылась «кормушка» в моей камере и мне велели собираться «с вещами». Меня почему-то переводили в другую московскую тюрьму, в «Матросскую тишину», но я тогда не знал об этом. Напоследок я прокричал в окно: «Три-один-восемь! Три-один-восемь! Это Леонард. Меня куда-то забирают «с вещами».

Сашин суд проходил 24-26 декабря 1980 года. По известной «диссидентской» статье 190-1, за «клевету» на родную советскую власть. Все процессы над правозащитниками в своей сути похожи один на другой — предрешенностью приговора и заведомой глухотой судей к доказа-

тельствам правоты обвиняемых. И в то же время, каждый такой суд своеобразен и неповторим, так как несет отпечаток личности подсудимого.

Доброта способна быть заразительной. В деле Лавута поражает открытое сочувствие к нему всех допрошенных в судебном заседании сослуживцев, не побоявшихся дать Саше — и в профессиональном, и в человеческом плане — самые высокие характеристики (впоследствии это, разумеется, не прошло для них даром).

От начала и до конца процесса Саша отстаивал свое — и каждого! — право на свободу информационного обмена. И спокойно подтверждал (в отношении свидетелей, которые сами не скрывали этого), что — да, давал им читать такие «крамольные» по тем временам книги, как солженицынские «Архипелаг ГУЛАГ» или «Ленин в Цюрихе».

Характерен такой эпизод. На суде были оглашены показания Е., лжесвидетеля и провокатора, написавшего на Сашу донос в КГБ с просьбой «принять к нему меры». Вот Шашины пояснения: «Е. сам пришел ко мне домой осенью 76-го года. Очень скоро я решил, что Е. ко мне подослан, но в силу своего характера не мог указать ему на дверь». Что же дальше? Дальше Саша (по просьбе Е.) дает ему читать... «Архипелаг ГУЛАГ». Оплошность? Наивность? Непонятное затмение? Нет, принципиальная открытость. Подтвердив в суде, что действительно давал Е. «Архипелаг», Саша так же спокойно отменил ложь, содержащуюся в показаниях провокатора.

В своем последнем слове Саша захотел ответить на вопрос, заданный ему в начале судебного заседания председателем: «Неужели Вы, Лавут, не видите ничего хорошего в стране, в которой живете? Неужели Вам здесь ничего не нравится?» Саша так ответил судье: «Мне нравится моя страна. Мне нравятся люди. Все». (Как тут ни вспомнить булгаковского Иешуа Га-Ноцри, обращавшегося ко всем людям со словами «добрый человек»!)

Признав Сашу, как и Иешуа, опасным преступником, добрые люди приговорили его — правда, не к казни на кресте, а к трем годам лагерей. А спустя три года другие добрые люди не отпустили его по концу срока на волю и по той же 190-1 статье осудили его еще к пяти годам ссылки...

На свободу Саша вышел лишь в конце 1986 года, с началом «перестройки».

Анатолий Левитин (Краснов)

Об Анатолии Эммануиловиче Левитине (Краснове) можно написать много. Но мой рассказ о нем неизбежно вторичен. Потому что видел я его лишь 2-3 раза, и то мельком. И знаком с ним я прежде всего по его статьям в защиту людей, преследуемых за убеждения (эти статьи я прочел и запомнил еще в то время), по немногим нынешним упоминаниям об Анатолии Эммануиловиче его соратников по ИГ да еще по изданным им в эмиграции пространственным воспоминаниям, вернее, по их 4-му тому, целиком посвященному истории демократического движения. Поэтому мне, наверное, будет лучше ограничиться кратким резюме.

Ко времени образования ИГ Левитину 53 года. В 1956 году он был реабилитирован после двух сталинских «сидок». Работал учителем, в 1959-м за религиозность был изгнан из школы. Верующий христианин, много писал о послереволюционной истории православной церкви, на богословские и общегражданские темы; некоторые из его статей печатались в свое время в «Журнале Московской Патриархии» под псевдонимом «А. Краснов».

У Левитина ярко выраженный бойцовский темперамент; по собственной характеристике «вспыльчивый и раздражительный», он называл себя сам революционером и социалистом, отвергая, однако, террор; в ИГ он представлял ее радикальное крыло.

Левитина арестовали 12 сентября 1969 года. Материалом обвинения послужило его литературное творчество. Вскоре, видимо, Левитина решили увезти подальше от Москвы. И тогда, под тем предлогом, что какая-то его статья была взята при обыске у его знакомого, жившего в Сочи (где сам Анатолий Эммануилович никогда не бывал), Левитина увезли «столыпиним» в Армавирскую тюрьму. После 11 месяцев заключения дело Левитина было отправлено на доследование, а сам он был освобожден под подписку о невыезде. Через адвоката ему передали, что дело его закроют, если он согласится прекратить впредь свою «деятельность». Левитин ответил одним словом: «Нет».

Во время пребывания на воле Анатолий Эммануилович, как и прежде, общался со своими сотоварищами по группе. Более того, он написал новые самиздатские работы — большой очерк о своем пребывании под стражей «Мое возвращение» и статью в защиту арестованного Буковского «Не мечом и копьем». Мудрено ли, что дело Левитина не только не прекратили, но спустя 9 месяцев его снова посадили в тюрьму, а затем и приговорили к трем годам лагеря?!

После окончания срока Левитин снова активный член ИГ. При обсуждении заявления группы о закончившемся процессе Красина и Якира занимает (вместе с Гр. Подъяпольским) резко осудительную позицию: «Предатели, трусы».

(В итоге возобладала все-таки более взвешенная линия С. Ковалева, Т. Великановой и Т. Ходорович и принят был более мягкий текст письма.)

Еще в лагере, в Сычевке, у Левитина впервые возникли мысли об эмиграции. Разногласия с товарищами по группе укрепили его в этом намерении. «Здесь свое дело я сделал, продолжу его своим пером за границей». Левитин покинул СССР 20 сентября 1974-го года. За рубежом он издал 4 тома воспоминаний. Умер в 1991 году в возрасте 76 лет.

Юрий Мальцев

С Ю. Мальцевым я никогда не был знаком. Поэтому, чтобы написать о нем, мне пришлось обратиться к «Хронике», к сборнику документов ИГ и к его сотоварищам по группе. Вот что я узнал в итоге.

С. Ковалев, Т. Ходорович, Т. Великанова, Г. Подъяпольский, А. Левитин-Краснов

Юрий Владимирович Мальцев родился в 1953 году. По образованию — филолог, переводчик с итальянского. Через 5 месяцев после создания ИГ, в октябре 1969 года, он был вызван в военкомат. Там Мальцеву сказали, что он должен пройти медицинскую комиссию. И сразу провели в кабинет, где его уже ждали два психиатра. Те направили его на психэкспертизу в больницу им. Кашенко. Там Мальцева навещал А. Лавут. Вероятно, в результате огласки вопиющего беззакония, спустя месяц, его выпустили из психбольницы.

Мальцева неоднократно допрашивали — по делу Г. Алтуняна, по делу Красина и Якира, с которыми у него были очные ставки. В сборнике документов ИГ указано, что в 1971 году Мальцев вышел из Инициативной группы. В 1974 году он эмигрировал на Запад.

... В 1976 году в издательстве «Посев» вышла большая книга Ю. Мальцева «Вольная русская литература 1955-1975». О другой его книге — «Бунин» — я узнал уже в нынешнее время из рецензии в «Литературной газете».

Леонид Плющ

Судьба Леонида Ивановича Плюща чрезвычайно драматична. И не только по общечеловеческим меркам, даже в ряду других участников ИГ, на долю которых — почти всех! — выпали суровые испытания.

Плющ родился в 1939 году. В детстве перенес костный туберкулез и 4 года был прикован к постели. Но школу сумел закончить с серебряной медалью. С 1962 года, по окончании мехмата Киевского университета, работал инженером в Институте кибернетики Академии наук Украины. Молодой ученый успешно занимался моделированием биосистем, опубликовал на эту тему несколько научных статей, работал в новаторской области на стыке математики и биологии.

В 1968 году Плющ написал и отправил в «Комсомольскую правду» резкое письмо, обвиняя газету в лживом освещении процесса А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. Ответ последовал быстро — Плющ был уволен из Института с «волчьим билетом» и с тех пор его нигде не принимали на работу. Активная общественная позиция привела Плюща в ИГ. Постоянно проживая в Киеве, он не мог, конечно, принимать участие в повседневной работе группы. Поэтому подпись Плюща под некоторыми документами ИГ ставилась по доверенности. Неудивительно, что не только я никогда не встречал Плюща, но и многие члены ИГ (Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович) тогда не были с ним знакомы лично.

Плющ был арестован 15 января 1972 года и помещен в следственный изолятор Киевского КГБ. Так в 33 года началась его четырехлетняя Голгофа. Госбезопасность на Украине издавна славилась своей свирепостью. Выступление или протест, которые в Москве могли порой вообще сойти с рук или наказывались относительно мягко, карались на Украине «на всю катушку». КГБ очень хотелось посадить Плюща всерьез и надолго, да небогато было с материалами обвинения даже по украинским меркам. А тут еще этот мерзавец имеет наглость отказываться давать показания! Ну, ты еще об этом пожалеешь. А может, объявить его психом? Правда, Плющ никогда не состоял на психиатрическом учете и не страдал психическими расстройствами. Но попробовать стоит.

И следователь направляет Плюща на психиатрическую экспертизу. Сначала вышла осечка. Эксперты судебно-психиатрического отделения Киевской областной больницы признали Плюща вменяемым. Досадно. Но есть еще

Москва, там психиатры более покладисты. А киевское экспертное заключение касательно Плюща мы на всякий случай изымаем из его дела.

Столица оправдала ожидания КГБ. Аж две экспертизы в Москве наконец-то признали Плюща сумасшедшим. Первая — под председательством директора Института судебной психиатрии им. Сербского, член-корреспондента АМН Г. В. Морозова и при участии проф. Д. Р. Лунца, известного доки по чудесным превращениям «политических» в «сумасшедших». Вторая — под председательством академика АМН А. В. Снежневского, главы московской «школы» психиатрии, и при неременном участии все тех же Г. В. Морозова и Д. Р. Лунца.

Академик Снежневский распознал у Плюща свою любимую, им самим открытую, и нигде больше в мире не признанную форму душевного заболевания — «вялотекущую шизофрению». Диагностика ее так тонка, проявления настолько малозаметны, что отыскать ее возможно у любого, в том числе и у самого почтенного академика. В самом деле, «открытие» неразличимой для других «вялотекущей шизофрении» — разве это не проявление «идеи изобретательства»? Или попросту — бреда? Упорное отстаивание своего, никем не признанного «открытия» — это, вне сомнения, «некритическое отношение к своему состоянию». И диагноз ясен. Остается констатировать величайшую социальную опасность деяний академика Снежневского (так же как и его ученых сообщников и подручных) и по справедливости отправить их на принудительное лечение в спецпсихбольницу (СПБ). Туда, куда с их подачи с лживым и преступным диагнозом уже отправили многих правозащитников. Их список велик: назову для примера имена П. Г. Григоренко, Н. Горбаневской, И. Яхимовича.

...Увы, это только пустые, несбыточные мечтания. И академик Снежневский, и профессор Лунц умрут областными властями и без покаяния. Снежневский в 1974 году, в разгар «лечения» своего подэкспертного, получит звание Героя Социалистического труда, а в 1976 году будет награжден Госпремией. (А кое-кто из этих доблестных психиатров, «докторов» от КГБ, получит звания заслуженных врачей из рук уже нынешнего, «демократического» президента России Ельцина — прим. ред. «Карты».)

Суд в отсутствие обвиняемого (в случае его признания невменяемым) — обыденная практика советской юриспруденции. Таким образом «больной» лишается последней возможности защищаться и как-то влиять на свою судьбу. Но в отношении Плюща и этого кому-то показалось мало. Суд над ним, начавшийся 25 января 1973 года, был объявлен закрытым. Кроме судей в зале присутствовали только прокурор и адвокат. Даже жену Плюща — Татьяну Житникову, даже его родную сестру не пустили в зал судебного заседания. В чем же причина такой неслыханной секретности? В чем обвиняли Плюща? Ему инкриминировали:

— подписание «антисоветских» писем в ООН в составе «нелегальной» ИГ;

— «хранение и распространение» собственных рукописей, в том числе уже упомянутого Открытого письма в «Комсомольскую правду»;

— «хранение и распространение» трех номеров «Хроники» и двух — «Украинского вестника»;

— ведение «антисоветских» разговоров.

В чем тут можно усмотреть «государственную тайну»? Ибо только необходимостью ее охраны можно было

бы, согласно закону, обосновать закрытый характер суда. И письма ИГ, и «Хроника» — открытые, публичные документы, они все равно уже попали на Запад, напечатаны там, звучали по «радиоголосам». Какие уж тут секреты?

И все же стыдная тайна, порочащая советскую власть, тайна, которую тщетно пытался скрыть судья Дышель, в деле Плюща действительно была. Эта единственная тайна — вопиющие беззакония и произвол, творимые на всех стадиях следствия и суда.

Как и следовало ожидать, Киевский областной суд, признав Плюща душевнобольным, назначил ему своим определением принудительное лечение в психиатрической больнице специального (тюремного) типа. Верил ли сам судья Дышель в сумасшествие подсудимого? Вот любопытный материал для размышлений: тем же определением суд постановил взыскать с «сумасшедшего» и «невменяемого» Плюща 73 рубля судебных издержек! (Для молодых читателей поясню: 73 рубля по тем временам — приблизительно месячный оклад начинающего педагога или врача. Сумма для оставшейся без мужа с двумя детьми женщины весьма чувствительная).

Наказывать больного, не отвечающего за свои действия человека (а вернее, его жену, на руках у которой двое сыновей-подростков), — для этого надо быть либо законченным дебилом, либо, наоборот, великолепно понимать, что сумасшедшим Плюща просто велено считать, что КГБ избрал для него такой способ наказания.

Верховный суд Украины при кассации смягчил приговор, сочтя возможным лечение в психбольнице общего типа. Последовал протест прокурора УССР. И Верховный суд покорно пересмотрел свое решение, снова назначив для Плюща специальную психиатрическую больницу «ввиду особой социальной опасности его антисоветских действий».

Как комментировать такое? В чем «особая социальная опасность» Плюща? Может ли интеллектуальная продукция сумасшедшего угрожать безопасности могущественного государства? Давным-давно, в свои студенческие годы, еще в сталинские времена я слышал такой анекдот. В очереди какая-то женщина начала вслух возмущаться: «Что у нас за жизнь? Дети голодные. В магазинах пусто. А правды не добьешься». Милиционер ее — цап: «Пройдемте, гражданка». Стоящие рядом люди попробовали заступиться за женщину: «Отпустите ее. Разве не видите, она — сумасшедшая». Милиционер: «Сумасшедшая, сумасшедшая, а рассуждает здраво!»

Так вот, преступной власти всегда бывают опасны те «сумасшедшие», которые рассуждают здраво.

15 июля 1973 года, спустя полтора года после ареста, Плюща доставили в Днепропетровскую специальную психиатрическую больницу (СПБ). Обычно прибытие на место означает для узника некоторое улучшение его положения: он снова обретает право переписки, а в дальнейшем — и свиданий с родными, он уже не заперт в камере круглосуточно и может в свободное время прогуляться по лагерю или, по крайней мере, возле своего барака.

Но условия в СПБ заставили Плюща вспоминать с сожалением даже пребывание в следственной тюрьме. Само собой, что переписка находящихся в СПБ, как и в лагере, подцензурна. Но к этому нетрудно привыкнуть. Надо лишь запомнить, что для того, чтобы твое письмо дошло, не нужно писать ни об условиях содержания, ни о соседях, ни о «лечении». А усвоив это, стоит вообще забыть о людях, по должности читающих чужие письма. Приходится смириться и с тем, что на твоём свидании с

женой присутствуют два соглядата. Все это входит в «правила игры», и было бы нелепо возражать против этого. Труднее смириться, что ты опять постоянно закрыт в камере-палате вместе с 25-ю беспокойными и агрессивными больными, что из палаты выводят только на часовую прогулку в каменный дворик да на оправку. Скрепя сердце, можно смириться и с этим. Но не это главное. Самое страшное — это врачи. И проводимое ими «лечение».

Леонид Плющ

С августа 1973 года Плющу назначают большие дозы галоперидола. И живой, общительный, доброжелательный к людям человек делается неузнаваемым. Во время свидания с женой Плющ говорит с трудом, с остановками, в глазах у него тоска, он задыхается, корчится в судорогах. Предупреждает, что письма писать не в состоянии. И просит раньше времени окончить свидание.

Его уводят. «Что Вы делаете с моим мужем? Что ему даете?» — обращается Татьяна Житникова к лечащему врачу. «Зачем Вам это знать? Что надо — то и даем», — отвечает докторша. И даже отказывается назвать свою фамилию («Не положено»).

Рано или поздно тайное становится явным. Со временем стали известны и имена ведавших «лечением» Плюща врачей (они заслуживают того, чтобы быть названными, — Л. А. Часовских, Э. П. Каменецкая и начальник Днепропетровской СПБ Ф. К. Прусс), и назначавшееся ими «лечение».

В течение 2-х с половиной лет Плюща «лечили» (хочется сказать — травили) попеременно галоперидолом (без полагавшихся корректоров), инсулином в возрастающей дозировке, трифтазином — в таблетках и в инъекциях, комплексно — инсулином и трифтазином, снова большими дозами трифтазина. После уколов инсулина (ожидая, видимо, инсулинового шока и судорог) Плюща на 4 часа привязывали к кровати. Ощущать себя объектом vivisection, распластанной, подопытной лягушкой, чувствовать, что твою психику целенаправленно разрушают, и не иметь возможности препятствовать этому, — как вынести подобную пытку?!

Периодически, после соответствующего курса, врачи проводили «оздоровительные» беседы, справляясь у Плюща, — не изменились ли его взгляды и убеждения? А не согласится ли он отречься от них в письменной форме? (Объективность заставляет признать: врачи Днепропетровской СПБ использовали все же не весь арсенал эффективных средств для коррекции взглядов и убеждений своего пациента. Например, они не ставили ему на живот включенный утюг.)

Можно ли называть этих лиц с медицинским образованием — врачами? В романе В. Гюго «Человек, который смеется» рассказывается о компрачикогах, крадущих, а затем уродующих похищенных детей. Компрачикоги от психиатрии уродовали и калечили душу и психику отданных им во власть людей.

Как может происходить такое? Откуда берутся эти специалисты, назвать которых врачами не поворачивается язык? Наверное, они не были такими изначально. Их тоже калечили и отчасти такими сделали. До начала 90-х годов СПб, как и лагеря, находились в подчинении не Министерства здравоохранения, а МВД. Врачи СПб одновременно (и в первую очередь!) являлись офицерами медицинской службы. А карательное ведомство натаскивает, как собак, своих сотрудников «на злобу». Постоянно внушает им (в том числе — и врачам), что в спецбольницах-психарнях содержатся в сущности не больные, а преступники. И некоторые поддаются этому воздействию.

Но человек все равно в ответе за себя. И у него всегда есть возможность выбора. Да, выпустить Плюща из СПб врачи были не вправе. Но они могли не «лечить» его так упорно и мучительно. Или вообще не «лечить» — найти (на то они врачи!) противопоказания для медикаментозного воздействия. Или, наконец, сделать так, чтобы пациент мог не получать записанного в назначениях «лечения». Но в Днепропетровской СПб Плюща годами упорно и мучительно «лечили», видя, что разрушают его здоровье и психику.

В пьесе Е. Шварца «Дракон» проходимец и приспособленец Генрих, оправдываясь в совершенных подлостях, говорит: «Лично я ни в чем не виноват. Меня так учили». Ланцелот отвечает ему: «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина?»

«Лечившие» Плюща врачи СПб заслуженно могут считаться первыми учениками Академии палаческой психиатрии.

Скорей всего Плющ стал бы вечным узником психбольниц и погиб окончательно, если бы не мужественная борьба, которую повела за своего мужа Т. Житникова. Она писала жалобы и протесты во все возможные инстанции: проводившему психэкспертизу Плющу академику Снежневскому, в Верховный суд Украины, в Прокуратуру, руководству СССР — Н. В. Подгорному, Л. И. Брежневу и А. Н. Косыгину, в управление ИТУ, в КГБ СССР. Она не давала покоя палачам своего мужа. Так, в декабре 1974 года она потребовала у прокурора привлечь к ответственности врачей Днепропетровской СПб «за преднамеренное разрушение физического и психического здоровья мужа». Но главное — благодаря ей информация о том, что делают с Плющом, попадала к его друзьям в Москву, а они делали ее достоянием широкой гласности.

Разумеется, ИГ тоже вступилась за своего сотоварища. С призывом в защиту Плюща — и не раз — обращался А. Сахаров и многие другие правозащитники. Огромное, ни с чем не сравнимое участие в защите Плюща приняла Т. С. Ходорович. Хотя она не была в те годы знакома с ним лично, она знала о нем все от Т. Житниковой, которая, приезжая в Москву, обычно останавливалась у нее. На основании ее рассказов и привозимых ею документов Т. Ходорович написала книгу «История болезни Леонида Плюща», изданную в 1974 году в Амстердаме. В марте 1975 года ею же написаны и преданы гласности статьи «Плюща делают сумасшедшим. Зачем?» (совместно с Ю. Орловым) и «Эскалация отчаяния».

Люди, выступавшие в защиту Плюща, безусловно, рисковали головой. У Т. Житниковой дважды производили обыски. При этом у нее, в частности, забирали копии ее писем и жалоб, отправленных в высокие советские инстанции. В прокуратуре на «беседе» ей советовали изменить свое поведение, угрожая не только увольнением с работы, но и намекая, что ее саму могут привлечь к

уголовной ответственности. Надо полагать, это не были пустые угрозы.

Призыв к защите Плюща был услышан международной общественностью. В 1974 году образуется международный комитет в защиту Л. Плюща. Особенно активно действует комитет во Франции и в США. Члены его посещают советские посольства, вручают петиции для советского правительства. Дальше — больше. 23 апреля 1975 года проводится международный день защиты Плюща. Советские посольства завалены письмами и телеграммами протеста, возле них проходят демонстрации. В этот же день Т. Житникова передает для опубликования письмо с такими словами: «Пусть отдадут мне мужа, — больного, каким они сделали его, и пусть разрешат нам всем уехать из этой страны».

Наконец, к советскому руководству обращается в защиту Плюща ЦК Французской компартии. Да, решив наглухо замуровать Плюща в СПб, КГБ явно не предполагал, какую бурю придется пожинать в результате.

В конце концов советские власти сочли за благо выпустить Плюща вместе с семьей из страны. 10 января 1976 года они выехали из СССР. КГБ так не желал контактов Плюща с друзьями, что ему даже не дали заехать домой в Киев и освободили только на пограничной станции Чоп. И до последнего момента продолжали давать ему трифтазин.

Так закончилась психиатрическая одиссея Леонида Плюща. Стоит упомянуть, что в Вене специально приехавшие зарубежные психиатры обследовали его. Они нашли его совершенно здоровым психически, но крайне истощенным нервно. Вместе с женой и детьми Плющ поселился во Франции.

Григорий Подъяпольский

Григорий Сергеевич Подъяпольский... Я написал это имя, и сразу же рядом встает другое — Мария Гавриловна, Маша Петренко-Подъяпольская, его верная спутница и жена. Больше двух десятков лет они прожили вместе.

Знакомые места становятся чужими, когда их покидают наши друзья. Лет десять я не бывал в том краю Москвы, но и сегодня, кажется, без труда отыскал бы тот дом возле — тогда конечной — станции метро «Молодежная», ту гостеприимную квартиру на 2-м этаже 5-этажной «хрущевки». Да только нету в ней давно тех хозяев.

Когда мы познакомились? Людмила, моя жена, напоминает, что было это в 10-ю годовщину смерти Б. Пастернака, 30 мая 1970 года. Многие приезжали в тот день на его могилу. На обратном пути из Переделкина, в электричке, моя Людмила разговорилась с Марией Гавриловной, и она пригласила нас приезжать на их «среды». Дом Подъяпольских славился этими традиционными вечерами, на которых читались стихи, велись вольные разговоры на литературные и общественные темы за застольем с чаем и знаменитыми Машинными пирогами.

Гриша писал и сам. Сборник его стихов «Золотой век» был издан за границей в 1974 году. Лично мне лучшими в нем кажутся 3 стихотворения на евангельские темы (цикл «Пророк»). Впрочем, сам автор, по собственному признанию, будучи «реалистом и атеистом», лишь воспользовался евангельскими сюжетами, привнес в них черты и краски современности.

В квартире Подъяпольских мне запомнилось множество книг в шкафах и на стеллажах, семейные фотографии и гравюры на стенах, большой фотопортрет Е. Олицкой, эсерки, политзечки и автора известных мемуаров. Запом-

нился сам хозяин, крупный, со светлыми с желтизной, зачесанными назад волосами. Родился Подъяпольский в 1926 году, в семье потомственных интеллигентов. Ученый-геофизик по профессии, вольнодумец и вольтерьянец по складу ума, Гриша был человеком большой отваги и гражданского мужества.

Еще до вхождения в ИГ он выступал в защиту А. Гинзбурга и Ю. Галанскова. Правозащитная деятельность Подъяпольского повлекла предвидимые последствия. Сначала его не допустили к защите диссертации, а в 1970 году уволили из Института физики Земли, где он проработал 17 лет. Несколько месяцев он не мог найти работу. И далее — уже известный читателю набор «воспитательных» мер для острастки и устрашения непокорных: допросы, обыск в мае 1972-го. В апреле 1973-го была сделана попытка поместить Подъяпольского в «психушку». А именно: его срочно пригласили в военкомат. Сначала — по телефону, потом — в тот же день — повесткой, которую «по пути» занес к нему полковник из военкомата. Явиться завтра к такому-то часу. Срочность и настоятельность вызова насторожили Гришу. Уж не ловушка ли это? Ю. Мальцева вот тоже приглашали в военкомат, а оттуда отвезли прямиком в «Кащенко». Не поджидает ли и его в военкомате «психовозка» с санитарями? Наутро Подъяпольский отправился в военкомат, но, проявив швейковское усердие, сумел опоздать на несколько часов и явиться туда, когда его там уже перестали ждать. Зато он смог убедиться, что его действительно хотят направить на стационарную психиатрическую экспертизу. В тот же вечер информацию об этом он сумел довести до сведения иностранных корреспондентов, и она пошла гулять по «голосам». Власти, видимо, не ожидали такой быстрой огласки. И беда отступила...

Но надолго ли? Ведь Подъяпольский оказался «трудновоспитуемым» и продолжал активную и разностороннюю правозащитную деятельность. Он выступал в защиту П. Григоренко, А. Амальрика, Буковского, Л. Плюща, Г. Суперфина, С. Ковалева и многих других, против психиатрического террора, призывал ко всеобщей политической амнистии и к отмене смертной казни. В октябре 1972 года Подъяпольский вошел в «Комитет прав человека», образованный в 1970 году А. Сахаровым, А. Твердохлебовым и В. Чалидзе. И до конца оставался активным членом ИГ, участвуя практически во всех ее документах.

Приходится ли сомневаться, что в недалеком будущем Подъяпольского ожидали арест, суд и лагерь? Судьба распорядилась иначе. Неожиданная смерть, вероятно, избавила его от годов неволи. Кто сейчас вспомнит, какой по счету съезд КПСС проходил в начале 1976-го? Но в преддверии этого «всемирно-исторического события» Москву, согласно советским традициям, очищали от «нежелательных элементов». Кого-то сажали в милицию на 15 суток, кого-то запихивали в «психушки», кого-то отправляли подальше от Москвы. Гришу послали в командировку. В дороге с ним случился инсульт, и 8 марта 1976 года он умер в саратовской больнице на руках у приехавшей жены. Ему не исполнилось и 50 лет...

Всякий человек неповторим и незаменим. Но после Гришиной смерти Мария Гавриловна сумела сохранить дух и традиции дома. И даже когда их дочка Настя вышла замуж, когда появились внуки, — за семейными хлопотами Маша не отдалась от прежних друзей. В самые глухие годы начала 80-х, когда КГБ довершал разгром правозащитного движения, когда А. Сахаров был заперт в Горьком, Маша, как и раньше, жила тревогами и заботами

своих друзей. И не переставала вступаться за них, когда их хватала когтистая лапа госбезопасности. Особенное участие она принимала в судьбе «горьковчан» — А. Сахарова и Елены Георгиевны. А в декабре 1986 года со всеми нами она радовалась их возвращению.

Вместе с Настинной семьей в декабре 1988 года Маша уехала в Америку. Когда летом 1990-го мне довелось навестить ее в Бостоне, она говорила, что до сих пор ее глаза все время смотрят на Восток, вглядываясь в оставленную Россию. И когда это стало возможным, Маша не раз приезжала в Москву и навещала друзей.

Григорий Подъяпольский

Татьяна Ходорович

Татьяна Сергеевна Ходорович занимает особое место в моем сердце. Особое место принадлежало ей и в ИГ. Написанные ею письма (не всегда это документы группы) отличались своей эмоциональностью. Они казались написанными не ее рукой — ее сердцем. Таковы ее обращения: «Суда над мыслью — не допускать!», «Открытое письмо Леониду Плющу» и прощальное «Я хочу жить по закону совести». Таковы и ее поступки — отчаянная, самоотверженная борьба за освобождение из «психушки» Л. Плюща (которого она впервые увидела, лишь выехав во Францию), девятидневная голодовка солидарности с отправленным в ссылку в марте 1975 года А. Марченко.

Родилась Татьяна Сергеевна в 1921 году. Она приходилась внучатой племянницей художнику М. А. Врубелю и внучкой адмиралу С. А. Нимецу. Филолог-лингвист по профессии, она 18 лет проработала в Институте русского языка, откуда была в 1971 году уволена за свою правозащитную деятельность.

Не помню начала нашего знакомства, но в 1974 году я уже был частым гостем на проспекте Мира, где в 2-х комнатах она жила с двумя младшими дочерьми и с сыном (старшая дочь, тоже Татьяна Сергеевна, жила с мужем отдельно от матери).

Правозащитная деятельность Татьяны Сергеевны далеко не ограничивалась участием в работе ИГ. Самиздатские статьи, собственные и в соавторстве. Подготовка к пресс-конференциям и участие в них. В феврале 1977 года, после ареста первого распорядителя «Общественного фонда помощи политзаключенным» Александра Гинзбурга, Татьяна Сергеевна вместе с Мальвой Ланда и Кронидом Любарским сменяет его на этом опасном посту.

Помощь преследуемым Татьяна Сергеевна ощущает своим нравственным долгом. Тем более, что она — верующая христианка. Мне особенно по душе, что ее христианство лишено ограниченности и лицемерия некоторых ревнителей православия, готовых защищать и вступаться, но только за «своих». А Татьяна Сергеевна защищает всех узников совести — и правозащитника А. Твердохлебова, и марксиста Л. Плюща, и почвенника и русского «государственника» В. Осипова. Защищает русских, евреев, украинцев, татар. Верующих и атеистов. И даже осужденных по уголовным делам. Так, в 1975 году на пресс-конферен-

ции, посвященной «дню политзаключенного», поддерживая требование узников совести о «статуте политзаключенного», Татьяна Сергеевна наряду с некоторыми другими правозащитниками заявляет, что основные положения этого статута применимы к любым заключенным.

Мне далеко до ее самоотверженного подвижничества, но мне близки ее нравственные установки и христианские ценности. Не всем, увы! дарована благодать спокойной и твердой веры. Скептик по натуре, я что-то среднее между агностиком и верующим. В детстве я был крещен, но не получил никакого религиозного воспитания. В своих сомнениях и исканиях мне хотелось прикоснуться к подлинной вере, опереться на человека, крепкого в убеждениях и живущего по совести.

В тот памятный вечер 21 апреля 1977 года я был в гостях на проспекте Мира. За чаем, неожиданно для самого себя, я вдруг выпалил: «Татьяна Сергеевна! Если Вы подарите мне крест, я стану его носить».

Я не ожидал того, что было дальше. Мгновенным порывом Татьяна Сергеевна сняла с себя нательный крестик и надела его на меня. Простой крестик на черном шнурке с рельефным, покрытым красным лаком, распятием. «Что Вы, спасибо, а как же Вы?» — невпопад говорил я. «Носите, а у меня еще есть», — улыбаясь, отвечала Татьяна Сергеевна. Свое обещание я исполнил. С того дня (за вычетом годов моей неволи) я не переставал носить крест. И приблизился к вере, хотя сомнения до сих пор закрадываются мне в душу и внешняя обрядность по-прежнему видится мне не самой существенной стороной религии.

А тот самый крестик... простите, Татьяна Сергеевна, но я не сумел сохранить его. Его у меня отобрали на «шмоне» в Бутырке 10 апреля 1980 года.

Разумеется, КГБ не обделил Татьяну Сергеевну своей заботой и вниманием. Трижды по разным поводам ее вызывали на допросы. Трижды у нее проводили обыски. Последний из них был 8 апреля 1977 года. Считая его преддверием ареста, Татьяна Сергеевна делает открытое заявление для прессы. Она пишет, что заранее отказывается от участия в следствии, от знакомства со своим «делом», от услуг советских адвокатов. Убежденная в предвзятости советского суда, подчиняющегося не закону, а идеологии, она не будет принимать никакого участия в судебном заседании.

«Я говорю сейчас. На следствии и суде я буду молчать». Татьяна Сергеевна решительно отказалась и от всякого участия в процедуре обыска. Она не подписала — и даже не стала читать — составленный протокол. Все время, пока проходил обыск, она отстраненно просидела в плетеном кресле-качалке...

Жизнь на пределе сил, жизнь на грани ареста. И так — на протяжении лет. Отдаваясь всей душой защите гонимых, Татьяна Сергеевна безмерно устала. Ведь вслед за А. Э. Левитиным она была старшей в составе ИГ. Но не только усталость подтолкнула ее к решению покинуть СССР. Люди постарше помнят, что в середине 1977 года был предложен для «всенародного обсуждения» проект, а 7 октября того же года была принята Верховным Советом СССР новая, «брежневская» Конституция. Пространная преамбула Конституции утверждала, как общенародную, коммунистическую идеологию, а ее 6-я статья законодательно закрепляла главенство и руководящую роль КПСС, отдавала в ее ведение «генеральную перспективу», внутреннюю и внешнюю политику страны, нацеливала весь народ на грядущее торжество коммунизма.

...Многим памятно, как, став в 1989 году народным депутатом СССР, Андрей Дмитриевич Сахаров настойчиво призывал отменить статью 6-ю этой Конституции. И в людском потоке, текущем по Комсомольскому проспекту проститься со скончавшимся 14 декабря 1989 года нашим заступником, тут и там мелькали плакатики с перечеркнутой накрест цифрой «6». Но неверно думать, будто в 1977-м все общество согласно одобряло предложенный проект. Нет, против него, и в особенности, против его 6-й статьи, открыто возражало немалое число наших сограждан (назову хотя бы С. В. Каллистратову, Л. Богораз, К. Любарского, В. Некипелова). Но голоса тех, кто согласен, критикует, спорит, намеренно замалчивались советскими органами информации. Зато отечественная печать обильно публиковала письма тех, кто горячо одобрял проект либо предлагал косметические поправки.

Татьяна Сергеевна очень остро восприняла противоречие между вновь принятой Конституцией и своей совестью. В своем открытом обращении накануне отъезда из СССР она писала:

«Я не могу и не хочу соблюдать Конституцию, которая декларирует идеологию, то есть покушается на свободу Духа. (...) Я отказываюсь строить атеистическое общество, ибо я верующая. (...) Я, распорядитель Русского общественного фонда, хочу открыто помогать узникам совести и их семьям. Закон запрещает мне это делать. (...) Я отказываюсь жить в государстве, Конституцию которого отвергаю. (...) Я принимаю предложение советских властей покинуть Советский Союз. (...)»

6 ноября 1977 года Татьяна Сергеевна Ходорович с младшими дочерьми и сыном уехала из СССР во Францию.

Петр Якир

О Петре Якире и Анатолии Якобсоне мной написаны отдельные очерки. Они опубликованы в 1997 году в моей книжечке «Мне без вас одиноко», в №3 серии «Библиотека журнала «Воля». Это позволяет мне, адресовав читателя к тем очеркам, ограничиться сейчас краткими справками. И небольшими добавлениями к ним.

Петр Иванович Якир. Родился в 1923 году. Сын командарма И. Э. Якира, уничтоженного Сталиным в 1937-м и посмертно реабилитированного. Сам Петр Иванович в 14 мальчишеских лет попал «за отца» в жернова репрессивной машины. В последующие 17 лет растлевающие гулаговские реалии формировали и калечили душу подростка, затем юноши, затем молодого, а там — и не очень молодого человека. Чекисты постарались привить воспитуемому собственные понятия о чести и доблести. Сегодня не секрет, что в сталинские времена были периоды, когда «органы» вынуждали Петра Ивановича к сотрудничеству,

Мальва Ланда

заставляли работать на них. Но я до сих пор убежден, что в диссидентский период — вплоть до самого ареста в 1972 году — Петр Ионович хотя и вел себя безответственно, неосторожно, но сознательным провокатором он в это время не был. И догадки насчет его сотрудничества с КГБ — несправедливы.

Реабилитированный в 33 года, Петр Ионович сумел затем окончить Историко-архивный институт. После падения Хрущева зарождается общественный протест против ползучей ресталинизации. Якир азартно ввязывается в петиционный бунт. И вскоре становится видным участником диссидентского движения. А в 1969 году — соучредителем ИГ. Его квартира на Автозаводской улице становится неким клубом московских, и не только московских протестантов. В самом начале лета 1968 года судьба занесла на «Автозавод» и меня. И вскоре я стал завсегдаем этого клуба.

Где еще тогда я мог увидеть всю эту уйму Самиздата — вольные статьи, размышления, обращения?! Изданные неподцензурно романы Солженицына, книги Замятина, Оруэлла, А. Кестлера? И совсем недавние самиздатские творения — «Мои показания» А. Марченко, «Полдень» Н. Горбаневской и первые номера «Хроники»? И не только увидеть, но и взять почитать, и дать почитать своим знакомым.

...Годы спустя и мне случалось получать от иностранных корреспондентов неподцензурные зарубежные издания, бывать на пресс-конференциях, устраиваемых на частных квартирах, и даже принимать в них некоторое участие. Но в те начальные годы движения главным «связным» диссидентов с инкоррами был все-таки П. Якир.

Времена между тем все суровели. В январе 1972 года на «Автозаводе» грянул первый обыск, и из квартиры увезли чуть ли ни грузовик крамольного сам- и тамиздата. В мае того же года последовал второй. А 21 июня 1972 года произошел третий обыск, и Петр Ионович был арестован.

Поразили ли меня начавшиеся вскоре слухи, а затем и несомненные сведения о том, что Якир «потек» и дает на всех обширные показания? По правде говоря, — нет. В последний предарестный год Петра Ионовича, бывая на «Автозаводе», я своими глазами видел стремительно деградирующего, спивавшегося, безвольного человека. Как сейчас стоит передо мной горестная и жалкая картина: крепко подвыпивший, с воспаленными, мутными глазами Петр Ионович взбирается зачем-то на диван, оттуда — на кухонный стол и, покачиваясь, начинает притопивать по нему ногами в нечищенных ботинках и что-то бормотать заплетающимся языком...

В связи с делом Якира было допрошено множество диссидентов. В декабре 1972 года был вызван на допрос и я. Допрос не был для меня неожиданностью. Вступая на путь сопротивления противоправным действиям властей, нужно ожидать всяческих неприятностей. И всем нам, естественно, приходилось крепко задумываться о том, как следует себя вести, оказавшись не по своей воле лицом к лицу со следователем.

Когда я был еще совсем новичком в диссидентской среде, как-то при мне об этом зашла речь. Я тогда «находчиво» высказался в том духе, что если меня на допросе спросят, кто и что в нашей компании говорил, предлагал или подписывал, то я отвечу, что, мол, ничего не помню, потому что «перебрал» и был совершенно пьян. Меня тогда обожгла неодобрительная усмешка Петра Ионовича.

Но это было давно. С тех пор у меня сложились определенные понятия о том, как вести себя на допросах. Важное значение в их формировании оказала на меня самиздатская «Юридическая памятка» А. С. Есенина-Вольпина. А также влияние нашего старшего друга, замечательного человека и адвоката С. В. Каллистратовой. Содержащиеся в «Памятке» сведения о процедуре и правилах, регламентирующих допрос, помогали грамотно обосновать свою позицию. А из советов Софьи Васильевны мне запомнился такой: не надо пытаться перехитрить следователя и никогда не лгать на допросе. Следователь — профессионал и всегда сумеет переиграть вас в такой игре. А быть уличаемым во лжи и неприятно, и стыдно.

...Итак, Лефортово, 19 декабря 1972 года. По делу П. Якира меня допрашивает следователь Каталиков. Спустя четверть века я не могу, разумеется, в точности перечислить все заданные мне вопросы. Но сущность своих ответов я помню достаточно хорошо.

— Да, с Петром Якиром я знаком.

— Нет, ни о какой его антисоветской деятельности я не знаю.

— Такой-то документ? Да, я читал и даже подписывал его.

— Кто еще его подписывал? Была ли под ним подпись Якира? Я не стану давать показания о действиях других лиц, поскольку они не нарушали закон.

— Кто составлял документ? Обстоятельства его подписания? Отказываюсь отвечать. Документ этот не криминальный и не может являться предметом уголовного расследования.

— «Хроника»? Да, я знаком со многими ее номерами. Этот бюллетень не содержит клеветы, а рассказывает о реальных фактах преследований за убеждения в нашей стране.

— Каким образом я знакомился с «Хроникой»? Отказываюсь отвечать по изложенным выше причинам.

И далее в том же духе. Я говорил правду и только правду. Или отказывался отвечать. И все время внимательно следил за точностью изложения моих ответов в протоколе.

Я не избегал разговоров со следователем. В этой непротокольной части я неизменно подчеркивал, что самая жесткая критика конкретных действий властей не является преступлением и преследования за нее — противозаконны.

В какой-то момент (уж не касалось ли дело оценки «Хроники»?) Каталиков спросил меня: «А не хотите ли посмотреть, что говорит по этому поводу Якир?»

Вероятно, это был критический момент. Прояви я любопытство, пожелай познакомиться с показаниями Петра Ионовича, — быть может, логика событий привела бы к нашей встрече с ним на очной ставке.

Но я спокойно ответил: «Зачем? У Якира могут быть одни мнения, а у меня другие».

Так произошла первая моя «невстреча» с Петром Ионовичем, и об этом я ничуть не жалею.

Семичасовой допрос и мое педанство, наверное, измучили Каталикова. Напоследок он пообещал, что мы с ним еще непременно увидимся. И с тем отпустил меня восвояси.

А мне, как ни покажется это странным, было легко на душе. И осталось ощущение хорошо выполненной работы.

О процессе «раскаившихся» Якира и Красина и о последовавших за ним событиях я уже рассказывал читателю. Я не приходил к суду, где слушалось дело Петра

Ионовича. Это была моя вторая «невстреча» с ним. Впрочем, почти никого из его бывших сотоварищей не было у здания суда. В числе немногих пришедших была Т. С. Здорович.

После возвращения Якира из рязанской ссылки мы, случалось, мельком виделись, когда я заходил на «Автозавод», где жили теперь его дочь Ира со своей матерью, мужем и внучкой Петра Ионовича. Я справлялся о его здоровье. Здоровье было неважным — у Петра Ионовича развивался цирроз печени и начались связанные с ним пищеводные кровотечения. Как-то я услышал, что Якир лежит в клинике на улице Россолимо, и решил его навесить. Я увидел Петра Ионовича стоящим у самых ворот больницы, подошел и поговорил с ним несколько минут. Я не знал, что встречаюсь с Петром Ионовичем в последний раз.

О его смерти в ноябре 1982 года я узнал из письма моего друга, а его зятя, Ю. Кима. Я непременно пришел бы проститься с Петром Ионовичем, да только тогда я не был волен в себе. Я как раз досиживал свой срок в Омском лагере. Так судьба распорядилась о нашей последней «невстрече». А мне вдруг вспомнилось то мое последнее посещение Петра Ионовича возле клиники на улице Россолимо. И жалкий бумажный кулечек вишен, который я ему тогда принес...

После опубликования моей книжечки мне довелось слышать о ней разные отзывы. Некоторые читатели, главным образом «сидельцы» сталинских времен, упрекали меня за чрезмерную — с их точки зрения — снисходительность к Якиру и чуть ли ни за прославление этого «provokatora и предателя». Но я ни к кому не снисхожу и никого не прославляю. Я просто рассказываю то, что помню.

А суровым судьям я бы все-таки посоветовал: не судите... Что же до меня, то я благодарен судьбе за то, что она свела меня со многими замечательными людьми, героями и мучениками отечественного Сопротивления. И я не забуду, что впервые в этот круг я вошел на «Автозаводе», в доме Петра Ионовича.

...Похоронен Петр Якир на Немецком кладбище в Москве возле могилы своей матери.

Анатолий Якобсон

Трагичной и гибельной оказалась судьба Анатолия Александровича Якобсона (мы, друзья, звали его просто Тошей). Его не сажали в лагерь, не запикивали в советские «психушки». Только дважды (или трижды) у него делали обыск да несколько раз допрашивали. Но на его счету — составление ряда документов ИГ, подписание многих других правозащитных писем и обращений (за это он был, разумеется, «отставлен» от любимой педагогической работы в школе). А главное — после ареста Н. Горбаневской в течение трех лет именно он редактировал «Хронику». И выпустил 16 ее номеров, за каждый из которых мог поплатиться свободой. Урывками он сумел написать блистательную книгу о А. Блоке «Конец трагедии», за которую был избран за рубежом членом Пен-клуба. И за которую дома вполне мог получить срок по 70-й статье. Мудрено ли, что он жил в постоянном напряжении, в ожидании ареста, а весь свой последний год в Советском Союзе находился буквально на волосок от него.

Обстоятельства подсказывали — надо уезжать. Ох, как наш Тоша не хотел этого! Ибо всеми духовными корнями он был связан с Россией и с русской словесностью. Поэзия «серебряного века» в особенности была его коньком. С А. Ахматовой он был знаком лично, и Анне Андре-

евне нравилось посвященное ей Тошино стихотворение. Лидия Корнеевна Чуковская, Юлий Даниэль, Давид Самойлов и многие другие ценили Тошин талант и дарили его своей дружбой.

А обстоятельства подстегивали: Красин и Якир дали на Якобсона обширные показания. КГБ предупредил, что в случае выхода следующего, 28-го номера «Хроники», Якобсон будет немедленно арестован. По «делу №24» его уже не раз вызывали на допросы. Пока — свидетелем.

Но друзьям грозит та же опасность, а они остаются. Может ли он покинуть их в беде? И Тоша все оттягивал окончательное решение.

А обстоятельства торопили: сейчас — или никогда. Скоро будет поздно. И все-таки документы на выезд Толя подал, беспокоясь не столько за себя, сколько за будущее своего сына-подростка. Разрешение на выезд вскоре было получено. И в начале сентября 1973 года, как раз когда закончился суд над Якиром и Красиным, Толя с сыном, матерью и женой выехал в Израиль.

И тут сказалось страшное напряжение последних лет. Мы знаем сегодня: война ранит и контузит души и тех вернувшихся с нее солдат, которым не досталось ни ран, ни контузий. Кажется, они уцелели, спаслись. Но вдруг срабатывает в их мозгу какой-то дьявольский механизм — и они спиваются, сходят с ума, кончают с собой. А мы разводим руками и говорим: «афганский синдром», «чеченский синдром».

Нечто подобное произошло и с Тошей. Когда исчезло разрушительное внешнее давление, исчезла и необходимость быть напряженно собранным, настроенным на суровые испытания, готовым к борьбе. Тоша впал в тяжелую депрессию, не мог писать, не мог работать. Тоска по России и оставленным друзьям трансформировалась в постоянную, непереносимую боль, когда смерть видится единственным выходом. «Уезжая, я чужал, что совершаю почти самоубийство», — писал он Ю. Даниэлю. Оказалось, что без всяких «почти».

Депрессия привела Якобсона в больницу. Но лечение приносило лишь временное облегчение. Когда болезнь отступала, он снова брался за работу. В Израиле Якобсоном написаны 3 статьи о Б. Пастернаке, начата большая работа о М. Цветаевой. Но депрессии наваливались на него снова и снова. 28 сентября 1978 года адская машина в его мозгу все-таки сработала, и Тоша покончил с собой. Ему было всего 43 года.

Не стану гадать, как сложилась бы Толина судьба, если бы он не уехал из России. Что толку в подобных гаданиях?! Уже два десятилетия как нет на свете нашего Тоши. Но пока живы его друзья, будет жива и память о нем. А частицы его щедрой и жертвенной души разбросаны на страницах его книг.

И я бы хотел — если когда-нибудь мне доведется побывать в Израиле — сходить в Иерусалиме на кладбище на Масличной горе и навесить там могилу моего друга...

Анатолий Якобсон

Юрий Штейн

Мне осталось сказать несколько слов о Юрии Генриховиче Штейне. Год рождения — 1926-й. Профессия — кинорежиссер. В первых документах ИГ он в числе «поддержавших». Но начиная с ноября 1971 года фамилия Штейна переходит в список членов ИГ. Его имя в этом качестве значится под четырьмя документами группы. Весной 1972 года Ю. Штейн эмигрировал на Запад.

Впрочем, порой одна только поддержка документов ИГ могла дорого обойтись людям. И было бы несправедливо с моей стороны не назвать тех из «поддержавших», кто пострадал за это. Вот несколько имен (и это еще не полный перечень).

Гершуни Владимир Львович, 1930 года рождения. Узник сталинских лагерей, упомянутый в третьем томе солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». В. Гершуни был арестован 18 октября 1969 года, признан невменяемым, находился в Орловской спецпсихбольнице, освобожден в октябре 1974-го. Еще раз помещался в спецпсихбольницу в 1982-1987 годах. Умер в 1995 году.

Левин Аркадий Зиновьевич, Пономарев Владимир Владимирович (оба 1933 года рождения). **Недобора Владислав Григорьевич**, 1938 года рождения. Харьковские инженеры, знакомые Г. Алтуняна. Все они были арестованы в конце 1969 года и приговорены — каждый — к трем годам лагеря общего режима. Главным пунктом обвинения было подписание ими первого Обращения ИГ в ООН.

Документы ИГ

— Да, — быть может, возразит мне иной читатель, — членам ИГ, действительно, досталось не слабо. Но ведь они выступали как противники существовавшего тогда в СССР политического строя. Как враги коммунистической идеологии, попросту — как антисоветчики. Они встречались с иностранными корреспондентами и передавали им свои заявления и письма, а это тогда было запрещено законом. Конечно, они поступали так из высоких побуждений, и по-человечески их жаль. Но можно понять и власти. Государство вправе защищаться.

Рассуждения подобного рода не новость. Такую смесь осудительности с каплей показного сочувствия доводилось слышать и в те, минувшие времена. Но какова бы ни была ее подоплека, эта точка зрения является, в сущности, нагромождением бродячих предрассудков и устоявшихся заблуждений. Начать с того, что не существовало закона, запрещающего частным лицам встречаться с иностранцами и даже передавать им свои заявления и письма. Это, действительно, шло совершенно вразрез с тогдашними обычаями, но не с писаным законом. А потому не должно было преследоваться уголовно. Существовал подобный закон — по нему и судили бы диссидентов и правозащитников. И не потребовались бы тогда фальсифицированные обвинения в «заведомо ложных измышлениях» и в «клевете на строй». Что же касается того, за что выступала и против чего боролась ИГ, то тут следует обратиться к самим документам группы.

В 1976 году в Нью-Йорке в издательстве «Хроника» вышел единственный сборник документов Инициативной группы. И хотя не все письма ИГ вошли в него, сборник дает верное представление о ее деятельности.

В ряду документов об арестах, заключениях в психбольницы и судах за отстаивание независимых убеждений особняком стоит письмо, датированное маем 1970 года. В этом заявлении, приуроченном к годовщине своего образования, группа единственный раз говорит о своих

целях и принципах, о том, «почему она действует так, а не иначе». Вот что там сказано.

Инициативная группа лишь отчасти может считаться объединением единомышленников. Но всех ее участников — «верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов — объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране».

Какие цели ставит перед собой ИГ? Не социальный переворот, не какую-то крамолу. А всего лишь — «защиту прав человека в СССР». При этом не каких-то не признанных советским государством и обществом прав. А тех, что записаны в конституции страны, что провозглашены во «Всеобщей декларации прав человека» ООН.

Способы? Разумеется, не насилие, не террор, не захват заложников, к чему так склонны экстремисты всех мастей. А слово, гласность, открытое противостояние беззакониям. Не призывала группа и к гражданскому неповиновению. «Нас объединяет намерение действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам».

Политика? «Инициативная группа не занимается политикой. Мы не предлагаем никаких позитивных решений в области государственного управления, мы говорим только: не нарушайте собственных законов».

Антисоветская, противогосударственная направленность? «ИГ не считает, что, критикуя действия властей, она выступает против государства»... «Квалификация нашей деятельности как антисоветской равносильна утверждению, что нарушения прав человека вытекают из природы советского строя».

В письме группа подчеркивает, что не считает свой образ действий — обращения в ООН — ни самым правильным, ни единственно возможным. Но — «мы пытаемся что-то сделать в условиях, когда, с нашей точки зрения, ничего не делать — нельзя».

Как коротко рассказать о документах и деятельности группы? Первые 5 писем составляют как бы единый цикл, продолжая друг друга. Все они адресованы в ООН и рассказывают о преследованиях инакомыслящих в Советском Союзе, в том числе членов ИГ и тех, кто поддержал их обращения. В письме от 17 января 1970 года помещен, вероятно, первый в правозащитных документах список — 63 фамилии тех, кто подвергся репрессиям по политическим мотивам в 1969 году.

О следующем документе — к годовщине образования группы — я уже рассказал выше. Письмо это было адресовано в Агентство печати «Новости» и в Агентство «Рейтер». Разумеется, родное советское АПН промолчало и не опубликовало письмо. И тем лишний раз подтвердило правоту утверждения ИГ: «К несчастью, нет другого способа передать гласности правонарушения, происходящие в СССР, как только сообщив о них за границу».

Итак, в течение первого года определилось лицо и принципы деятельности группы. Между тем реалии отечественной жизни давали, увы! все новые поводы для выступлений ИГ.

1971 год. «О психиатрических репрессиях в Советском Союзе»; письмо в защиту недавно осужденного А. Левитина (Краснова); Обращение к 5-му международному конгрессу психиатров; 2 письма в защиту арестованного Буковского.

1972 год. Еще одно письмо — теперь против осуждения Буковского. Заявление в связи с арестом Л. Плюща. Призыв изменить меру пресечения арестованному П. Якиру. Протест в связи с новой волной преследований за убеждения в СССР.

Убедившись, что ООН не намерено вступаться за преследуемых в СССР за убеждения людей, ИГ пробует теперь все новые адреса: письмо о злоупотреблениях психиатрией направлено международному конгрессу психиатров; обращение в защиту церковного писателя А. Левитина (Краснова) — поместному собору русской православной церкви и римскому папе; протест в связи с нарушением права на защиту В. Буковского — Генеральному прокурору СССР и Международной лиге прав человека. Но каждый раз при этом подразумевается еще один — и главный! — адресат: отечественная и мировая общественность. Не все эти письма вошли в сборник документов ИГ, некоторые лишь кратко упомянуты в «Хронике».

1973 год. Открытое письмо в защиту осужденного на психиатрическую каторгу Л. Плюща. И заявление ИГ в связи с закончившимся процессом П. Якира и В. Красина. Это письмо очень важно, и на нем мне придется остановиться подробнее.

Затевая процесс над «лидерами движения» (так же как и совпавшую с ним по времени кампанию травли А. Сахарова и А. Солженицына), власти преследовали далеко идущие цели. Сломив и принудив к капитуляции П. Якира и В. Красина, заставив их признаваться в клевете и «антисоветчине» и публично каяться, КГБ рассчитывал деморализовать и запугать своих противников, продемонстрировать всем бессмысленность сопротивления тоталитарной власти. И конечно, скомпрометировать и задуть ненавистную ИГ, по меньшей мере — заставить ее замолчать.

Могло показаться, что эта цель вот-вот будет достигнута. Преследования обескровили группу. Из пятнадцати человек ее первоначального состава «в строю» после всех потерь оставалось пятеро: Т. Великанова, С. Ковалев, А. Левитин (Краснов), Г. Подъяпольский и Т. Ходорович. Но и они поставлены в тяжелое положение. Оговоры и преследования со стороны КГБ привычны и понятны, им давно не верит общественность. Но сейчас обвинения в клеветнической деятельности ИГ подтверждают вчерашние сотоварищи. Как ответить им, чтобы возражения не выглядели кухонной склокой: мол, сам такой? Документ рождался в трудных спорах. Свой проект письма с резким осуждением П. Якира и В. Красина за трусость и предательство предложил А. Левитин (Краснов). Его поддержал Г. Подъяпольский. Их главным оппонентом выступил С. Ковалев, и его точка зрения в итоге возобладала. Что же сказано в заявлении ИГ?

Сдержанный тон, почти бесстрастная констатация: на закончившемся процессе «бывшие участники ИГ выступили с ложными заявлениями». «Трагично, что эта ложь касается также судьбы и репутации всех политических заключенных в лагерях, тюрьмах и психиатрических больницах». Группу обвиняют в клевете? «Во всех документах ИГ мы сообщаем только факты. Мы убеждены в истинности своих сообщений». И далее: «Группа принципиально воздерживалась от каких-либо политических выступлений». «Она выступала только против таких действий властей, которые считала бы недопустимыми при любом строе и при любом правительстве».

На суде возмущенно опровергалась реальность психиатрических репрессий в СССР? «Мы продолжаем утверждать, что в нашей стране психиатрия в ряде случаев используется для расправы с неугодными властям людьми». И эту «чудовищную действительность» не могут, к сожалению, отменить ни покаяния П. Якира и В. Красина, ни решения судов, ни публичные утверждения академика АМН А. Снежневского и профессора Р. Наджа-

рова (тем более, что эти профессора подписывали экспертные заключения о психической ненормальности преследовавшихся по политическим обвинениям людей, а следовательно, они «сами являются соучастниками преступления»).

Отмечая длительные сроки и недопустимые условия ведения следствия, ИГ косвенно вступает за П. Якира и В. Красина: «Мы протестуем против таких методов воздействия, которые ломают человеческую личность, вынуждают оговаривать свои деяния, деяния своих товарищей, самих себя».

Преследуемая и травимая сама, ИГ не забывает поддержать других подвергшихся травле людей: «Мы полагаем своим долгом заявить, что достойная и мужественная позиция академика А. Сахарова и писателя А. Солженицына вызывает у нас глубокое уважение».

Нас хотели запугать и принудить к молчанию? «Инициативная группа надеется и впредь предпринимать индивидуальные и коллективные усилия, направленные на расширение общепризнанных свобод, — таких, как свобода выражать и распространять мнения или, например, свобода от недобросовестных судебных обвинений».

Это письмо, датированное сентябрем 1973 года, показало, что ИГ не собирается прекращать свою деятельность. И тогда КГБ решил испробовать другой иезуитский прием. Попытаться поймать правозащитников на наживку в «гуманной» обертке. По сути, был предложен циничный торг духовной свободой — и тех, кто еще на воле, и тех, кто пытается отстаивать ее в лагерях и психушках. А именно: от не называемых лиц членам ИГ стали передаваться предложения «поручиться» за такого-то из находящихся в заключении друзей. Тогда, мол, его участь будет облегчена, быть может, даже его выпустят на свободу. «Содержание поручительства простое: и заключенный, и поручитель должны впредь молчать».

В январе 1974-го года Т. Великанова, С. Ковалев и Т. Ходорович в открытом письме рассказали об этих предложениях и высказали свое отношение к ним: «Мы поставлены перед невыносимо трудным выбором, — вымогательство рассчитано точно и жестоко (...) нельзя осудить никого, кто пошел бы на эту сделку, — такой шаг диктуется жалостью и любовью. Но пожертвовать своим духом — это самоубийство, чужим — убийство. Духовное... А тем, кто ставит нас в такое положение, мы можем сказать только одно: **нет**.

Ваши дела, ваша совесть, ваш грех — ваш ответ.

Хотите использовать заложничество? Мы вам не помощники».

После этих заявлений стало ясно, что правозащитное движение оправилось от потрясения, вызванного процессом Якира-Красина. Или почти оправилось.

«Хроника» все-таки больше не выходит. На следствии и суде этот самиздатский бюллетень не единожды был объявлен клеветническим и антисоветским. Возобновить теперь его выпуск — это даже не риск, а верный способ заработать путевку в ГУЛАГ. Без очереди и надолго. Нет, нельзя ради какой-то там свободы информации жертвовать собственной свободой.

Но существует еще долг перед узниками совести. Перед теми, кто уже брошен в лагеря и психушки за слово и независимые убеждения. И для кого гласность — последняя надежда и защита от произвола тюремщиков. Можно ли предать их, оставить одних и без поддержки во власти безжалостных душителей?!

...Причудю обстоятельств я узнал об этом в кинотеатре «Художественный». Где-то в начале мая 1974 года

мы — С. Каллистратова, Людмила — моя жена, и я — собрались посмотреть недавно вышедшую на экраны шукшинскую «Калину красную». Встретились возле билетных касс. В фойе перед началом сеанса Софья Васильевна протянула мне листок с напечатанным на машинке коротким текстом. Всего две фразы. И три подписи под ними.

«Вот и еще с тремя нашими дорогими друзьями нам скоро придется надолго расстаться». В этих словах Софьи Васильевны сквозили и горечь, и гордость. Горечь — от предвидимой насильственной разлуки. И гордость — за тех троих, кто не побоялись, решились.

А тот текст — вот он. От слова до слова:

«Не считая, вопреки неоднократным утверждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР, «Хронику текущих событий» нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению.»

Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто ею интересуется.»

Т. Великанова, С. Ковалев, Т. Ходорович.»

Формально — это даже не письмо группы (и его нет в сборнике документов ИГ). А всего лишь личное заявление трех ее членов. Только что вместе с очередными номерами «Хроники» они отдали его иностранным журналистам.

Все окончательно вернулось на свои места. Вошло в привычную колею. Каждому предстоит опять заняться своим делом: КГБ будет снова отслеживать и отлавливать инакомыслящих. Инициативная группа будет опять вступаться за жертвы произвола. А «Хроника» будет все это аккуратно запечатлевать и фиксировать, чтобы поведать современникам и потомкам.

...После суда над Якиром и Красиным прошло ровно восемь месяцев. Кризис движения был окончательно преодолен.

Вопреки всем расчетам КГБ, 1974-й год стал периодом едва ли ни наивысшей активности ИГ. Помимо упомянутых мной документов, в этом году были составлены письма в защиту: В. Некипелова, В. Хаустова; П. Григоренко, М. Джемилева, К. Любарского. И, наконец, имевший далекие последствия документ — о дне политзаключенного — 30 октября.

Идея учредить день политзаключенного родилась в Мордовских лагерях, впервые ее высказал К. Любарский. Тайными путями это предложение переправили на другие острова лагерного архипелага, сообщили о нем на волю. С тех пор ежегодно в этот день политзаключенные, оставляя свои права, держали голодовку. Одновременно оставшиеся на свободе правозащитники выступали в поддержку своих сотоварищей. Начало этой традиции — 1974 год. Именно тогда 30 октября Инициативной группой была устроена пресс-конференция. После вступительного слова А. Д. Сахарова перед журналистами выступил С. Ковалев. Он рассказал об инициативе политузников и пояснил — кто такие политзаключенные в Советском Союзе. Это не одни только правозащитники. Но и люди, преследуемые за религиозные убеждения. И те, кто добивался эмиграции или пытался бежать из СССР. И участники национальных движений. Их объединяет то, что они не совершали никаких насильственных или противоправных действий. Это сами власти преследуют их по идеологическим и политическим мотивам, — да еще и лицемерно называют — уголовниками. Поэтому первым требованием узников

совести является — признать их «политическими» и отделить от уголовных преступников.

Политузники настаивают также на отмене принудительного труда и обязательного выполнения нормы, на отмене ограничений в переписке, посылках и передачах, на полноценном медицинском обслуживании и на других подобных требованиях. Выступлением Ковалева была заявлена тема, развитая в ряде последующих документов ИГ, — о положении в тюрьмах и лагерях, о борьбе политзаключенных за свои права, честь и достоинство. Пресс-конференция получила большой резонанс, представленные на ней материалы печатались за рубежом, звучали в передачах «голосов», вещавших на Советский Союз. Власти не простили этих разоблачений. Меньше, чем через два месяца после пресс-конференции Сергей Ковалев будет арестован. Письмо в его защиту стало последним выступлением ИГ в 1974-м году.

Противостояние правозащитников тоталитарному монстру выглядело тогда (да и десятилетие спустя) совершенно безнадежным. Казалось, оно только множило число жертв. Но то, за что заплачена высокая цена, приобретает упрямую жизнестойкость. И слабый Давид побеждает порой надменного Голиафа. Кто в середине семидесятых мог даже помыслить, что всего полтора десятилетия спустя в центре Москвы, в двух шагах от той самой Лубянки будет установлен «Соловецкий камень»? Что еще через год Верховный Совет России официально признает 30 октября днем памяти жертв политических репрессий? Что будут пересмотрены и смягчены сами Российские законы, регламентирующие положение заключенных, и что эти изменения окажутся в духе тех давнишних требований правозащитников?

...Но все это произойдет в неведомом нам тогда будущем. А пока состав группы неотвратимо сокращался. Пятеро... четверо... трое... двое. Еще до ареста С. Ковалева, в сентябре 1974 года эмигрировал на Запад А. Левитин (Краснов). В марте 1976 года умер Г. Подъяпольский. И вот уже вся ИГ — только две Татьяны, Великанова и Ходорович.

В 1975-1976 годах, продолжая выступать в защиту отдельных жертв произвола (В. Буковского, В. Игрунова, М. Наричы), ИГ уделяет все большее внимание положению в лагерях. Следуют письма: о ширящихся требованиях статута политзаключенных; об избиваниях и голодовках протеста во Владимирской тюрьме; призыв к правозащитным организациям поддержать и сделать широко известным обращение матерей и жен политзаключенных.

И вот, наконец, последнее включенное в сборник документов ИГ письмо от 22 мая 1976 года — «Протест и предложение». Протест против бесчеловечного, равносильного пыткам обращения с объявившим голодовку Буковским во Владимирской тюрьме. И предложение — создать независимую международную комиссию, которая обследовала бы положение находящихся в этой тюрьме узников совести. С тем условием, чтобы советская администрация не чинила препон работе этой комиссии.

Документ подписан «полным» — на тот момент — составом ИГ: Т. Великанова, Т. Ходорович. Но дальше, кроме привычного списка «поддержавших», подписи членов «Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» — М. Ланда, А. Гинзбурга, М. Берштама. Что же это за новая группа? Московская группа «Хельсинки» родилась как раз в то время, когда силы Инициативной группы были на исходе. Во многих отношениях эта новая и энергичная общественная организация стала преемницей ИГ.

Софья Каллистратова

У МГХ своя судьба, более короткая, но не менее драматичная. В свой черед, если достанет времени и сил, я постараюсь рассказать и о ней.

В 1976 году был только один документ от имени собственно ИГ — о психиатрических репрессиях последних месяцев. Ряд других правозащитных писем (о нарушении прав национальных меньшинств, о голодовках политзаключенных 10 декабря, в день прав человека, в поддержку предложения об одновременном освобождении Буковского и Л. Корвалана, и другие) — подписаны совместно обеими группами. Большинство из них помещены в сборниках МГХ. И быть может, кто-то возразит мне, что, строго говоря, эти письма уже нельзя считать документами ИГ.

Но я и не настаиваю на этом. Я только отмечаю, что пока в подписях под правозащитными письмами люди читают: «от ИГ — Т. Великанова, Т. Ходорович», — феномен Инициативной группы продолжает существовать в общественном сознании. Когда же и под каким документом слова «Инициативная группа» были поставлены в последний раз?

В 1977 году эмигрировала во Францию Т. Ходорович. Теперь по большей части Т. Великанова подписывает правозащитные письма как частное лицо. Но не всегда. Под двумя документами МГХ за 1977 и 1978 годы упрямо значится: «от ИГ — Т. Великанова». Похоже, пока она на свободе, история ИГ так и не закончится. Но ведь это можно поправить.

30 октября 1979 года, по заведенной традиции, на квартире А. Сахарова состоялась пресс-конференция, посвященная дню политзаключенного. Великанова выступала и председательствовала на ней. Всего два дня спустя она была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму. И только теперь, схватив и «обезвредив» «последнюю из могикан» ИГ, КГБ мог быть твердо уверен, что слова «Инициативная группа» никогда не появятся больше ни под одним документом.

...«Хроника», 63-й номер. В разделе «В тюрьмах и лагерях» помещен призыв к Президиуму Верховного Совета СССР проявить гуманность и отменить последующую ссылку освобождающимся в 1982 году из Мордовского женского лагеря строгого режима 4-м пожилым женщинам с подорванным многолетним заключением здоровьем: Г. Силивончик, О. Ионович, А. Хвотковой и М. Семенов. Призыв датирован 17 ноября 1981 года. И подписан: «Великанова Т. М., член Инициативной группы защиты прав человека в СССР».

Осипова Т. С., член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР».

Итак, ИГ и МГХ объединяются и сотрудничают даже в заключении. Неведомыми путями этот документ, не пропущенный администрацией, вырвался на свободу из лагерной преисподней!

...С мая 1969 года по ноябрь 1981-го ИГ — коллективно или индивидуально, самостоятельно или в соавторстве — подписала 40 правозащитных писем. 20 из них помещены в сборнике документов ИГ, остальные приведены или упомянуты в «Хронике» или рассыпаны в Самиздате. Воз-

можно, со временем отыщется и еще несколько неизвестных мне документов группы.

Только четверых из пятнадцати участников ИГ минули годы неволи. Одиннадцати остальным досталось совокупно — тюрем, лагерей и «психушек» СОРОК ВОСЕМЬ лет. Человеческая жизнь. Пушкин прожил на 10 лет меньше. И это — не считая шестнадцати лет полуневоли — ссылки.

ИГ — это десятки обысков, десятки допросов. Долгие месяцы голодовок, ПКТ, ШИЗО. Это — 18 судов. И всего две капитуляции и два покаянных телеинтервью. Стоит привести и среднюю государственную расценку одного документа ИГ. Она «тянет» более чем на год лишения свободы.

Что же касается повествования, — уже не о самой группе, а про человеческие судьбы ее «действующих лиц», — то его никак нельзя закончить прежде, чем все они вновь обретут свободу. Вот хронология этих освобождений: М. Джемилев вышел на волю 18 декабря 1986 года; в том же декабре вернулся из ссылки в Чумикане А. Лавут; Г. Алтунына освободили 9 марта 1987 года; С. Ковалеву разрешили проживать в Москве в январе 1988 года, а в июле 1988 года вернулась из казахстанской ссылки Т. Великанова...

Вчера и сегодня

Мой рассказ об Инициативной группе подошел к концу. Но прежде чем поставить точку, я хотел бы подумать и поговорить с читателем о месте и значении ИГ в новейшей российской истории. Разобраться, чем в действительности была (а чем — не была) ИГ в судьбах нашей родины (этот вопрос, по существу, относится и ко всему правозащитному движению). Что в итоге принесла деятельность группы — отдельным людям и России в целом? Благо? Или вред? Добилась ли она — хоть однажды — чего-то реального? Или все ее выступления и обращения оказались просто пустой и бесполезной суетой, а принесенные жертвы — ненужными и бессмысленными?

Вопросы эти совсем не риторические, и на них нелегко ответить. Особенно в наши смутные и бедственные времена, когда в одночасье рухнул Советский Союз, когда поставлено под вопрос будущее и само существование России. Нам бы сохранить трезвость мысли, разобраться в подлинных причинах случившейся катастрофы, отыскать выход из тупика. Куда там! То ли по привычке, то ли по несчастному свойству нашего ума, мы каждый раз виним в постигших нас бедах не себя, а очередных коварных врагов, и нам повсюду мерещатся их козни и заговоры.

На реформаторов — начиная с М. Горбачева — принято вешать всех собак. Это они развалили СССР. Разворовали, разорили и довели до ручки великую страну. Развратили ее духовно. И уж конечно, сделали это по плану и по заданию ЦРУ и мирового сионизма. А если заглянуть поглубже... разве не диссиденты заложили ту «мину замедленного действия», на которой и подорвался СССР в 1991-м году?

Каким потерянными раем, каким светлым царством социальной справедливости и братства народов видится в ностальгических снах «единый, могучий Советский Союз» нашим кумачовым патриотам! Как скорбят они о потере «великих завоеваний Октября»! Ненависть и жажда мщения застят им глаза, и они не видят, что оплакивают — МИФ, что ни рая, ни «великих завоеваний», ни подлинной дружбы народов в СССР просто не было. Не понимают они и того, что последний смертельный удар Советскому Союзу нанесли именно «патриоты-заединчики», затеявшие

преступный и глупый ГКЧП-истский переворот буквально накануне назначенного подписания нового союзного договора. Этот договор, вероятно, не спас бы СССР, но он мог бы продлить на несколько лет его существование. А проливаемые нашими «патриотами» Беловежские соглашения... они всего лишь удостоверили на бумаге, что СССР действительно скончался.

Обвинения в развале СССР бессмысленны уже потому, что Советская империя была смертельно больна и обречена исторически. Она развалилась бы все равно — и без борьбы диссидентов за идеи права и свободы, и без неуклюжих попыток запоздалых реформ, и даже без медвежьих услуг «патриотов-державников». Вероятно, кто-то не согласится со мной и скажет, что, напротив, распад СССР не был закономерным и, тем более, неизбежным. Что он грянул как гром среди ясного неба, что еще за 5 лет до краха СССР никто не решился бы ни предсказать, ни даже вообразить такого. Последнее утверждение я могу решительно опровергнуть. Вот что писал весной 1969 года, — за двадцать два года до распада СССР, Андрей Амальрик, наш соотечественник, 30-летний историк, публицист и литератор: *«Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя (...) вступила в последние десятилетия своего существования»*. Поясняя, почему он так думает, Амальрик приводил следующий вероятный сценарий:

СССР, ослабленный подспудным сепаратизмом республик, с его хронически большой экономикой, втягивается в военный конфликт с Китаем. Когда Советский Союз увязнет в этой войне, начнется отпадение и десоветизация его восточноевропейских сателлитов, произойдет воссоединение Германии. В условиях нарастающего развала экономики и усиливающегося национализма на местах любой резкий толчок приведет к внезапному краху империи.

Все произошло по писаному. Амальрик допустил лишь ничтожную — в масштабах истории — погрешность в сроках, — СССР продержался на 7 лет дольше предсказанной в статье даты его вероятной гибели. Ошибся автор и в другом. Не крупномасштабный конфликт с миллиардным Китаем, а всего лишь «ограниченная» экспедиция в Афганистан, обернувшаяся затяжной войной, оказалась роковой для Советского Союза. Неудачная и непопулярная, эта война подорвала дух и экономику страны и привела ее к окончательному распаду.

Статью «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрик опубликовал за рубежом под собственным именем. В древности восточные деспоты казнили гонца, привезшего им черную вест. Так и наши власти в бессмысленной злобе упекли автора неприятных прогнозов в лагерь, где он едва не умер от менингита. Через год после освобождения ему пришлось эмигрировать на Запад. А в 1980 году, 42 лет от роду, Амальрик погиб в авткатастрофе, так и не увидев, как поразительно точно сбудется его предсказание.

Что может быть нелепей раздающихся сегодня призывов восстановить советскую власть?! Как будто эта власть у нас когда-то существовала! Как будто не общеизвестно: все Советы — от местного до верховного — изначально были зависимы и безвластны. Они были только декорацией, маскирующей подлинную власть, — всеобъемлющую тоталитарную власть клана партийной номенклатуры.

Мне представляются попросту смешными обиды наших «патриотов-державников» на «измену и неблагодарность» отпавших от России союзных республик. В этих

обидях — поразительная смесь наивности и невежества, младенческой веры в пропагандистские штампы с нежеланием знать «неудобные» исторические факты. Как будто не было ни разбойного захвата нами стран Прибалтики в 1940 году, ни последующего превентивного массового террора, ни гибельной высылки на Крайний Север и в Сибирь цвета прибалтийских наций — многих десятков тысяч «буржуев» и неблагонадежных интеллигентов. КГБ без срока давности отлавливал и карал «лесных братьев» и ОУН-овцев, — всех тех, кто в первые послевоенные годы пытался с оружием в руках сопротивляться оккупантам и бороться за свободу своей родины. Государственным преступлением признавалось и мирное выступление за независимость, — хотя право союзных республик на свободный выход из СССР было записано в нашей конституции. Судили и сажали даже тех, кто отстаивал всего-навсего культурную автономию или выступал против насильственной русификации.

А наказанные и сосланные народы? Это сталинское изуверство, боюсь, еще не раз аукнется нам. Потому что рано или поздно придется платить по счетам. Мы не вправе забывать и о том, что советизация как Закавказья, так и Средней Азии в 1918-21 годах не была народным волеизъявлением. Она осуществлялась штыками Красной Армии и являлась, фактически, завоеванием.

А травля «безродных космополитов»? А потаенный расстрельный процесс Еврейского антифашистского комитета, о котором свыше трех десятилетий молчала советская печать? А «дело врачей»? А государственный антисемитизм, лицемерно именованный «борьбой с сионизмом»?

И все это насилие кощунственно называлось «нерушимым братством советских народов». Вот истоки нынешней подозрительности, недоброжелательства, а порой и ненависти к России в отделившихся республиках. Мы пожинаем то, что посеяли. А пытался ли хоть кто-то в свое время сказать правду о подлинной сути советского «братства народов»? Да, пытался. Например, Ю. Даниэль. В 1960-61 гг. им была написана повесть «Говорит Москва». В ее последней главе в числе прочего рассказывается, как прошел в братских республиках — фантастическое допущение! — «день открытых убийств». Как многое угадал Даниэль! Там есть и про Прибалтику, и про Среднюю Азию, и про Кавказ. Там есть даже вошедшее четверть века спустя в наше сознание слово «Карабах». И что же? Автору дали пять лет, а в России повесть впервые была напечатана почти 30 лет спустя. Зато нам крутили лихую советский боевик «Белое солнце пустыни», где талантливые актеры талантливо вешали нам на уши лапшу о нашей самоотверженной интернациональной «помощи» трудящимся-мусульманам в гражданскую войну...

Имперская психология, увы! не стала для нас прошлым. Она и сегодня отравляет нас своим ядом, приводя к душевной порче русского народа. Именно отсюда берет начало русский нацизм и шовинизм. Свежий пример: бесноватый, лихо матерящийся марзматики в генеральских погонах срывает аплодисменты толпы погромными призывами. А нашей Думе, нашей умнице-Думе недостает ни духу, ни ума призвать к ответственности зарвавшегося бандита. Мне стыдно, что в моей стране может происходить такое.

Обличители диссидентства повторяют сегодня штампы советской юстиции. Тогда суды, послушно приравнявая защиту жертв произвола и требования соблюдать законность к подрыву советского строя, сурово преследовали правозащитников. Ныне идеологи «державности»

объявляют диссидентов, по меньшей мере, морально ответственными за распад СССР. И точно так же не утруждают себя доказательствами. Любопытно, что высказывалась и противоположная точка зрения, упрекавшая диссидентов в недостаточно радикальном противостоянии режиму, расценивавшая призывы соблюдать существующие законы коллаборационистскими и едва ли ни рабскими. Так, знаменитый автор «Архипелага ГУЛАГ» с презрительным сарказмом писал о подобных требованиях правозащитников в 1982 году из Вермонта (к этому времени все оставшиеся в СССР члены ИГ уже потеряли свободу): «...они согласны были и на эту власть, и на эту конституцию, только бы она «честно выполнялась». Это не один только прием у них был — «соблюдайте ваши законы!»

Не касаясь справедливости солженицынских оценок, могу подтвердить, что в одном он совершенно прав: требование соблюдать писанные законы не было у правозащитников «приемом», а являлось одним из основополагающих и выстраданных принципов. Правозащита и призывы к соблюдению законности по определению не могут быть деструктивными и антигосударственными. Если, разумеется, само государство не зиждется на тотальном попрании собственных законов. Нет, решительно заблуждаются те, кто хотел бы числить правозащитников в ряду ниспровергателей коммунистического режима и разрушителей советской империи. Сами участники движения никогда не претендовали на эту сомнительную честь.

Но тогда — в чем смысл и значение движения за права человека и одного из его первопроходцев — Инициативной группы? Быть может, вмешательство и заступничество ИГ спасло многих от лагерей и «психушек»? Увы, это не так. Вот простейшие подсчеты. В документах ИГ я нашел 169 имен, в чью поддержку или защиту выступала группа. И что же? Лишь трем-четырем из них вмешательство ИГ, возможно, как-то облегчило участь. После множества отечественных и зарубежных петиций и протестов, начало которым положили обращения ИГ, власти освободили П. Григоренко, обменяли на Корвалана Буковского, прекратили дело и выпустили в очередной раз арестованного бывшего политзека и писателя 65-летнего М. Наричу да дали лагерный срок (вместо бессрочного заточения в «психушку») В. Некипелову. Вот, пожалуй, и все. Если же при этом учесть тюремные и психиатрические сроки самих членов ИГ (а ведь за освобождение, к примеру, Л. Плюща тоже пришлось долго сражаться), — баланс выйдет и вовсе отрицательным.

Так неужели создание ИГ оказалось трагической ошибкой, ее борьба за «права человека» ненужной, а весь ее скорбный путь бессмысленным и бесплодным? Напротив, я убежден, что подвиг ИГ трудно переоценить. Только его последствия не поддаются арифметическому исчислению, его плоды становятся видимыми лишь годы и годы спустя, и искать их надо не столько в сфере действий и свершений, сколько в неуловимой и тонкой области духа.

Возникновение и правозащитная деятельность ИГ медленно, но неуклонно меняли атмосферу в нашей стране. Ее документы ставили людей перед нравственным выбором: остаться ли в стороне, прикинувшись слепым и глухим, — или с риском для себя вступить за гонимых.

Пример ИГ престоерегал: сопротивление произволу может обойтись человеку очень дорого. Но тот же пример доказывал: такое противостояние — в человеческих возможностях.

И возникала цепная реакция Добра, — находились все новые люди, преодолевавшие десятилетиями приви-

ваемый нам страх, распрямлявшиеся и открыто выступавшие в чью-то защиту. И рождалось небывалое до той поры в Советском Союзе явление — независимое общественное мнение. Какой электронный калькулятор подсчитает последствия этого?!

Конечно, ни призывы ИГ, ни общественное мнение никого не могли спасти от расправы. Но правозащитные воззвания спасали узников совести от безвестности. О их судьбах начинали писать иностранные газеты, рассказывать зарубежные радио- и телепередачи.

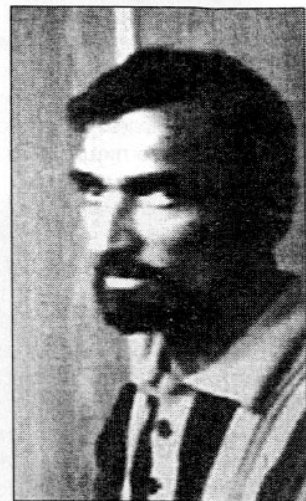
И вот уже на Западе создаются Комитеты в их защиту, их имена звучат не только на пресс-конференциях и на митингах, но и из уст президентов и премьеров. Я не берусь объяснить читателю, что значит для политзаключенного сознание, что он не одинок, что о нем помнят, что за его освобождение борются. Чтобы понять это вполне, надо, наверное, самому побывать за решеткой.

Инициативная группа и возобновленная «Хроника» становились гарантом того, что любой арест за слово и убеждения, каждый случай произвола обязательно станут широко известны и вызовут открытый протест. И это, по-видимому, все-таки умеряло порой репрессивную прыть Комитета госбезопасности. Ведь доблестные чекисты привыкли душить свои жертвы в тишине и безгласности. И им делалось неудобно, когда ИГ и «Хроника» высвечивали перед целым миром их «подвиги». Так, обжегшись на процессе Синявского и Даниэля, советские власти в дальнейшем — за немногими исключениями — остерегались сажать авторов за публикацию своих произведений на Западе. Нет, не были правозащитные призывы ИГ ничемным толчением воды в ступе, бесполезным для тех, кого группа стремилась защитить, и опасным для самих защитников.

Но если б даже группа не принесла никакой видимой пользы, нравственный пример обществу и отважное заступничество за жертв беззаконий, — разве этого мало, чтобы посчитать деятельность ИГ осмысленной и оправданной, а ее судьбу — достойной уважения и состоявшейся?

Но история ИГ не исчерпывается историей собственно Инициативной группы. Потому что она имела продолжение и преемственность. ИГ стала первой в Советском Союзе независимой общественной ассоциацией. И созданный тем самым прецедент не пропал втуне. Спустя год возник сахаровский «Комитет прав человека», в 1976 году — Московская группа «Хельсинки» (МХГ). А вслед за ними: «Христианский комитет защиты прав верующих» (1976 г.), «Инициативная группа защиты прав инвалидов» (1978 г.) и ряд других отечественных групп и организаций.

Да и только ли отечественных? С большой долей вероятности можно предположить, что опыт ИГ и МГХ учитывался чехословацкими правозащитниками при создании ими «Хартии-77». А образование МГХ послужило толчком к возникновению международного Хельсинкского движения.

Юрий Гримм

Судьбы этих групп схожи с судьбой ИГ. Ни одна из них не нарушала закона, ни одна не стремилась свергнуть режим, — и все они свирепо преследовались властями. Почему? Не происходило ли это по недоразумению? Зачем было сажать в тюрьму людей, исповедующих эволюцию, а не революцию, отвергающих насилие и настаивающих на соблюдении существующих законов? И все-таки, думаю, эти гонения нельзя назвать ошибкой. Режим верно чуял смертельную опасность в любом неподконтрольном объединении. Только дело тут было не в подрывном характере возникших групп, а в коренном свойстве тоталитаризма. Он просто не может мириться с существованием ничего независимого — ни мыслей, ни людей, ни организаций. Провозгласив: «Кто не с нами — тот против нас!» большевики сами сделали своими врагами всех, кто не готов, отказавшись от собственного разума, беспрекословно следовать любым руководящим указаниям.

Объявив войну всему свободному и живому, большевизм по сути еще в 17-м году сам подписал свой смертный приговор. Но его исполнение — в назидание и наказание всем нам! — было отсрочено историей почти на три четверти века.

Два лика России

Так к чему же мы пришли сегодня? И что может ожидать Россию в будущем?

Когда прежде было такое? Замерзающие без топлива города. Шахтеры, учителя, медики, по много месяцев не получающие зарплату. Блокада железных дорог и голодовки с требованием выплатить и вернуть людям их кровные. Отключение электричества. Падающий рубль и взлетающие под облака цены. Нищие и беженцы на каждом шагу. Стаи фашиствующих молодчиков на улицах. Стрельба, взрывы и кровь, — уже не только в горячих приграничных окраинах, но и в центральной России, и в обеих столицах. Криминальные «авторитеты», рвущиеся во власть...

Все это ужасно, но и с худшими бедами люди справлялись сообща. Да только наше общество глубоко расколото. И люди из противоположных станов видят друг в друге не соотечественников, а смертельных врагов. В то время как одни хотят убрать из мавзолея мумию Ленина, другие требуют восстановить на Лубянке памятник основателю ЧК, садиству и палачу Дзержинскому. Гражданская война идей уже вовсю полыхает в России. И кабы только идей! Нет, в этой войне гибнут живые люди. Стреляют, взрывают, зарубают топором, убивают ножом священников и монахов, банкиров и бизнесменов, журналистов и телевизионщиков, ветеранов Афганистана и Чечни. Не говорю уже о жертвах мафиозных разборок и о попавших под случайную пулю рядовых согражданах. Мы отвыкли удивляться этому. Каждый раз после громкого преступления мы слышим от высших чинов милиции и ФСБ: «Дело взято на контроль», «Привлечены лучшие криминалисты», «Убийцы будут пойманы и наказаны». И знаем: преступников опять не найдут. Не могут? А может, не хотят?

А отстрел ширится, достает уже до властных и государственных структур и грозит перейти в неприкрытый политический террор. Убивают прокуроров, судей, Петербургского вице-губернатора, депутатов Думы. И вот уже рука наемного убийцы по чьей-то указке расстреливает женщину-депутата, чьи взгляды и слова пришлись не по нраву ее политическим противникам. Это ли не предел подлости и морального падения?

Есть ли спасение от поразивших нашу страну неслыханных бедствий? Или это предвестие окончательного распада и гибели России? Безжалостный рассудок подсказывает: надежды почти нет. Летальный исход представляется неизбежным. Но сердце не мирится с таким приговором. И обращаясь к истории, я вот что прошу принять во внимание: Россию уже хоронили. И не один раз. Но она превозмогла и татарское иго, когда, поверженная, разграбленная и выжженная, сделалась навеки, как тогда казалось, вассалом Золотой Орды. Восстала после междоусобиц «смутного времени». Ее не онемечила тяжелая петровская дубинка. И вновь поверженная ударом большевиков в спину, со смехом и гоготаньем распятая ленинской шайкой, она выжила и на кресте. Ее не домучила даже кровавая сталинщина. Так неужели Россия не воскреснет теперь, преодолев 70 лет большевистского ГУЛАГа и стоя уже на пороге воли?!

В чем тайна ее неизменного возрождения? Для «патриотов» известного пошиба тут все ясно: Русь — это третий Рим; мы, православные, — новоизбранный народ; Россия — добрый воин, уже не раз спасавший Европу; и которому назначено спасти человечество в будущем веке; наш Бог не допустит гибели Святой Руси.

Подобное самовозвеличивание и рекламирование собственной «святости» представляется мне пошлым и отвратительным. Оно не только вопиюще нескромно, не только отвергает православие в соблазн мессианства и гордыни. Оно поражает своей фальшью и лицемерием. Праведники и подвижники не кричат о своей святости. Им свойственно, напротив, ощущать себя последними грешниками. А уж попытка «приватизировать» Бога («русский Бог») — это подлинное святотатство.

Но не согласен я и с теми, кто твердит о безнадежности и обреченности «этой страны», о врожденной русской агрессивности и о постоянной угрозе России всему миру. Мы не воинственной и не жестоке других. А испытания великодержавностью безупречно не выдерживал, кажется, ни один народ. Как знать, окажись в имперской роли утеснявшиеся нами малочисленные народы, — не сотворили бы и они схожих — а то и худших — несправедливостей?

Пусть я не знаю, как нам выбраться из сегодняшней общероссийской беды. Пусть я не вижу, где выход из тупика. Пусть нет у меня верных рецептов — «как нам обустроить Россию».

Неразрешимые сегодня, эти проблемы со временем непременно разрешат наши потомки. И я не приемлю горестный приговор, гласящий, что мы, русские, безнадежный, потерянный, позабытый Богом народ, что Россия — страшно вымолвить! — всего лишь ошибка, брак творения, гиблое, проклятое место.

И все-таки, что такое Россия? Почему в отношении нашей страны сталкиваются столь полярные суждения и оценки? Дело, по-моему, в том, что существуют два лика России. Две ее ипостаси — темная и светлая. Они в вечном раздоре и борются друг с другом. И ни одна не способна одержать окончательную победу.

Есть Россия злобная, жестокая, вороватая и невежественная. Страна лодырей, пьяниц и хамов. Россия стукачей и предателей, насильников и палачей. Невменяемая и неуправляемая, опасная для соседей и сама себя истребляющая страна. Выродки и убийцы, терзающие народ, и толпа, прославляющая своих мучителей, — да заслуживает ли страна, где происходит такое, чего-то, кроме ненависти и презрения?!

А. Левин, Г. Алтунян, П. Григоренко, В. Недобора, В. Пономарев.

Но была и есть другая Россия. С доброй, отважной и отзывчивой душой. Страна совестливых, талантливых и трудолюбивых людей, подвижников и праведников. Юнкеров и офицеров, сложивших головы, но не изменивших присяге. Священников и простых прихожан, исповедовавших свою веру и под дулами пистолетов. Детей, не отрекшихся от объявленных «врагами народа» родителей. Солдат с учебными винтовками и необученных ополченцев, заслонивших собой родину от гитлеровских полчищ. Матрен и Иванов Денисовичей, на своем горбу вытаскивавших Россию из послевоенной разрухи. Какая другая страна могла бы назвать столько новомучеников?

Но может, сталинщина окончательно перемолола и извела все доброе на Руси — честь, совесть и свободолюбие? Может, больше нет среди нас героев, достойных служить для всех нравственным примером? Они есть, просто мы не научились благодарно помнить о людях, годами и десятилетиями противостоявших тирании, без чьих усилий и жертв тоталитаризм не рухнул бы так неожиданно легко, как высохшее дерево. И таких людей совсем не мало.

Андрей Сахаров да Александр Солженицын, пожалуй, только эти два имени пользуются широкой — и заслуженной! — известностью. Но были еще тысячи наших соотечественников, открыто выступавших против беззаконий, и сотни протестантов пошли за это в тюрьмы и лагеря, и были среди них те, кто, как Анатолий Марченко, не вышли оттуда.

Кто-то, быть может, знает имя диссидентки и «демонстрантки за Чехословакию» Ларисы Богораз. Но кто вспомнит, что тогда пятеро мужчин и две женщины развернули — «за вашу и нашу свободу» — свои плакаты на Красной площади? И кто назовет сейчас их имена?

Многие ли знают сегодня о гражданских подвигах генерала Григоренко или адвоката Софьи Каллистратовой? А они были бы славой и гордостью любого народа.

Кто хотя бы слышал имя Вазифа Мейланова? Этот 40-летний математик в январе 80-го года — один! — вышел на площадь в Махачкале с плакатом в защиту сосланного в Горький Сахарова. Четверть часа этого стояния стоили ему семи лет «строгача». В то время как наша славная Академия наук обессмертила себя тем, что ни разу — во всяком случае, публично — не вступилась за сосланного коллегу.

Вправе ли я хотя бы не упомянуть про «живое кольцо», — о людях, в августе 1991 года голыми руками оградивших Россию от коммунистического реванша? И разве не из того же ряда — Инициативная группа? Нет, не оскудевает наша земля добрыми и отважными людьми! И если истинно библейское обетование, что будут пощажены город и место ради десяти праведников, — нам нечего опасаться за Россию. Потому что самоотверженные праведники, чьими подвигами искупаются грехи ее черной ипостаси, никогда в ней не переведутся. И в этом, я думаю, тайна того, почему Россию донныне хранит Провидение.

Так происходит в большом, так повторяется в малом. Возникшая первой, Инициативная группа существовала поразительно долго, дольше всех других, созданных в советские времена по ее образу и подобию. Вопреки всем ударам, она не была сломлена и ушла непобежденной. Она лишь истаяла, как река в пустыне, и, разделившись на ручейки, спряталась в песок. Она оста-

вила после себя наследников и продолжателей. И кто предскажет, какие дальние плоды прорастают еще от этого родника? А вся тайна ИГ (если уместно тут слово «тайна») состоит, я думаю, в том, что она принадлежит светлomu лику России. И потому — бессмертна в истории.

Философы утверждают, что зло — конечно, и его торжество всегда временно. Что в последнем счете сохраняется только Добро. Должно быть, мудрецы правы. И, следовательно, темный лик России способен лишь на время заслонить ее светлую ипостась. Но так хочется отыскать собственный и несомненный залог для такой уверенности. Умиравший Тургенев в 1882 году, глядя на происходящее в России, только в волшебных свойствах русского языка находил спасение от отчаянья. Да отыщет каждый свой залог надежды! Для меня таким залогом была и пребудет Инициативная группа.

Нет, не пропащие мы! И не погибнет Россия, пока не переведутся в ней смелые и честные люди, чуткие к голосу совести, отзывчивые к горю ближнего, как свои, ощущающие бедствия нашей страны. Я верю, что в трудный для России миг на какой-то — не обязательно московской — кухне сойдется по собственному почину горстка никем не уполномоченных и неизвестных мне россиян. Людей разных убеждений, профессий и возрастов, соединенных только тревогой и болью за происходящее на родине. Они соберутся — мужчины и женщины, русские и евреи, украинцы и полукровки, армяне, белорусы, татары, одним словом, Рассея, «всяк сущий в ней язык». И под дым сигарет будут полночи спорить, предлагать, отвергать и снова предлагать. Они поймут, что ответственны за судьбы страны и что «ничего не делать — нельзя».

И что-то решат. И решатся. И напишут. И выступят.

И, быть может, как когда-то мое, чье-то молодое сердце вздрогнет, прочитав под незнакомым обращением слова: «Инициативная Группа».

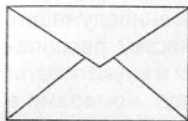
1997-98 гг.

Москва

В публикации использованы фотографии из книг:

Л. Алексеева. История инакомыслия в СССР: Новейший период. — Вильнюс-Москва: Весть 1992;

П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. — М.: Звенья, 1997

Уважаемая редакция!

В «Карте» N 12, анализируя отклики на публикацию карты-схемы ГУЛАГа (С. Романов, «Карта ГУЛАГа — обзор почты», стр. 33), автор приводит в каче-

стве примера «достоверности» архивных документов НКВД схемы кладбища лаготделения N 3 (лагерь N 178-454) возле дер. Криуша Рязанской области. Действительно, эти документы были составлены столь безответственно, что в их ориентировке относительно сторон света даже Север перепутан с Югом. Естественно, что, когда члены рязанского «Мемориала» (и я в том числе) начали работать с ними на местности, найти ничего не удалось. К сожалению, как выяснилось из практики поисков, нельзя возлагать слишком большие надежды и на свидетельские показания жителей окрестных населенных пунктов. Несмотря на утверждения, что они являлись очевидцами появления кладбища и не раз бывали на нем в разные периоды времени, 100% свидетелей не смогли указать его точное расположение на местности, в данном случае, в сосновых лесных посадках 50-летнего возраста. Однако, благодаря их указаниям, удалось оконтурить на карте участок, где кладбище могло находиться с высокой степенью вероятности. Неоднократные обследования этой территории в конце концов привели к положительному результату. Хочу сообщить, что 9-го мая 1998 года кладбище лаготделения N 3 было найдено. Успех принесла тщательная, я бы даже сказал, скрупулезная поисковая работа по исследованию микрорельефа на местности, в сочетании с шурфовкой всех подозрительных мест.

Подводя итоги и анализируя опыт поисковой работы рязанских мемориальцев, хочу отметить следующие моменты:

1) Несмотря на неполноту, неточности, искажения, а порой и ложную информацию, для успешных поисков необходимо иметь базовый архивный документ. Например, в данном конкретном случае нам очень помогло зафиксированное на схеме количество могил (13 шт.), которое позволило однозначно идентифицировать кладбище.

2) Поиски проходят гораздо плодотворнее, если имеются топографические карты надлежащих участков в масштабе не менее 1:200000 (1см-2км), а еще лучше 1:100000 (1см-1км) и все более крупные номенклатуры, вплоть до планов (1см-100м). Такие карты и планы есть в региональных геологических управлениях, водно-мелиоративных хозяйствах, аэрофотосъемочных и лесоустроительных экспедициях.

3) Опрос местного населения необходим обязательно! В подавляющем большинстве случаев имеет место расширение круга информации, как по конкретному вопросу, так и мемориальной тематике вообще. (Последнее может вывести на новые поисковые объекты). Лучшими информантами из всех категорий населения все-таки являются работники лесного хозяйства всех уровней.

4) Лучшее время поисков в средней полосе России — конец апреля, начало мая (несмотря на комаров!). Когда сходит снег и подсыхают низкие места, сухая прошлогодняя трава идеально облегает микрорельефы почвы, а свежая трава еще слишком мала, чтобы исказить картину.

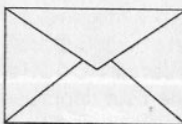
5) Шурфовку удобнее всего (если нет специальных буров и щупов) производить вдвоем (на одном шурфе), двумя лопатами: штыковой, с нормальной длиной черенка, и саперной. Результаты удачной шурфовки необходимо обязательно зафиксировать и зафиксировать фотоаппаратом. В крайнем случае — зарисовать. Обязательно

также составить кроки раскопок и найденного объекта, с привязкой к местности на карте или плане.

Резюмируя изложенное, хочу сказать кратко: только правильное сочетание информации архивной, свидетельской и, собственно, поисковой приводит к успеху.

Артур Яшин,

г. Михайлов Рязанской области

Обращение Союза «За химическую безопасность»

**к жителям России,
пострадавшим в г. Свердловске от
эпидемии «сибирской язвы» в 1979 году.**

Дорогие соотечественники!

В апреле 1979 года на Урале произошла трагедия, забыть которую мы не сможем никогда, даже несмотря на жесточайшую информационную блокаду. В городе Свердловске на секретном военно-биологическом заводе случился выброс патогенного облака биологического оружия, повлекшего за собой страшную эпидемию «сибирской язвы». Это не было «роковой случайностью». Это был эксперимент непреднамеренного испытания нового биологического оружия на живых людях, беспрецедентный в истории цивилизации. На 19-м военном городке, где работал конвейер смерти, навечно поставлена печать проклятья и людского горя. Тысячи свердловчан и служащих военных частей Чкаловского района умирали на улицах, на работе, дома, в больницах. Но смерть щадила детей, подростков, женщин и стариков. С жизнью прощались, в основном, мужчины в расцвете сил — от 18 до 55 лет. Это была не сибирская язва, как нам глали и продолжают лгать. Это была неизвестная болезнь с избирательным характером поражения людей по полу и возрасту. Лечение она не поддавалась, и человек, получавший биологический заряд, обрекался на мучительную смерть. Официально признается только 68 человек погибших. Но на самом деле только среди гражданского населения погибли сотни людей. Потери среди личного состава многочисленных воинских частей и в колонии заключенных, попавших в зону поражения, много больше.

После «биологической атаки» более 140 тысяч свердловчан получили странные прививки, после чего у них начали развиваться болезни костно-мышечных тканей, а организм интенсивно старел. Чкаловский район был единственным районом в городе, который активно вымирал с 1979 по 1989 годы, в нем умерло более 50 тысяч жителей, то есть каждый третий из вакцинированных. Смертность жителей в 1,7 раза превышала рождаемость, чего не наблюдалось в то время ни в одном районе нашей необъятной Родины. Соотношение умерших мужчин и женщин было таким же, как и во время трагедии: 3:1. Суперсовременное биологическое оружие и сегодня продолжает бить по нам и нашим детям. Многие из пострадавших стали инвалидами, у них все чаще отказывают ноги, почки. Врачи бессильны в лечении, потому что состав вакцины до сих пор остается государственной тайной. У вакцинированных

родителей рождаются дети с серьезными отклонениями в состоянии здоровья. Масштаб потерь среди будущих поколений оценить невозможно, так как не исключено, что генетический след «биологического Чернобыля» как бы законсервирован в нашем организме. А между тем у людей мучительно болят ноги, «разламываются» суставы.

Ни один из пострадавших и родственников погибших не получил от государства никакой помощи. Они остались наедине со своими бедами только лишь потому, что никто из причастных к «эксперименту» не признается в нарушении Международной конвенции 1972 года «О запрещении разработки и производства биологического и токсинного оружия». Закон о помощи пострадавшим от «сибирской язвы», который был принят Верховным Советом РСФСР в 1992 году, не сработал, т.к. этот диагноз не был проставлен в медицинских документах, к тому же документы были уничтожены. Как ни больно об этом говорить, но уральцам придется признать, что тогдашний первый секретарь обкома КПСС мог не знать, чем занимались военные из 19-го городка, но как первый секретарь, он не мог не знать истинных масштабов случившейся трагедии и всех ее последствий.

Мы, межрегиональная экологическая организация Союз «За химическую безопасность», хотим, чтобы Президент России, бывший в то время в Свердловске первым секретарем обкома КПСС, вспомнил об этом событии. Мы обращаемся ко всем родственникам погибших и очевидцам событий роковой весны 1979 года, где бы они ни проживали. Дайте о себе знать и расскажите, как это было. В письмах ли, в средствах ли массовой информации, но надо сказать об этом, чтобы не допустить повторения подобных экспериментов.

Мы обращаемся к работникам медицинских служб, на чьих глазах болели и умирали люди. Вы многое видели и, будучи верными клятве Гиппократова, должны осознать, что нет смысла сейчас молчать о той катастрофе, в которую нас ввергли военные. Выполните свой долг и вспомните о тех, кого вы не смогли спасти в те роковые дни.

Мы обращаемся к офицерам госбезопасности России, повязанным расписками о неразглашении того, что произошло. Задайте вопрос своему руководству: что случилось со следственной бригадой КГБ, с 1979 по 1982 год работавшей в подземельях 19-го военного городка? Те 10 крепких парней получали так называемые встречные прививки, хватая биологическую заразу в секретных лабораториях. Итог: пятеро из них уже умерли в расцвете сил, и остальных ждет та же участь. За тайны КГБ приходится платить людям из самого КГБ. Офицеры! Если у вас проснетась совесть, ответьте, что на самом деле произошло в ночь со 2-го на 3-е апреля 1979 года, и расскажите народу, как вымирал целый город в ту весну.

Мы обращаемся к родственникам военнослужащих России и стран СНГ, различных воинских частей, расплававшихся в зоне поражения. К тем, чьи дети и внуки попали в конвейер смерти и были похоронены под номерами в безымянных могилах кладбищ Свердловска-Екатеринбурга. Если живы свидетели того, как наша Родина прощлась со своими сынами на Северном, Восточном, Лесном и других кладбищах, — отзовитесь!

Мы обращаемся к военным биологам — разработчикам супероружия XX-го века. У всех вас навечно подписанные обязательства о неразглашении государственной тайны. В том, что случилось, нет вашей вины, вы только лишь выполняли преступные приказы. Вы их выполнили на «отлично» и погони носите не зря. Но подумайте в цифры: средняя продолжительность вашей жизни за бетонным забором 19-го городка на 6 лет меньше, чем в России, на 5 лет меньше, чем в Екатеринбурге. Ваши дети уже впитали в кровь биологическую заразу — болезнь костно-мышечной системы у них встречаются в 2,5 раза чаще, чем у других детей Екатеринбурга. Неужели данный вами обет молчания дороже жизни собственных детей?

Мы обращаемся ко всем нормальным людям, гражданам многострадальной России. Только своими действиями и поступками мы сможем заставить руководство нашей страны рассекретить работы, проводившиеся в Военно-биологическом Центре Минобороны СССР в г. Свердловске, и состав вакцины, которую прививали населению. Пока мы не узнаем правды Прошлого, путь в здоровое Будущее нашему обществу заказан. Ради покаяния перед погибшими мы должны заставить власть разработать и принять новый закон, который реально обеспечит бы социальную защиту семей погибших и всех других пострадавших. И давайте не будем надеяться, что Запад вам поможет: никто нам не поможет, только мы сами. А для этого наше общество должно знать правду, какой бы жестокой она ни была.

В своих сообщениях можете указывать только то, что сочтете возможным (фамилию, имя, отчество, адрес, сведения о погибших или умерших от вакцинации с указанием возраста, датой и официальной причиной смерти, количество сделанных прививок и другие данные, которые Вы сочтете нужными).

Письма можно направлять по адресу:

**117292, Москва, ул. Профсоюзная, д. 8, корп. 2, кв. 83.
Президент Союза «За химическую безопасность»
Лев ФЕДОРОВ**

*(Из правозащитной и просветительской газеты
«ПОЗИЦИЯ», г. Снеженск)*

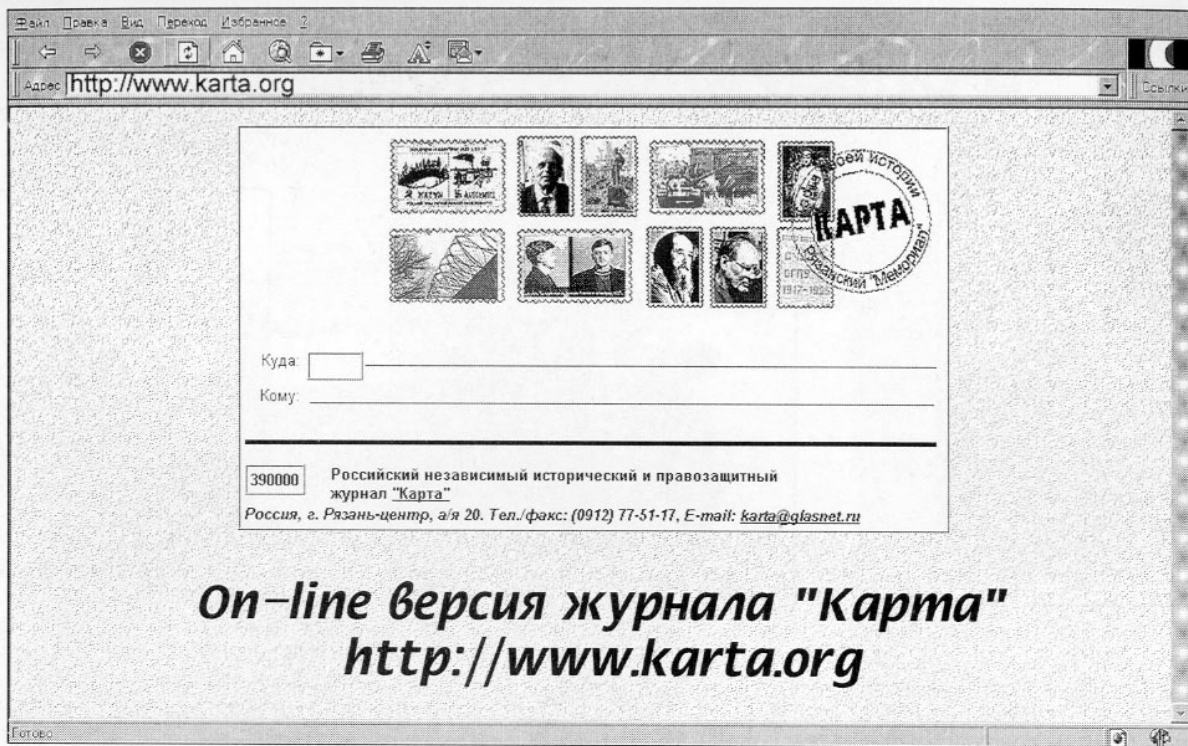
«СОВЕТСКИЙ АРХИВ» ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО В ИНТЕРНЕТ

<http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/buk-rus.html>

«... Было принято решение о создании президентской комиссии, которая временно, для нужд суда, откроет архивы. И я приехал в Москву и получил первый за всю мою жизнь государственный чин — я стал официальным экспертом Конституционного суда Российской Федерации.

Конечно, я знал, с кем буду иметь дело. Показать-то они покажут, уж коли пообещали, а вот скопировать не дадут, это точно. Ксероксы у них вечно будут сломаны, бумага — отсутствовать и т.д. и т.п. И потому я купил себе портативный компьютер и ручной сканнер. Я был уверен, что таких вещей в России пока никто не видел. Я сидел посредине зала Конституционного суда, передо мной лежали 48 томов документов, и спокойно сканировал их на глазах у всех. Никто из присутствовавших не понимал, что я делаю...»

On-line версия журнала "Карта"
<http://www.karta.org>

NED

**Журнал "Карта" выходит при поддержке фонда
 National Endowment for Democracy (NED)**

Нас поддерживали:

Фонд «Евразия»
 (Вашингтон)

Посольство Королевства
 Нидерланды

Фонд Польско-Чешско-
 Словацкой Солидарности
 (Варшава)

Международное историко-
 просветительское и
 правозащитное общество
 «Мемориал»

OPEN SOCIETY INSTITUTE
 Институт "Открытое Общество" (Москва),
 Фонд Джоржа Сороса

Немецкий Народный Союз по
 уходу за могилами жертв
 войны и репрессий

МП "Декор"(Рязань)

Правозащитный фонд "За
 гражданское общество"
 (Москва)

Программа малых грантов
 Российско-Американской
 Проектной Группы по
 правам человека (Москва)

Фонд Форда
 (Вашингтон)

Фирма "Бриг-Ф"
 (Рязань)

Агентство США
 по Международному
 Развитию

Полиграфическая фирма
 Петера Ломмана (Мюнстер)

Институт Демократии в
 Восточной Европе
 (Вашингтон-Варшава)

